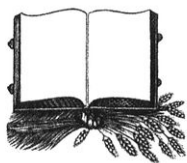

Танит Ли
ЗЛОВЕЩИЕ ИСТОРИИ

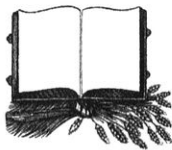
Танит Ли
ЗЛОВЕЩИЕ ИСТОРИИ

БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2020

*Библиотека
фантастики и приключений*

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2020

Танит ЛИ

ЗЛОВЕЩНЕ ИСТОРИИ

СЕВЕРО-ЗАПАД
2020

ББК 84 (7 Сое)-44
Л55

Составитель серии *А. Лидин*
Ответственная за выпуск *Я. Забелина*

Л55

Танит Ли «Зловещие истории». — СПб.:
«Издательство «Северо-Запад», 2020.— 328 с.—
Библиотека приключений и фантастики
ISBN 978-5-93835-075-5

ISBN 978-5-93835-075-5

© ООО «Издательство «Северо-Запад», 2019

МЕДРА

В ЦЕНТРЕ ПОКИНУТОГО и частью разрушенного города восьмьюдесятью девятью этажами взметнулся в предвечернее небо старый отель — единственное уцелевшее здание в городе. Когда-то этот город был чрезвычайно красив и многие из его сооружений достигали

огромной высоты. Но сейчас вокруг отеля рухнули несколько небоскребов и белое сооружение, напоминающее свадебный пирог, было видно почти из любого уголка города с расстояния многих миль.

Заход солнца на этой планете длился несколько часов и был чрезвычайно красив. Отель, казалось, тает в раскаленной свете. Его каменные украшения, долго сглаживаемые ветром, стали прибежищем больших ящериц, которые вылезали из них в пору заката солнца и начинали ползать вверх и вниз по колоннам, мимо пустых окон, за которыми уже никто не жил. Их чешуя отблескивала золотом, их химерические морды смотрели в даль, в безмерную перспективу города, брошенные окна домов которого отвечали им тем же блеском. Большие ящерицы были не настолько глупыми, чтобы воспринимать этот блеск как что-то одушевленное. Единственное живое существо кроме них самих и изредка пролетающих белых скелетоподобных птиц обитало на восемьдесят девятом этаже отеля. Иногда ящерицы видели, как это живое существо двигалось за двойными стеклами окна, иногда шум от машины или музыки пролетал по всему зданию так, что дрожал камень стен, не говоря уже о стекле. И тогда ящерицы настораживали свое веерообразные уши.

Медра жила на восемьдесят девятом этаже. Часто ее можно было видеть через стеклянные витрины — молодая с виду землянка с черными, достигающими до пояса волосами. Она была классической красавицей — в своей спокойной, умиротворенной красоте. Значительную часть дня, а иногда и ночи, она сидела или лежала совершенно неподвижно. Казалось, она не делает ни малейших движений: ни шевеления пальцев, ни дрожания век. И только при внимательном рассмотрении можно было понять, что она жива.

В такие минуты, которые занимали около двадцати шести часов на каждые тридцать шесть часов суточного цикла этой планеты, Медра — неподвижно лежа — достигала особенного духовного состояния. Она улетаала своим духом в физические и не физические измерения, путешествовала над горами, под океанами и даже пронизывала галактики. Она пролетала сквозь огненные короны звезд и морозные дали космического пространства, где вращались миры-планеты, маленькие, как капли влаги на стеклах ее окон. Бесконечное разнообразие существ появлялось на путях духовных путешествий Медры и исчезало с них. Создания суши, воды и воздуха и даже межзвездной бездны. Города и подобия городов появлялись и исчезали так же легко, как и бегущие к ней и пропадающие леса и поля. Она чувствовала, что эти видения как-то связаны с ней. Что если она даже не создает их сама, то вплетает в них что-то от себя. Она желается частью их, в своем собственном воплощении. Во все она вплетала любовь, не ощущая страха, а когда они уходили из нее, она чувствовала мягкое ощущение потери. Но только на мгновение. Только «пробуждаясь», Медра ощущала настоящую грусть.

Ее глаза медленно раскрывались. Она осматривалась вокруг. Вставала и обходила свои апартаменты, которые поддерживались в полном порядке механизмами отеля.

Все комнаты были очень удобные, а две или три весьма элегантны. С одной стороны к комнатам примыкала оранжерея со стенами из дымчатого стекла. Росли там и плодоносили огромные странные растения с многих планет галактики. Была также ванная комната с мраморным бассейном. Литература, музыка, искусство и театр многих миров были в ее распоряжении. При касании кнопки самая изысканная еда — в свое время

отель славился своими яствами в двадцати звездных системах — появлялась на столе.

Она прогуливалась по пыльным пустынным улицам или, забравшись в одну из машин на воздушной подушке, носилась между домами (вернее, между тем, что осталось еще от некогда прекрасных домов), мимо слепых окон, над мостами — и обратно.

Ночью она спускалась на восемьдесят девять этажей вниз и на террасе попивала кофе или шербет. Звезды над планетой ярко сверкали и были густо рассыпаны в небе. Когда спускались сумерки, в городе начинало сверкать несколько огней, питаемых еще работающими генераторами. Она даже не пыталась проверить, живет ли кто-нибудь там, в тех домах, где горели огоньки. Иногда к ней подкрадывались ящерицы. Несмотря на свои внушительные размеры, они были весьма осторожны. Медра гладила тех, кто осмеливался приближаться к ней.

В последние годы у нее появилась привычка выходить на крышу своего дома. Но все чаще пробуждаясь и открывая глаза, она ощущала какую-то утрату и начинала плакать. Она чувствовала себя одинокой. И всегда ощущала из-за этого боль, хотя каждый раз другую — острую, как бритва, резкую, как укол иглой, ноющую, как рана.

— Я одна! — сказала она как-то.

Выглядывая из окна, она видела, как путешествуют без конца вверх и вниз ящерицы. Она видела город и отдаленный туман, закрывающий равнину за городом. Сны были единственным утешением. Но и их теперь уже не доставало.

— Одна! — как-то в который раз повторила Медра своим мягким трагическим голосом и отвернулась от окна.

Она не заметила золотистой искры, которая проявилась на темнеющем небе и белого шлейфа пара, тянущегося за ней.

ДЖЕКСОН ПОСАДИЛ СВОЙ разведывательный катер в какой-то полумиле от границ города. Позже, к полудню, он выбрался из катера, вооруженный до зубов, настроив компьютер катера на отражение враждебных действий туземцев, если, конечно, таковые здесь окажутся. Однако наверняка тут не было ничего, от чего нужно было защищаться. Звездолет-матка остался на орбите этой планеты. Он направился в город. Джексон был авантюристом, готовым наняться к любому хозяину, лишь бы платили побольше. На эту планету, значительно удаленную от обитаемых миров и торговых путей, его привели условия, поставленные капитаном корабля, висящего над планетой. Они познакомились в забегаловке космопорта Старого Нью-Йорка, когда золото, из которого, как всегда казалось, был выкован Джексон, оказалось немного подпорчено видом окровавленного носа и подбитого глаза — этих атрибутов драки.

— Большое спасибо за помощь, кэп. Хотя я и сам справился бы с этими подонками. Чем я могу отплатить вам?

Капитан положил перед ним старую звездную карту и ткнул пальцем куда-то в самую нижнюю ее часть.

— Что это? — удивленно спросил Джексон.

Капитан пояснил. Сто лет назад на одной маленькой планетке в звездной системе на краю Галактики была оставлена машина колоссальной мощности. Колонисты были спешно эвакуированы с этой планеты из-за внезапно начавшейся тектонической деятельности. Город был брошен, а сама звездная система вычеркнула из штурманских карт, как непригодная для обитания человека.

Осталась только история о машине, которая недавно выплыла на свет. Джексон понял, что капитан хочет воспользоваться его помощью, чтобы определить размеры машины и ее охранные приспособления.

— По всей вероятности, это военный компьютер. Поэтому он серьезно замаскирован и хозяином будет тот, кто найдет его.

— Очень мило! — сказал Джексон, саркастически улыбаясь стакану с виски.

— С другой стороны, это может оказаться липой, — продолжал капитан. — Поэтому я хотел бы проверить это, не рискуя головой.

— Вы хотите подставить мою голову вместо своей?

Капитан назвал сумму. Джексон оценил ее и согласился. Уже не борту звездолета он задал мучавший его вопрос:

— Вы не ответили на мои вопросы, капитан. Что может эта машина? И как она охраняется?

— Никто этого не знает, парень. Ходят правда слухи, что это апокриф... да, да, именно расплетатель!

Так на сленге называли нечто, что уже десятилетия было кошмаром всего человечества и было проклято всеми правительствами обитаемых миров и что просто не имело права на существование.

— Что? Деструктивный преобразователь материи? — присвистнул Джексон.

— Именно. А теперь главное. Сейчас ты умрешь от смеха. Единственным охранником этой машины, как говорят, является одинокая женщина, живущая в белом отеле.

Легенды множились в космосе, рожденные в барах и забегаловках, разносились пьяными космонавтами. Но пока они летели, Джексон понял, что капитан-авантюрист был подставным лицом. Что вся афера спланирована и

контролируется правительством Земли с вероятной целью отыскать и уничтожить дьявольскую машину.

Все было отлично закамуфлировано. Вроде бы пират-капитан на краденом корабле, авантюрист-пьяница, промышляющий, чем придется — так собственно должно было это выглядеть. Если существа, которые спрятали эту машину, узнают, что Земля что-то замышляет по отношению к ней, может возникнуть галактический конфликт. И причиной его может стать он, Джексон.

— Капитан, вы не скажете мне, что ждет нас в случае разглашения цели нашего путешествия?

— Ничего, вздор, вымысел! Буря в стакане воды!

— А вы видели когда-нибудь бурю в стакане воды? — Усмехнулся Джексон. — Я вот один раз видел. Трюк, который проделал в центаврийском баре один тип. Это превратило заведение в сумасшедший дом.

Войдя в город между гигантскими колоннами моста, Джексон увидел отель. Он остановился, рассматривая его, и тут же вспомнил легенду о женщине, которая охраняет машину, способную разорвать на клочки все планеты, звезды и само пространство. Если это так, то сторож скорее всего должен быть роботом или роботом-андроидом...

Рядом проплыл вездеход на воздушной подушке. Джексон остановил его и сел на переднее сиденье. Машина быстро понесла его к отелю. За двести футов от здания он активировал датчик, предупреждающий его об угрозе нападения, вмонтированный в грудь, и подключился к компьютеру, управляющему вездеходом. Задал вопрос и моментально получил ответ.

Ее имя было записано в списках колонистов и звучало как Медра. Она не была роботом, андроидом или даже существом, рожденным в пробирке. У нее были длинные черные волосы, светлая кожа и карие глаза. Ее вес...

— Минутку, — прервал Джексон доклад компьютера. — Как обстоит дело с трансплантантами?

— Отсутствуют! — вывела машина слова на бортовом экране. И стала подниматься вверх, как лифт, вдоль стены отеля. Шестидесятый этаж, семидесятый...

— Проверь снова! — приказал Джексон.

Ящерицы смотрели на него выпученными глазами, когда он проплывал мимо них, и он уже знал о них все — в здании и вокруг него их гнезилось около двух тысяч штук. Это были неагрессивные травоядные, незлобные и крайне ограниченные в интеллектуальном развитии существа. В нескольких сотнях футов выше пролетала птица.

— Проверь и это! — приказал Джексон, насупленно разглядывая ящериц.

Но это была только птица... Восемьдесят первый этаж... восемьдесят девятый... машина остановилась.

Джексон увидел женщину про имени Медра.

Она стояла возле окна и смотрела на него через двойную стеклянную раму. Ее глаза были прекрасны... и широко раскрыты.

Джексон наклонился вперед, улыбнулся и беззвучно пошевелил губами:

— Я могу войти?

Он, казалось, был сделан из золота. Золотистые глаза, золотистое руно волос. Его полувоенная одежда была сделана из блестящей, золотистой материи. Казалось, он ослепляет всё, что на него смотрит.

Медра отошла от окна и нажала кнопку. Тут же ее герметичное стекло поднялось, и мужчина неуклюже забрался на балкон. Стекло опустилось за его спиной. Медра невольно подумала, а не оставить ли его здесь, на балконе, пойманного между двумя листами герметичных стекол? Но появление здесь этого человека было столь изумительным, столь волшебным, а кроме этого наружная защита

была не очень прочной, и ее легко можно было преодолеть. Она подняла внутреннюю стеклянную перегородку, и золотой Джексон вошел в ее комнату.

Выбор способов преодоления стекла был многочисленным, и он уже подумывал, каким воспользоваться, когда проход открылся.

— Добрый вечер, — поздоровался Джексон. — Я знаю, что твое имя звучит как М-Е-Д-Р-А. Мое звучит как Д-Ж-Е-К-С-О-Н. Твои комнаты великолепны. Кто тебя обслуживает? И климат приятный. А как тебе живется с ящерицами?

Говоря это, он продвигался вперед. Женщина не двигалась. Она смотрела прямо в его глаза и ждала. В двух футах от нее он остановился.

— А машина? — спросил он. — Где она?

— Какая машина? — переспросила Медра. — Их здесь много.

— Не валяй дурака, ты прекрасно знаешь, какая машина. Не та, что застилает твою постель и не та, что накрывает на стол и проигрывает музыку. И не городской компьютер, который управляет вездеходами и включает генераторы в домах.

— А других здесь нет, — пожала плечами она.

— Ошибаешься, есть. Иначе зачем бы тебе жить здесь?

— Зачем мне...? — она удивленно посмотрела на него.

Все это время датчики посылали сильные импульсы в его тело, и он давно учился быстро и безошибочно расшифровывать их. Она не вралась. Она была поражена его появлением и реагировала на это вполне естественно. Ее пульс был учащенным, но это можно было отнести к его появлению здесь.

— ...жить здесь? — наконец закончила она свой вопрос и улыбнулась. — Просто я осталась, и все. Ядро

планеты нестабильно. И нам приказали срочно улететь. Но я решила остаться. Я родилась здесь, понимаешь? И здесь осталась вся моя семья. Мой отец был архитектором, который спроектировал этот отель. Я росла здесь, в этом здании. Когда прибыли корабли, я не пошла на посадку. Мне некуда было лететь. Некуда и не к кому. К тому же землетрясения ожидалось не очень сильными. Отель был спроектирован так, чтобы выдерживать довольно сильные подземные толчки, в то время как другие дома...

— Есть здесь еще кто-нибудь? — перебил ее Джексон.

— Я не видела здесь ни одного человека вот уже... вот уже... лет десять?

Это последнее слово было вопросом, так, словно он лучше ее знал об этом, но он промолчал.

Тогда она закрыла лицо руками и стала плавно оседать. Джексон подхватил Медру и удержал ее от падения. Она зарыдала.

(Никакого притворства. Все натурально. Эмоциональный импульс естественен — датчик в груди привычно уколол успокаивающей информацией).

Джексон не знал, сколько прошло времени. Его мысли стали запутанными, они переметнулись в другом направлении, вслед за своими ощущениями. Словно где-то вдалеке ему было приятно от ее теплого аромата, от чарующей мягкости ее черных волос, от мысли о том, что он доставил ей облегчение.

ПРОХОДИЛО ВРЕМЯ, БЕСКОНЕЧНОЕ время. Впервые никто или ничто не торопило его. Единственной необходимостью было отыскание определенности. И с самого начала он был достаточно уверен и оставался только вопрос доказательства этой уверенности, исключение сомнений

из сомнительности. Кроме миниатюрной электроники, которой он был наспигован, у него еще были собственная голова на плечах. Джексон давно уже понял, что здесь не было ничего, хотя бы отдаленно напоминающего преобразователь материи. Высоко в небе кружил корабль, доставивший его сюда, внимательно изучая поверхность планеты и глубины ее недр. Сам же он, путешествуя по городу в воздушных машинах, не улавливал ни малейших следов деятельности гигантской машины.

И все же здесь что-то было. Что-то особенное, необычное. Или он только искал основание, чтобы остаться и побыть здесь подольше.

В один из вечеров, когда закат солнца начал таять в ночи, она сказала ему:

— Ты здесь, и я не знаю, зачем. Я совсем не понимаю тебя. Но не будем об этом больше. Давай выпьем шампанского и пройдем в бальный зал.

И когда гримаса удивления искривила его лицо, добавила:

— Вы гость в этом отеле! Здесь было до вас так тоскливо!

И это было правдой. Отель буквально ожил, ощутив присутствие еще одного человека. Он настроился и был готов услужить. В бальном зале они обедали за великолепным столом, и каждая тарелка, бокал, салфетка и нож носили на себе отпечаток радости отеля. Они пили из хрустальных бокалов и танцевали на хрустальном помосте, лениво кружась в танце, модном десять лет тому назад, а музыка осыпала их звуками, как дождем. Джексон не пьянел и не терялся в такой необычной ситуации. Медра в его присутствии вела себя, словно ребенок, или скорее, как молодая девушка.

Но она не была ребенком, хотя и сохранила невинность молодой девушки. Она была взрослой женщиной,

и он чувствовал это, когда она опиралась на него во время танцев. Он правда привык к женщинам другого рода — твердым, мудрым, даже интеллигентным, с которыми он встречался в бардаках, навещая их время от времени на разных планетах галактики, или на огромных звездолетах, рейсовых кораблях в глубоком космосе. Это не означало, что он был знаком только с такими женщинами. Пару раз он по-настоящему влюблялся. А Медра, ее быстрый разум и сладость, возвращающаяся к жизни под влиянием его близости. И этот очевидный факт, что не имея выбора, она прониклась к нему каким-то чисто первородным доверием.

А что же сама Медра? Она влюбилась в него с первого взгляда. Это было неизбежно.

В первый вечер, после первой встречи, они расстались и ушли каждый в свои апартаменты. Когда Джексон, как золотая акула, метался по ванной и вытаскивал из шкафчиков старые шампуни и эликсиры, и в конце концов установив аппаратуру, связался с кораблем, когда все это происходило, Медра лежала на кровати прямо в вечернем платье и спала наяву. Сны наяву казались более прекрасными, чем какие-то сны о звездах, океанах, горах. Мужчина, который оказался в ее мире, на ее планете, на планете ее заботы, оказался ее звездой, солнцем, океаном, вонзенной в небо вершиной. И когда она наконец заснула, спала легко, и он ей снился.

Потом потянулись дни, долгие теплые дни. Пикники в развалинах, где пыль служила одновременно и постелью, и укрытием. Они обедали с бесчисленных ресторанчиков, которые, как и отель, реагировали на присутствие людей. Бродили по городу, шарили по пустым полкам библиотек, находя иногда какую-то запыленную книгу, забытую в спешке скорой эвакуации.

Джексон сопровождал ее всюду, одновременно исследуя, высматривая, выискивая хотя бы что-нибудь, указывающее на присутствие разыскиваемой им вещи. Но, наряду с этим, другой уровень его подсознания был полностью поглощен Медрой. Она уже не сторонилась его и с каждым разом становилась все ближе и ближе.

Гуляя по городу, Медра открывала его заново. Ее переполняли жалость и ностальгия. Она начала понимать, что должна будет уйти отсюда. Хотя об этом они между собой не говорили, она догадывалась, что он намеревается забрать ее с собой.

Ночи были теплые и ароматные. Ящерицы выползали на площадь перед отелем и смотрели куда-то в темноту, а уши их поднимались и раскрывались, словно какие-то невиданные цветы. Они ели из рук Медры, но не потому, что были голодны, а лишь из-за того, чтобы доставить ей радость. Этот ритуал стал их общей тайной и обычаем. Они были довольны и по-своему радовались такой жизни. Джексона они сторонились.

Медра и Джексон часто гуляли по ночному городу. (Свет из отеля, словно свет маяка, был виден со всех концов города). Когда они иногда оказывались в каком-то отдаленном месте и ветер овеивал их своим ночным дыханием, идущим от инкрустированного звездами мрака, он обнимал ее, и она прижималась к его груди. Он рассказывал ей о своей жизни, о делах, о которых никогда никому не рассказывал. Он говорил ей о своих темных делах. Делах, которые он делал, но которыми никогда не хвастался. Он постоянно испытывал ее, наблюдая, как она будет реагировать на эти факты; она не ужасалась, не пыталась укорять или хвалить его, но и не отворачивалась от них. Она начала понимать его благодаря своей любви к нему. И он видел это. Но был не в восторге. Конечно, он давно уже решил взять ее с

собой, когда будет улетать. Но Джексон имел мужество признаться себе, что в каком-то другом, более людном месте, он скорее всего даже не взглянул бы на нее.

В конце концов, когда в одну из ночей, они ехали вместе в лифте на верхние этажи отеля, Джексон сказал:

— Я устроил свои дела здесь. Завтра утром можно улетать.

Она догадывалась, что он без нее не улетит, но все же решила услышать его слова.

— Я выключу всюду свет, — произнесла она с улыбкой. — Когда твой корабль будет взлетать, ты увидишь, как тьма поглотит город.

— Ты тоже сможешь это увидеть, — улыбнулся он ей в ответ. — В катере достаточно места. Если, конечно, ты не захочешь забрать с собой своих любимых ящериц.

Он замолчал и притянул ее к себе, поцеловал, и она ответила на его поцелуй.

Они добрались до восьмьдесят девятого этажа и вошли в ее покои. На ложе, где она спала, путешествуя между галактиками, где спала и мечтала о своем возлюбленном, они полюбили друг друга. И на период этой любви город замер, стих, как остановленные часы.

ЗА НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ перед восходом солнца Джексон покинул свою возлюбленную. Он вернулся в свой номер на семьдесят четвертом этаже и включил аппаратуру. Затем он передал на орбиту данные, полученные им за последние часы и в конце добавил, что привезет с собой пассажирку. Капитан услышал эти слова, не выказав большого удовлетворения.

— Она последняя из колонистов, — сказал в оправдание своих действий Джексон и этим убедил капитана.

Выключив коммуникатор, он лег на постель и стал думать о женщине, находящейся в пятнадцати этажах и в пяти минутах пути от него. Он думал о ней так беззаботно и весело, словно молодой моряк, уходящий в рейс. На него накатила волна желания, и он уже было решил встать и отправиться к ней, когда услышал скрип открываемой двери и шелест шелка. Медра пришла к нему сама. Ее лицо было напряженным. В полутьме, которую не мог рассеять небольшой ночник, чернота ее волос сливалась с ночью и являла собой единое целое. Он уже начал приподниматься на своем ложе, когда внезапный прилив адреналина заставил его ощутить глубокий страх — сквозь ее тело просвечивал свет лампочки!

— Что? — только и смог прошептать он, лихорадочно шаря под подушкой в поисках пистолета. — Что происходит? Настоящий дух или плохая голограмма? Медра, ты настоящая?

— Да, — ответила она. Ее голос был тем самым голосом, который несколько часов тому назад вторил его голосу с любовью и нежностью. — Я Медра, настоящая Медра! Это не голограмма. Я оперирую разными видами материи. То, что ты сейчас видишь перед собой, не что иное, как сознание, освобожденное от тела.

— Да... но как же оно? Твое тело? Ведь оно такое прекрасное! Я не могу забыть о нем. Где оно?

— Там, наверху. Оно спит. Очень крепко спит. Это нечто вроде ультрасна, к которому оно очень хорошо приспособлено.

— Если тебе нравится такая игра, научи ей и меня.

— Нет... Ты опасен. Я знаю это лучше, чем мое второе, физическое «я». Мне жаль, поверь. Извини меня, что я тебе сказала об этом. Я все знаю о тебе, внутренняя душа всегда сильнее и динамичнее, нежели мысленный инстинкт, который мы называем разумом.

Он сел на постели. И позволил ей продолжать. Пистолет остался под подушкой.

Она знала (она, сгусток Медры) зачем он прилетел на эту покинутую планету и знала сущность машины, которую он разыскивал здесь. Легенда о преобразователе материи была только легендой. Такая аппаратура никогда не существовала. Однако в своей основе легенда имела зерно истины. В гигантской структуре Вселенной, так же как и в любой материи, которой пользуются очень часто, с течением тысячелетий могут возникать определенные прорехи. В таких местах основа и нити начинают истончаться, разрезаться. И не только механическое уничтожение может привести к апокалипсису, а сам макрокосмос, перетираясь, спонтанно создает угрозу. Конечно, это изменение атомов одинаково опасно было и в местных, и в мировых масштабах. Каждый разрыв нужно, необходимо было заштопать, постоянно наблюдать и следить, чтобы шов не разошелся до тех пор, пока не исчезнет разумная жизнь в этом районе.

— Можешь себе представить, — продолжала она, — часовых? Тех, что остаются на своих постах все это время. Часовых, которые невероятным математическим и эзотерическим ткачеством исправляют и усиливают материю космической жизни. Нет, они не машины. То, что поддерживает жизнь, должно быть самой жизнью. Мы приходим от многих галактических рас. И стережем много ворот. Эта планета одна из тех ворот, а я одна из часовых...

— Нет, ты женщина, земная женщина! — воскликнул он.

— Да. Я родилась здесь, в колонии землян. Я дочь архитектора, который строило отели в двадцати звездных системах! Когда прилетели те, кто воспитывает часовых, они нашли, что мой разум, мой интеллект отлич-

но подходит для охранительной работы. И они научили меня этому. Знай же, что достигнув определенных возможностей, человеческое сознание становится настолько высоким и приспособленным к такой деятельности, что никакой механизм, созданный человечеством сейчас или в будущем не в состоянии конкурировать с ним. Я и есть та машина, которую ты ищешь, Джексон. Но я не разрушаю и не создаю Хаос, а являюсь гарантом возрождения и безопасности. Поэтому я здесь и буду здесь вечно. Тем, кого эвакуировали, дали новую память и внушили всякие доводы для того, чтобы покинуть планету. Я дам их и тебе тоже, ты не будешь жалеть. Несмотря на ту радость, которую ты мне принес.

— Но я прилетел не один, — возмутился Джексон. — Небо роится от мнительных типов, которые могут не поверить...

— Они поверят во все, что ты им скажешь. Я позабочусь об этом.

— Мой бог! Да ты же живая машина, рабыня каких-то...

— Нет, я не рабыня. Мне было предложено, и я сама это выбрала.

— Но все же ты женщина... а не...

— Я и то, и другое. Мое физическое «я» ощущает горечь одиночества. Ощущая, оно не догадывается, кем является. Только когда оно спит, проявляется мое истинное «я».

— Но такое невозможно!

— Возможно, дорогой. Так было всегда. Любимый, ты не первый, кто принес мне облегчение моего физического одиночества, когда временем начинаешь распоряжаться сам, ответы найти легко. Как думаешь, что привело тебя сюда?

Он вздрогнул. Она рассмеялась.

— Не бойся. Это история, полная счастья и радости. Еще раз спасибо тебе и прощай.

И она исчезла. Скрип двери, шелест материи — это было обманом, чтобы не напугать его. Он понял, что его обманули. Его нервы натянулись из-за ожидания возможных ловушек, однако инстинктивно он чувствовал, что ничего этого нет. Все должно быть именно так, как она говорила, и на определенном уровне подсознания он понял это и заиклился на этом. Была когда-то гипотеза, что бог — это женщина...

ДЖЕКСОН ВЕЛ КАТЕР в атмосфере, в чистом воздухе утра, а потом в чернильной ночи космоса.

Все осталось позади: планета, город, отель и женщина. Оставляя ее, он чувствовал себя глупо, но одна мысль немного успокаивала его. Так как она жила всегда, она должна быть немного сумасшедшей. А таким не было места в его жизни. Он не смог бы жить с такой. Ее необычные черты нравились ему, но такое наверняка не могло длиться слишком долго.

Корабли довольно часто появляются здесь. Кто-то да подберет ее.

— Какая женщина? — переспросил он капитана. — Все в порядке, кэп. Она не захотела лететь. И лучше сконцентрируйтесь на моем гонораре, я сделал для вас то, что вы заказывали.

Он оставил ее спящей. Ее волосы рассыпались на подушке, черные волны и небольшие ручейки. Глаза, как два темных бриллианта, прикрытые двумя нежными веками. Он вспоминал фасады пустых домов, ящериц, которые жили там. Он думал об оранжерее из цветного стекла. Думал о странных удивительных снах, которые заменяли ей жизнь. Она была трудной

женщиной, женщиной, с которой не удалась бы жизнь и которую можно было любить лишь один короткий миг.

В брошенном городе, на восемьдесят девятом этаже белого высотного здания, плакала женщина.

Она плакала от резкой боли, отчаяния и утраты. И от стыда. Потому что доверяла этому человеку, а он предал ее. Все служило тому, чтобы обмануть ее. Его улыбка, слова, жесты и желания не значили, оказывается, ничего. Ее обманула даже планета. То, как падал солнечный свет и как звучала музыка. Шелест листьев в оранжерее и их запах сводили ее с ума. Надежда — это преступление, заслуживающее кары, вердикт звучит одинаково — смерть!

Итак, Медра плакала.

Потом побродила по комнатам. На ум пришла мысль, а не покончить ли с этой ужасной жизнью? Ведь были лекарства, обеспечивающие тихий, спокойный уход из действительности. Можно было умереть в мучениях, словно мстя своей мучительной болью тому, кто предал ее. Она измучилась, и после долгого бессонного перерыва не оставалось ничего, как уснуть.

Медра заснула...

Она с-п-а-л-а! Вниз, вниз, все глубже и глубже! Дальше и дальше! Она оставила за собой цепь своих физических потребностей, импульсов, вздыханий и желаний, как оставила золотистую скорлупу города, как ее саму оставил тот, кого она полюбила всем сердцем. Потом ее разум в полном сознании, вышколенный, подготовленный к восприятию гигантских концепций и необычных параллелей, пробудился.

П-р-о-б-у-д-и-л-с-я!!!

Медра осознала себя мчащейся через пространство, подобно птице, пронзающей небо, и это пространство

вокруг нее было ее домом. Пронзая солнца и холодный космос, она проносилась через галактики, океаны и горы и ткала, ткала ковер. Образы наполняли ее счастьем. Космос стал ее любовником. Где-то вдалеке она увидела образ чего-то страшно знакомого и мгновением позже поняла, что это было эхо всей ее прежней жизни. Нежно и ласково она сказала ему:

— Ты моя радость, я буду вечно помнить о тебе, но этого ведь недостаточно.

Рядом с ней проплывали звезды, и ее разум формировал их блеск. Она была счастлива и в упоении блаженства подумала: «А вот этого вполне достаточно!»

СИНИЙ ФЛАКОН С ДУШАМИ

НАД ГОЛОВОЙ ТЕМНЕЛО вечернее небо с падающими звездами. Под ногами — долина с извилистой рекой, синеватая у горизонта, там, где огни города Вайма рассыпались созвездием золотых веснушек. Пейзаж сказочный, но мрачный из-за того, что сумерки размыли очертания домов в долине, окутав их таинственной дымкой. На голой вершине одинокого холма смутно выделялись стены странного павильона, сложенные из грубо обработанных каменных блоков. Рядом застыл испуганный человек. И хотя человек боялся каменного сооружения, он все же подошел к открытой двери и заглянул внутрь.

Внутри павильон выглядел зловещим, как и окружающий пейзаж. Через дверной проем виден был алтарь на квадратном возвышении.

— Я разыскиваю великого чародея Сабируса! — громко крикнул испуганный гость, и тьму разорвала зловещая красноватая вспышка.

Незванный гость охнул. Но не от страха. Он напряженно пытался понять, что же сейчас произойдет; он не вскрикнул, не кинулся бежать, не упал на колени, когда над алтарем возникло необычное создание — громадная бронзовая жаба размером с собаку. Колдовская тварь с металлическим скрипом разомкнула челюсти и спросила:

— Кто спрашивает Сабируса, Повелителя Десяти Устройств?

— Мое имя не имеет значения, — дрожа, ответил незванный гость. — Я пришел потому, что господин Сабирус интересуется волшебными диковинами. Я принес ему нечто удивительное.

В выпуклых глазах металлического земноводного отражались звезды.

— Очень хорошо, — проскрипела жаба. — Мой создатель слышит тебя. Ты приглашен. Входи.

При этих словах пол павильона разверзся; волшебная жаба продолжала невозмутимо сидеть на своем месте. Взору гостя открылась металлическая клетка, настолько большая, что в ней мог поместиться человек. В клетку приходилось забираться каждому посетителю, и перепуганный гость знал это. Как, впрочем, знал он и про холм, и про павильон, и про свет невидимых ламп, и про ужасного бронзового стража. О чудесах Сабируса рассказывали во всех портах Вайма. Кроме того, ходили слухи, что Повелитель Десяти Устройств заплатит золотом за любые волшебные предметы, конечно, в том случае, если они и в самом деле древние и уникальные.

Гость вошел в клетку, являвшуюся вторым из Десяти Устройств. Клетка тут же скользнула в бездонную шахту, уходящую в недра холма.

Незванный гость затрепетал от страха. Он прижал к груди кожаную сумку, думая о богатстве и о смерти.

САБИРУС ВОССЕДАЛ В кресле из зеленого кварца, в зале, стены которого были затянуты драпировками цвета увядающих алых роз с изображениями черных пантер. Чистое розовое пламя горело в очаге, источая легкий, приятный запах земляники. Сабирус спокойно смотрел на огонь. У чародея были красивый овал лица, длинные руки и гибкое, как у леопарда, тело. Одежда цвета запекшейся крови подчеркивала бледность кожи колдуна, а тусклые длинные волосы казались отлитыми из бронзы.

Когда клетка с незванным гостем опустилась в подземный зал и застыла на мягких подушках, Сабирус без тени улыбки посмотрел в ее сторону. Колдун внимательно оглядел простого смертного. Несчастный прижимал к себе сумку, в которой, скорее всего, хранил свое подношение.

Взгляд Сабируса одновременно выражал жалость к ничтожному человечку и сильную скуку. И это было даже хуже, чем открытая ненависть. Гомерический хохот или волчий оскал были бы, пожалуй, менее обидны, чем равнодушие колдуна.

— Так что? — спросил Сабирус. Нет, не спросил, в словах его слышалась мольба: «Во имя богов, хоть чем-нибудь заинтересуй меня!» Это походило на мольбу изнывающего от скуки Всевышнего, для которого люди — насекомые, а дела их — страницы книги, которые приходится листать и листать изо дня в день...

— Великий Чародей! — ответил человек с сумкой. — Я слышал, ты приобретаешь странные и удивительные предметы, и, возможно, ты... купишь волшебную вещь, которую я принес.

Сабирус вздохнул.

— Что же ты принес?

— В этой сумке хранится...

— Что?.. — затуманенные глаза Сабируса расширились, но лишь на мгновение. Колдун не верил, что

торговец принес нечто интересное. — Ты считаешь, эта вещь мне нужна? Не так ли? Но мне ничего не нужно... К сожалению.

Испугавшись, незваный гость что-то невнятно забормотал. Видимо, вспоминал фразы, которые использовал, когда расхваливал товар перед покупателями.

— Итак? — спросил Сабирус.

— Я... Я...

— Да?

— Госпоже Лунарии из Вайма должна понравиться эта вещь.

После этих слов несчастный замер, поняв, что сболтнул лишнее. Он затрясся от страха. И было чего испугаться: выражение скуки на лице колдуна сменилось презрением.

— Я стал посмешищем в Вайме? — вопрос прозвучал мягко, но в тоне чародея чувствовалась угроза.

Внезапно человек с сумкой понял, что больше всего Сабирус презирает самого себя. Тогда незваный гость пал ниц и залепетал:

— Никто бы не осмелился смеяться над тобой, Великий Чародей... ни над тобой, ни над чем-либо, связанным с твоим именем. Люди, живущие на берегах реки, бледнеют при одном упоминании его. Но ты не можешь винить их за зависть к твоим любовным победам, — сказав это, гость колдуна поднял голову. Нашел ли он, наконец, нужные слова?

Чародей долго не отвечал. Перепуганный торговец еще раз вспомнил все, что слышал в городе. Говорили, будто бы Повелитель Десяти Устройств взял себе в любовницы самую известную блудницу на этом берегу северного океана, и теперь Лунария управляет Сабирусом, словно беззубым львом. Приказывает ему сделать то или иное, требует дорогих подарков, дает различные поручения и даже

руководит им в постели. Некоторые считали, что история эта выдумана самой Лунарией, затеявшей опасную игру с Сабирусом. Другие утверждали, что Сабирус сам распустил этот слух, чтобы посмотреть, посмеет ли кто-нибудь посмеяться над ним, и потом расправиться с насмешниками самым злобным и извращенным способом. Но незванный гость не был уроженцем Вайма. Он пришел туда, перебравшись через горы. Сам он никогда не видел Лунарию и впервые встретился с Великим Чародеем.

— Ну? — сонно спросил Сабирус.

Несчастный вздрогнул.

— Я надеюсь, ты покажешь мне свое сокровище, — проговорил Сабирус. — А заодно расскажешь о его происхождении и о том, как нашел его. Можешь даже упомянуть об особых свойствах этого предмета, если такие есть, и продемонстрировать их. А потом назови свою цену.

Вздрогнув, торговец открыл замки кожаной сумки и вынул из нее мешок из мягкой замши. Оттуда достал бархатную коробку. Из нее он извлек предмет, сверкающий, как сапфир. Взору чародея предстал флакон из синего хрусталя высотой около фута с тонким горлышком и широким основанием. В горлышко с неровными краями была воткнута пробка из розового опала.

Гость подошел к креслу Сабируса, держа флакон перед собой, как талисман.

— Очаровательная вещица, — заметил Сабирус. — Но в чем же ее секрет?

— Мой господин, — прошептал торговец, — я могу лишь рассказать, для чего она предназначена. Сам я недостаточно искусен в колдовстве, чтобы проверить это.

— Хорошо... После этого ты поведаешь, откуда у тебя этот сосуд. Посмотри на меня, — добавил Сабирус. Его голос больше не был безвольным, в нем зазвучали холодные, пугающие нотки. У несчастного не оставалось

выбора. Сам того не желая, он поднял голову. Тем временем Сабирус стал крутить большое черное кольцо на указательном пальце правой руки. Сначала кольцо напоминало черную змею, затем стало походить на черный глаз, то открывающийся, то закрывающийся.

Сабирус опять вздохнул, разочарованный той легкостью, с которой подчинил себе простого смертного.

— Говори, — приказал колдун.

Торговец начал рассказ. Загипнотизированный черным кольцом, он говорил честно, без преувеличений, ничего не пропуская.

СТРАНСТВУЮЩИЙ ТОРГОВЕЦ ОДНАЖДЫ побывал в отдаленном северном городе и даже нанялся на службу к одному из местных вельмож...

В самом сердце голубой, как сталь, высокой скалы, возвышавшейся над городом, находилась гробница одного из местных королей. Ученые города, привлеченные древностью гробницы, наняли мастеровых, чтобы те проникли туда и сняли крышку саркофага. Странствующий торговец согласился участвовать в раскопках в надежде, что какие-нибудь магические драгоценности попадут и в его руки. Однако ученые так и не обнаружили ничего, кроме пыли, зловония, гнили и коричневого скелета, сжимавшего в руках флакон из синего хрусталя, заткнутый розовым опалом.

Эта находка оказалась единственной, и ученые преподнесли ее в дар тирану города. Тот милостиво принял флакон и попытался вынуть опаловую затычку, однако не смог этого сделать. Тогда он решил разбить вещь, но и это ему не удалось. После чего он приказал испытывать любые средства, лишь бы открыть флакон, но все его старания были тщетны. Наконец, тиран вызвал

одного из ученых и потребовал, чтобы тот исследовал таинственную находку. Ученый приютил странствующего торговца, зная, что тот участвовал в раскопках. Торговец поведал Сабирусу о неудаче, постигшей ученого. Сам же торговец не участвовал в магических ритуалах (конечно, он бы Сабирусу утверждал обратное, если бы не пребывал в гипнотическом состоянии). Как-то поздней ночью, когда торговец развалился на кушетке с кувшином вина, в доме раздался ужасный вопль. Мгновение спустя бледный, как мертвец, ученый, спотыкаясь, ввалился в комнату и, охая от страха, повалился на пол.

Торговец услужливо влил в рот ученого кубок вина, и только тогда тот заговорил.

— В сосуде сокрыто удивительное волшебство. Оно намного ужаснее и смертоноснее любого оружия. Какое зло оно может причинить, оказавшись в руках могущественного человека, трудно и представить! Какой вред оно уже нанесло людям!

— Выпей еще немного вина, — посоветовал торговец, охваченный любопытством. — И расскажи, что произошло.

Ученый сделал большой глоток и совсем захмелел.

Оказалось, что, разыскав одну старинную книгу, он обнаружил необычное заклинание, открывавшее любой закрытый сосуд. Когда ученый произнес заклятие, розовый опал выпрыгнул из горлышка флакона. Внутри забурлило. Ученый встревожился. Теперь хрустальный сосуд казался наполненным кипящим молоком. Молочная пена бурлила в горлышке. Ученый застыл, в ужасе задавая себе различные вопросы вроде: «Что мне делать?» или «Что предвещает это кипение?» Наконец, он произнес один из риторических вопросов, упомянув имя древнего короля, из могилы которого извлекли флакон.

Риторические вопросы не требуют ответов. Но на сей раз он получил ответ. Как только прозвучало имя древнего короля, пена поднялась до краев флакона. И взметнулась выше. За несколько секунд она сформировала в воздухе над флаконом мертвенно-белую фигуру человека высотой в фут, с густой бородой, в богатых одеждах, со странной диадемой на голове. Усмехнувшись, таинственный призрак обратился к ученому:

— Неплохо! Но в дальнейшем тебе придется четко соблюдать ритуал. Тебе повезло, что я был последним, кто попал в сосуд почти четыре столетия назад. Поэтому я и отозвался на свое имя. Ну, чего ты хочешь, величайший из глупцов?

Между ними завязался диалог. Ученый с недоверием отнесся к существу из флакона. Тогда крошечный белый король разозлился и поведал кое-что интересное.

Так ученый узнал тайну флакона. Оказалось, душа любого человека, умершего или убитого вблизи флакона, будет втянута в хрусталь и останется заключенной там до конца времен. С тех пор как создали этот сосуд, множество чародеев — тех, кто узнал его тайну, — с помощью флакона ловили души врагов, любовников и родственников. Король рассказал ученому, что сейчас во флаконе содержатся семь тысяч душ.

— Как же они там поместились? — воскликнул ученый.

В ответ король рассмеялся:

— Я не собираюсь отвечать на твои вопросы. Скажу только одно: внутри достаточно места.

Дальше король поведал, что любой человек, назвавший полным именем захваченные флаконом души, мог вызывать их. Выпущенная душа могла ответить на вопросы вызвавшего. Все это ошеломило ученого...

Наконец миниатюрное существо потребовало, чтобы его отпустили обратно во флакон, на что ученый с

неохотой согласился. Затем он бросился вниз по лестнице, дрожа от страха и возбуждения.

Но торговец сделал вид, что не верит в рассказ ученого. Он настаивал, чтобы тот снова вызвал дух короля. Не может быть, чтобы король не смог рассказать им, где закопаны его сокровища! Ведь хорошо известно, что все короли перед смертью приказывают похоронить вместе с собою часть своих сокровищ. Торговец считал, что ученый должен вновь вызвать дух и каким-то образом заставить его раскрыть секрет. Потом можно будет отыскать клад и завладеть сокровищами.

Ученого убедили настойчивость торговца и кувшин вина, и он решился снова вызвать дух короля. Но на этот раз ничего не произошло. Ученый и торговец хором повторяли заклинание, но безуспешно. Видимо, дух оказался прав, когда намекал на важность строгого соблюдения ритуала. Он повиновался в первый раз только потому, что был последней и самой молодой душой, заключенной во флакон, но вовсе не был обязан повиноваться и дальше.

После такой неудачи ученый занялся философскими рассуждениями, а торговец стал ругаться. Закончилось все тем, что ученый выгнал своего постояльца из дома. Той же ночью, пока ученый храпел, напившись, торговец забрался в дом и выкрал флакон. Поскольку ему уже не раз приходилось воровать, кража прошла удачно.

С тех пор торговец скитался по свету, пытаясь найти мага, который бы знал нужные заклинания, чтобы выманить и запугать духов флакона. Или хотя бы вытащить пробку розового опала, которую ученый снова опрометчиво вернул на место.

Проходили месяцы, но никто не мог распечатать таинственный сосуд. Неудачливого воришку охватило отчаяние. Неожиданно он узнал о великом чародее Сабирусе.

Началось все с того, что торговцу приснился сон, в котором могущественный Сабирус помог ему. И торговец решился попытать счастья. Безопаснее всего было просто продать флакон колдуну, избавившись от «бесполезного» предмета. Если какой-нибудь чародей и мог сделать хоть что-нибудь с этой вещью, то это был именно Повелитель Десяти Устройств. Торговец и не мечтал о том, что Сабирус разделит с ним свои знания. Самым разумным ему казалось обменять сосуд на золото.

КОГДА ТОРГОВЕЦ ПРИШЕЛ в себя, то увидел, что огонь в очаге стал зеленым. Теперь от него исходил аромат цветущих яблонь. Огонь являлся третьим Устройством...

Сабирус по-прежнему восседал на своем троне.

— Так какова твоя цена? — тихо пробормотал колдун, прикрыв глаза.

— Учитывая те возможности, от которых я отказываюсь, передавая тебе флакон... — Торговец собирался произнести эти слова смело, но проговорил их злобным и визгливым тоном.

— И учитывая то, что ты никогда не сможешь ими воспользоваться, так как не властен над флаконом... — добавил Сабирус, закрыв глаза, словно смертельно устал от всего происходящего.

— Семь тысяч монет. По одной за каждую из семи тысяч душ, томящихся во флаконе, — пробормотал торговец.

Веки Сабируса поднялись. Он устоял на торговца, и тот затрясся от ужаса. Неожиданно Сабирус улыбнулся. Это была улыбка древнего старика, умирающего от скуки, забавлявшегося попытками мухи вырваться из смертоносной паутины.

— По-моему... это разумно, — залепетал торговец.

Одна рука чародея медленно поднялась, и появилось четвертое Устройство. Это был бронзовый сундук, который выпрыгнул из-за вишневых драпировок. Сабирус что-то проговорил, обращаясь к сундуку; тот открылся, и на ковер, к ногам торговца, хлынул поток золотых монет.

— Семь тысяч монет. Можешь пересчитать, — объявил Сабирус.

— Мой господин, я и не думал...

— Пересчитай, — бесстрастно приказал маг.

Боясь обидеть чародея, торговец приступил к порученному делу. Но несчастный и не догадывался, сколько времени это займет.

Примерно через час его пальцы онемели, глаза слезились, спина заболела. Одно неловкое движение, и торговец соскользнул в механическую клетку, которая вытолкнула его наверх. Не успев опомниться, он очутился у подножия холма. Но на вершине его уже не было каменного павильона...

Испугавшись, что его могут обокрасть, торговец, звеня монетами, поспешно захромал прочь, и его силуэт вскоре растаял среди ночных теней.

ОГОНЬ ПЫЛАЛ В очаге, источая запах мускуса и амбры. Этот огонь Сабирус использовал, чтобы напомнить себе о Лунарии. Одно лишь воспоминание о красавице заставляло его трепетать, наполняя тело неясным томлением, хотя и не физическим желанием, но чем-то очень приятным и не вполне объяснимым. В своих видениях колдун представлял Лунарию Ваймиан не женщиной и не каким-то живым существом. Для Сабируса она была мечтой, возбуждавшей и доставлявшей страдание.

Городские сплетники говорили правду. Лунария, симболизируя собою город Вайм, не собиралась подчиняться колдуну. Она постоянно требовала от Сабируса подарков, но не принимала ни денег, ни драгоценностей. Она мечтала получить выгоду от того, что ее возлюбленный — чародей. Поэтому Сабирусу пришлось подарить ей розу, которая постоянно цвела; браслет, превращавшийся по приказу красавицы в змею; перчатки, менявшие цвет и материал; кольцо, которое распознавало ложь и тихо свистело, доставляя говорившим неправду массу неудобств. Сабирус выискивал волшебные безделушки и покупал их за золото, чтобы преподнести в дар своей возлюбленной. В ответ на эти подарки Лунария пускала Сабируса в свою постель. Но это не мешало ей развлекаться с другими мужчинами. Дважды она захлопнула двери своей спальни перед носом Повелителя Десяти Устройств. Однажды, когда колдун ударом ноги распахнул дверь ее дома, Лунария предостерегла его:

— Разве я чем-то прогневала тебя, мой господин? Если так, убей меня. Но если ты возьмешь меня силой, то предупреждаю, могущественный Сабирус: все твои усилия окажутся бесполезными.

Случалось, что Лунария прилюдно смеялась над чародеем, била его по лицу, жаловалась на его непомерный аппетит как в волшебстве, так и в любви. Присутствовавшие при этом дрожали от страха. Но равнодушие Сабируса поражало и удивляло их.

Люди считали глупой прихотью связь колдуна с любвеобильной блудницей и удивлялись этой связи. Сабирус потворствовал всем капризам красавицы и никогда не упрекал ее за это. Лунария и в самом деле была необходима Великому Чародею.

Кожа Лунарии была нежна, как лист лотоса, глаза отливали темным солодом. Зато волосы казались

почти белыми, с золотыми солнечными прядями. Она была прекрасна, но не лучше других женщин, которые, жалкие и уступчивые, готовы были броситься к ногам Сабируса. Все жители города Вайма и его окрестностей знали Повелителя Десяти Устройств и преклонялись перед ним. Все, кроме Лунарии. Она была единственной, бросившей колдуну вызов. Сабирус мог управлять живыми и неживыми созданиями, но не Лунарией. Подчинить эту женщину оказалось трудной задачей. Лунария не поддавалась колдуну. Раздражение, вызванное ее неповиновением, давило на Сабируса — перед ним была цель, придающая смысла его жизни. Ведь всего остального он мог добиться одним лишь словом.

Но подобные мысли, если они и приходили Сабирусу в голову, отгонялись с искусством настоящего актера. Он страдал, выслушивая отказы Лунарии и ощущая ее презрение. Ему оставалось лишь вздрагивать, глотая оскорбления, словно кислое вино. Одержимый навязчивой идеей, он рассматривал флакон синего хрусталя и размышлял о мистических игрушках, которые подарил своей возлюбленной.

Флакон. Пробку из розового опала однажды уже вынули с помощью заклинания «Открытие Бездны». Одна из копий древней книги хранилась у Сабируса (всего в мире существовало только три копии). На руны, написанные золотом на черном листе из бычьей кожи, Сабирус почти не смотрел. Он в совершенстве владел колдовским языком и отлично помнил это заклинание. Когда пробка выпрыгнула из горлышка флакона, Сабирус поймал ее и положил рядом. В хрустальном сосуде все закипело, из горлышка поползла пена — точно так, как ученый описывал торговцу. Другая рука Сабируса лежала на втором томе. У этой книги не было и не могло быть точной копии, потому что

при переписывании ее каждый маг создавал собственную версию. Однако название было общим: «*Tabulas Mortem*» — «Списки мертвых».

Из перечня, приведенного на одной из страниц, Сабирус выбрал семьдесят имен — сотую часть от общего количества душ, которые, по рассказу торговца, томились во флаконе. Чародей отобрал имена людей, умерших при странных обстоятельствах, тех, кто мог оказаться поблизости от колдовского сосуда.

Для вызова каждого из них требовалось совершить соответствующий ритуал и прочесть заклинания, необходимые, чтобы говорить с мертвыми. Огонь в очаге стал угасать. Он побелел и теперь источал запах ладана и сырой земли.

Сабирус закончил ритуал и назвал первое имя. Он выбрал одно из пяти возможных его произношений. Это было имя того самого короля, из гробницы которого был извлечен флакон. Имя, названное Сабирусом, прозвучало, но безрезультатно. Душа короля так и не появилась из сосуда. Предполагалось, что та душа, которой недавно пришлось подчиниться неверно сделанному вызову, может сопротивляться любому последующему. Сабирус вычеркнул из своего списка первое имя и начал новый ритуал.

В ВАЙМЕ НАСТУПИЛА полночь, и в ночном небе над холмом, в недрах которого скрывалось подземелье чародея, сверкали яркие звезды.

Сабирус назвал девятнадцатое имя.

Пена забурила в горлышке флакона и перелилась через край. Белые пузыри и завитки растеклись в воздухе. Из них выросла, словно цветок, стройная фигура, не похожая на другие. Она приобретала все более ясную форму. Наконец создание высотой в фут повисло в воздухе над

горлышком флакона. Это оказался воин, напоминавший искусно вырезанную шахматную фигуру, с очень мелкими, тщательно исполненными деталями — кольца кольчуги, витое навершие шлема, меч размером со швейную иголку. И все это было слеплено из белой, словно мел, пены.

— Я пришел. Что тебе надо от меня? — выкрикнул воин тонким голосом.

— Расскажи, как ты попал в этот сосуд.

— Мой город воевал с другим городом. Меня взяли в плен, и враги пытались узнать у меня слабые места в нашей обороне. Но я не выдал им ни одного секрета. И тогда появился маг. Он произнес заклятие. Я погиб, а мой дух втянуло во флакон. В следующий момент маг вызвал меня, и я всё рассказал моим врагам.

— Значит, то, что ты скрывал, будучи человеком, ты беззаботно выболтал, став духом, — заметил Сабирус.

— Совершенно верно. Все случилось именно так, как предвидел маг.

— Почему? Ты озлобился на людей после того, что с тобой случилось?

— Вовсе нет. Но, когда я попал во флакон, дела людей потеряли для меня всякое значение. Привычные смертным ценности: вероучения этого мира, его традиции и прочая людская суэта — все эти причуды являют собой лишь сны для тех, кто обитает во флаконе.

— Обитают? Сколько же места внутри этого маленького сосуда?

— Тебя бы это удивило, — ответил воин.

— Нет. Но ты опиши.

— Это странный вопрос. Обычно смертные, когда вызывают нас, требуют рассказать, где находятся наши могилы и как проникнуть в них и найти спрятанное там золото. Или выясняют наследственные пороки, поражающие наши династии, чтобы использовать слабости

сильных мира сего. Иногда они приказывают нам выполнить грязную работу, убить кого-нибудь или ограбить чью-нибудь сокровищницу.

— Ты не ответил на мой вопрос.

— Я не могу. Этот маленький флакон вмещает семь тысяч душ. Объяснить строение микрокосмической структуры в земных словах, даже одному из самых могущественных чародеев, так же невозможно, как описать цвет слепому или музыку глухому.

— Но ты доволен своей участью? — поинтересовался Сабирус.

— Да! — воин раскатисто рассмеялся.

— Ты можешь вернуться, — и Сабирус произнес возвратное заклинание.

Сабирус перешел к двадцатому имени, двадцать первому, двадцать второму. Двадцать третий ответил. На сей раз из флакона появился седой философ. Он кротко склонил голову, но его глаза высокомерно сверкали, а огромный лоб говорил о большой учености.

— Расскажи, как ты попал в этот хрустальный сосуд! — потребовал Сабирус.

— Один тиран завладел флаконом и узнал его заклинание. Он боялся меня и учения, которое я распространял среди его подданных. Меня заживо сожгли. Сработало заклятие, и моя душа попала во флакон. После этого тиран вызывал меня и пытался заставить выполнять унижительные трюки. Но хотя те, кто населяет этот флакон, должны отвечать на вызов, они вовсе не обязаны подчиняться приказаниям. Тиран был разочарован и страшно разгневался. Он пытался разбить флакон... В конце концов он сошел с ума. Следующий человек, который вызвал меня, хотел лишь послушать мои философские рассуждения. Но я говорил быстро и невнятно. Это очень его расстроило.

- Опиши внутренность флакона.
- Я отказываюсь.
- Ты понимаешь, что мое искусство настолько велико, что я смогу оставить тебя здесь на столько, на сколько пожелаю.
- Понимаю, страдаю от этого, но... отказываюсь.
- Тогда ступай, — и Сабирус опять произнес слова, снимающие чары.

ПРОШЛО БОЛЕЕ ТРЕХ часов. Уже шесть белых духов появлялись из синего флакона. Сабирус добрался до сорокового имени, выбранного из «*Tabulas Mortem*». Он так устал, что с трудом произнес его.

Тонкие прекрасные руки колдуна слегка дрожали от усталости, лицо осунулось. Хотя он и был защищен от банальных человеческих недугов, физического истощения он избежать не мог.

Маг произнес сороковое имя, и фигура удивительной женщины поднялась из флакона.

— Как ты попала туда? — спросил ее Сабирус. Колдун знал, что в свое время эта женщина была императрицей.

— Моего любимого убили, и я больше не хотела жить. Но человек, который принес мне ад, спрятал флакон под своим плащом и поймал мою душу в ловушку... Он много путешествовал... Обычно он вызывал меня в домах королей и приказывал танцевать для своих хозяев. Я выполняла его приказы, пока это развлекало меня. А он заработал много золота. Но однажды ночью во дворце одного из королей я потеряла интерес к подобным развлечениям. Я отказалась танцевать, и негодя выпороли. Король отобрал флакон. Когда я попросила оставить меня в покое, король произнес заклинание,

которое открыл ему мой мучитель. Забавно, но король записал заклинание неточно и не смог вызвать меня.

Женщина улыбнулась и прикоснулась к своим белым волосам из волшебной пены.

— Ты наверняка скучаешь по пышным одеждам своего времени, — предположил Сабирус.

— Напротив.

— Получается, что тюрьма, в которой ты очутилась, тебя устраивает?

— Разумеется.

— Опиши мне ее.

— Те, с кем ты уже общался, сказали мне, что ты спрашивал у них то же самое.

— Но все они отказались... А ты?

Женщина только улыбнулась. Задумавшись, Сабирус отправил ее обратно. Он отложил в сторону список с оставшимися именами и, взяв пробку из розового опа-ла, заткнул флакон. Бульканье внутри прекратилось. Тем временем от камина потянулся запах, напомнивший чародею о Лунарии.

Флакон был проверен и готов к использованию. Перспектива обладать подобной вещью понравилась бы Лунарии. Все, что колдун дарил ей до этого, — детские игрушки по сравнению с волшебным сосудом. Капризные, изворотливые, склонные к постоянным переменам, обитатели флакона чем-то напоминали возлюбленную чародея.

Когда бронзовые башенные часы Вайма пробили четыре часа, возвестив о наступлении утра, железная птица с халцедоновыми глазами (пятое Устройство) приземлилась на балкон дома Лунарии.

Дом стоял на краю подвесного сада на восточном берегу реки. Лунария забавлялась, превращая ночь в день с помощью многочисленных ламп, пения, барабанного боя,

трепетных звуков арф и назойливого грохота погремушек. Горящие окна ее дома были видны за многие мили. «Это дом Лунарии», — говорили люди, страдающие бессонницей. Все посмеивались над Лунарией, завидуя очаровательной женщине. Запах цветов, жареного мяса и хорошего вина витал над ее домом. Иногда в подвесных садах взрывали петарды, разбрасывавшие над крышей и стенами шафран, киноварь и снег. Но после восхода солнца окна дома Лунарии становились серыми. Там воцарялась тишина, как будто дом пустовал...

Железная птица Сабируса принялась царапать клювом оконное стекло.

Лунария с трудом разомкнула отяжелевшие веки и открыла окно. Она не удивилась и не испугалась птицы, потому что видела ее раньше.

— Мой хозяин спрашивает, когда он сможет навестить тебя.

Лунария нахмурилась.

— Он знает мою цену — подарок.

— Он заплатит.

— Пусть это будет что-нибудь доселе неизвестное и небезопасное.

— У него есть такой дар.

— Пусть приходит завтра, на закате.

ЗАХОДЯЩЕЕ СОЛНЦЕ ЗАСТЫЛО у самого горизонта. Вода и небо окрасились то ли в цвет раскаленной меди, то ли — перезрелого мандарина. Замерев над самыми высокими башнями Вайма солнце залило город багрово-красным сиянием, постепенно сменяющимся синевой и наконец превратившимся на востоке в полотно черного бархата с разбросанными по нему звездами; такое сочетание цветов и драгоценностей на

одежде любого смертного и в интерьере любой комнаты выглядело бы безвкусным, но в непогрешимом и безупречном небе оно казалось прекрасным, выходящим за рамки воображения.

Тем не менее красота заката не вдохновляла Сабируса. Одним щелчком пальцев колдун мог вызвать иллюзию такого же или еще более великолепного зрелища. Поэтому Сабирус не замечал окружающего, летя по небу, расцвеченному пурпурными и багрово-красными лучами, на спине медного дракона. Дракон был шестым Устройством. Два огромных крыла с шумом поднимались и опускались на металлических петлях, рассекая воздух. Вот всадника и дракона коснулся последний луч светила, и металлический ящер засверкал, как само солнце. Жители Вайма с восхищением и страхом показывали на них пальцами.

Слуга отчаянно застучал в дверь опочивальни Лунарии.

— Госпожа, он здесь!

— Кто? — сонно спросила Лунария, не спеша открывать двери.

— Господин Сабирус! — закричал слуга, испугавшись ее забывчивости.

Дракон приземлился на террасе перед домом. Колдун остановил его одним-единственным словом. Он соскочил с драгоценного седла и, задумавшись, посмотрел на висячий сад. Деревья опасно клонились под тяжестью несобранных плодов, струи фонтанов вздымались к небу. Ночные цветы уже распустились и теперь источали пьянящие ароматы. В саду Лунарии не цвели дневные цветы... Иногда какой-нибудь садовник проползал по наклонным террасам висячего сада, чтобы проследить за ростом растений, течением воды. Но при любом неосторожном движении он мог упасть в расщелину глубиной в восемьдесят футов и разбиться насмерть.

Войти же в дом Лунарии можно было только через секретную дверь, о которой хозяйка сама сообщала своим клиентам. Или же спустившись с неба. Слуга выбежал на террасу и упал на колени перед Сабирусом.

— Моя хозяйка еще не готова, она просит вас подождать.

Но Сабирус вошел в дом и заметил богато одетого человека, с невероятной скоростью бегущего вниз по лестнице.

Лунария специально задержала одного из своих посетителей, чтобы колдун увидел его, — вариация на одну из разыгранных ранее сцен. Перед последним пролетом лестницы, ведущей к секретной двери, перед тем как выскользнуть из дома, посетитель остановился и испуганно поднял голову.

— Можешь не бояться меня, несчастный, — вздохнул Сабирус.

Но человек, дрожа от страха, припустил еще быстрее, что-то неразборчиво бормоча.

Сабирус прошел дальше вглубь дома и увидел Лунарию Ваймиан в темно-красных одеждах цвета неба с заходящим солнцем. Ее светлые волосы были посыпаны золотой пудрой. Лунария смело посмотрела в глаза Сабирусу. Колдун молчал. Тогда она презрительно кивнула в сторону столовой.

— Я не гордая, — заявила она. — Я приму твой подарок за обедом. Надеюсь, ты позволишь мне сделать небольшой перерыв между моим предыдущим посетителем и тобой.

В ПОЛУТЬМЕ СТОЛОВОЙ мерцали золотые подносы и хрустальные кубки. Лунария была очень богата, но каждый золотой давался ей нелегко.

Красавица и ее гость молчали. За ширмой музыканты исполняли любовные песни с резким и жестким ритмом. Рабы приносили и уносили искусно приготовленные блюда. Лунария выбирала по кусочку от каждого, но ела умеренно. Сабирус ни к чему не прикасался. Никто из смертных не мог похвастать, что когда-нибудь видел, как он ест или пьет вино.

— Какой наш маг сегодня торжественный!.. Хотя не могу припомнить, каким он был в прошлый раз.

Сабирус не сводил глаз с красавицы, впрочем, как и всегда. Он сидел неподвижно, с выражением легкого удивления на лице, застывший, словно мотылек, пронзенный булавкой.

— Ты что, умер? — не выдержала, наконец, Лунария. — Не грусти, я всегда буду твоей, за определенную плату, разумеется.

Сабирус зашевелился. Он положил перед собой на стол шкатулку и что-то пробормотал. Шкатулка открылась. В свете свечей заискрился флакон из синего хрусталя.

Лунария постучала по ширме серебряным жезлом, и музыка прекратилась. Красавица и чародей остались наедине с колдовским флаконом.

— Сегодня по городу прошел новый слух. Говорят, у тебя появился синий флакон, в котором томятся тысячи душ, — начала Лунария. — Эти души могут рассказать о сказочных богатствах и поведать о своих прошлых грехах. Куртизанки могут приоткрыть тайны древних дворов. Там есть и души приверженцев ныне забытых наук, и души гениев, которые в состоянии продиктовать новые книги и даже изобрести что-нибудь. Если, конечно, их удастся уговорить, назвав по имени.

— Я могу научить тебя этому, — предложил Сабирус.

— Согласна.

— И этим купить ночь любви? — Сабирус улыбнулся. Его улыбка была меланхоличной и какой-то вялой. — Но я хочу получить больше.

— Такой подарок стоит семь ночей, — быстро ответила Лунария. — Ты получишь их.

— Да, получу. И... даже больше.

Сабирус поднялся, обошел вокруг стола и остановился рядом со стулом Лунарии, а когда она встала, легонько коснулся длинными пальцами ее шеи. Красавица замерла.

Запах амбры и мускуса исходил от ее волос.

Лунария была наваждением колдуна. Единственной целью его существования. Сабирус скрывал от себя подлинные причины своего поведения — острую боль, которую эта женщина доставляла ему своим безразличием. Чародей видел лишь один выход: запереть душу красавицы в волшебный флакон. Сабирус часто обладал ее телом, но физическая близость его больше не устраивала. Он хотел владеть и распоряжаться мыслями и душой красавицы, полностью подчинить себе Лунарию и страдал, так как не мог обладать ею постоянно. Пальцы колдуна, лежащие на шее красавицы, напряглись.

Лунария не сопротивлялась.

— Что ты собираешься делать? — прошептала она.

— Сначала вынь пробку из флакона. Волшебный сосуд готов проглотить новую душу. Кто бы ни умер сейчас в этом доме, душа его попадет внутрь, в тот особый, удивительный мир, где уже живут семь тысяч душ. Очаровательный мир. Души неохотно выходят из него и спешат вернуться обратно... Пожалуй, ты будешь там счастлива.

— Я не помню, чтобы ты хоть раз обманул меня, — удивленно пробормотала Лунария. — Я не хочу умирать, к тому же ты уже подарил мне флакон! Значит, мне самой решать, как использовать его.

— Верно. Теперь он станет твоим новым домом.

Подчинившись силе, Лунария расслабилась в объятиях колдуна и больше уже ничего не сказала. Она замерла в полузабытьи, пока не поняла, что руки, чуть было не лишившие ее сознания, безвольно повисли.

Внезапно Сабирус отпустил красавицу.

Чародей отошел от своей жертвы, обошел стол и остановился, уставившись на флакон.

— А может, я глупец? — спросил он так тихо, что Лунария едва разобрала его слова.

Перед мысленным взором Сабируса пронеслась его юность... Несчастливого охватила паника, по телу будто разлили отраву. Однажды он уже испытал подобные ощущения, когда впервые увидел Лунарию и получил от нее отказ.

Наконец красавица встала и строго спросила:

— Ты что, передумал убивать меня, мой господин?

Чародей взглянул на нее. Лунария была страшно напугана. Сабирус смотрел на нее с новым, непривычным, учтивым безразличием. Красавица сжалась, словно ее ударили. То, чего Сабирус не смог достичь угрозами, он добился безразличием.

— Я ошибался... Я не увидел за деревьями леса, — пробормотал он.

— Нет, подожди! — воскликнула Лунария, когда Сабирус направился к двери террасы.

Там, в темно-красной полутьме, смутно маячило зеленое пятно — медный дракон.

— Что?.. Можешь больше не ждать меня...

Сабирус забрал флакон. Сапфир сверкнул и исчез в темноте, исчез вместе с чародеем.

Дракон с медным шуршанием поднялся в небо. Лунария, стоя на балконе, наблюдала, как улетает ее возлюбленный.

ГДЕ-ТО ВНУТРИ ПОЛОГО холма ревел лев. Зверь, седьмое Устройство, созданный и выпущенный Сабирусом после его возвращения, был сделан из светлого сплава золота и серебра. Он рычал и ревел в недрах холма, изображая ужасного стража на тот случай, если в покоях чародея появится нежелательный гость. Сабирус и в самом деле не хотел никого видеть. Спустившись в свою подземную обитель, он закрыл и запечатал вход в холм с помощью восьмого Устройства. Каменный павильон изменился — теперь он превратился в единый монолит. Постоянный неослабевающий рев льва должен был отпугнуть незваных гостей.

Сабирус сидел в мрачной зале на кварцевом кресле. Огонь в очаге больше не горел. Лишь одна лампа на бронзовом треножнике освещала флакон из синего хрусталя, стоявший на маленьком столике. Пробка лежала тут же, рядом с узким фиалом, наполненным прозрачной жидкостью.

Чародей взял фиал, вынул затычку и неторопливо осушил его. Вкус напитка напоминал смесь вина и сока алоэ. Это был самый смертоносный из шести самых известных на Земле ядов, но его называли «Нежность», потому что он убивал без боли, постепенно, незаметно и приятно.

Полностью расслабившись в кресле, Сабирус взял пробку из розового опала и уставился на волшебный флакон. Он давно уже исчерпал все мирские удовольствия. Его разум устал исполнять прихоти тела. Не осталось ни одной горной вершины, которой бы Сабирус не мог достичь, сделав один шаг; не осталось ни одного океана, который бы он не мог осушить в одно мгновение. Не осталось ни одного учения, которого бы он не знал; и ни одной игры, в которую бы он не сыграл. Лишь одна Лунария могла развеять его скуку, вернуть к жизни откровенной усмешкой блудницы.

Сабирус не заметил, когда открылись ворота. Он чуть было не прошел мимо них. Сначала он искал подарок для Лунарии, потом задумал поймать ее в хрусталь, сделав своей собственностью и навсегда отказавшись от нее... Лунария — теперь он едва помнил ее.

Увлечшись мелочью, он не заметил главного. И только в последний момент осознал истину. Он устал от этого мира. А раз так, он должен найти иной, неизведанный мир. Мир, магию которого ему еще только предстоит познать, мир незнакомый и неисследованный, который невозможно представить, — мир, сокрытый внутри флакона.

Подобно теплому сну, «Нежность» завладела его телом. Приготовившись поймать его душу, синий флакон ждал. Возможно, внутри волшебного сосуда колдуна ожидал ад, а может быть, рай. Яд охлаждал кровь Сабируса, но она еще бежала по венам, вызывая непривычное волнение, которого он не чувствовал уже больше двух десятилетий.

Вот зазвонили серебряные часы. Это было девятое Устройство, возвестившее о часе смерти Великого Чародея. Сабирус почувствовал, что Смерть пришла за ним. Он подался чуть вперед, чтобы вовремя успеть заткнуть флакон пробкой из розового опала. Когда дыхание жизни покинуло его и душа скользнула в ловушку хрусталя, пробка выпала из пальцев чародея и запечатала ворота в волшебный мир.

Сабирус, для которого утомительным стало само существование — десятое Устройство, — сидел мертвый в кресле. А во флаконе...

ЛУНАРИЯ ВАЙМИАН В одиночестве поднялась на холм.

Внизу, у подножия холма, на холодном ветру, около золоченого паланкина, обуреваемые нехорошими предчувствиями, беспокойно топтались четверо слуг.

На Лунарии было черное платье, а светлые волосы покрывала темная вуаль. Она осмотрела спаянные в монолит камни, оставшиеся от павильона. Глаза ее горели злобой.

— Глупо бранить тебя за то, что ты меня использовал, — проговорила она. — Так делали многие. Глупо проклинать тебя, потому что ты защищен от моих проклятий, как, впрочем, и от моих соблазнов. Но как же я ненавижу тебя! Ненавижу за то, что люблю. Как возненавидела и полюбила с первого дня нашего знакомства. Я понимала, что есть лишь один способ удержать тебя, и чувствовала, что в конце концов потеряю тебя, несмотря на все ухищрения. И вот это свершилось.

Ветер сдувал с деревьев листья, словно желтые бумажки.

— Тысяча обманов, — продолжала она. — Тысяча притворств... Я заставляла мужчин приходить ко мне, несмотря на их панический страх перед Великим Чародеем, только для того, чтобы ты смог увидеть их. Я специально требовала от тебя удивительных подарков. Я хотела скрыть свою любовь и тем самым удержать тебя. И все это теперь ни к чему. Я бы с радостью стала твоей рабыней. Я бы позволила убить меня и спрятать во флакон. Я бы...

Механический лев прорычал где-то под ногами красавицы.

— Вот он, голос, который будет мучить меня до самой смерти, — яростно пробормотала Лунария. — Вот кто выразил мое отчаяние намного лучше меня... Мне ничего не надо говорить, пока за меня говорит сокрытый в недрах земли...

И Лунария побрела назад, спустилась с вершины холма. За всю свою жизнь она больше не произнесла ни единого слова...

НЕБЕСНЫЙ ТИГР

ВОИН ПО ИМЕНИ Небесный Тигр направлялся в сторону города, лежащего у подножия Северных Гор. За спиной у него висели лук и колчан со стрелами, а на боку — изогнутая сабля. Небесный Тигр был красавцем. Его черные волосы отсвечивали синевой, как крыло ворона. Мощь исходила от сверкающего железа его доспехов. Там, где пыльная дорога выходила из леса, Небесный Тигр встретил бедно одетого воина. Они вступили в поединок... Подобное часто случалось на дорогах, поскольку в предгорьях Северных Гор царило беззаконие. Всадник в доспехах выглядел вызывающе, а всадник без доспехов привлекал грабителей и убийц. Но Небесный Тигр был опытным воином. Он с легкостью победил противника и убил его. Небесному Тигру не хотелось оставлять безвестного злодея в канаве. Он выкопал неглубокую яму — временную могилу — и отправился на поиски священника, чтобы тот совершил подобающий похоронный обряд.

Долго искать храм не пришлось.

Величественное здание возвышалось на берегу гладкого, как атлас, озера, окруженного пеной цветущих персиковых деревьев. Лучи солнца, повисшего у самого горизонта, сверкали на золотистой черепице крыши, алых колоннах из цельного дерева и закрытых лакированных дверях. Храм выглядел мирно и тихо. До слуха доносилось только ледяное позвякивание колокольчиков да стрекот сверчков. Столкнувшись с неприятностями на опушке леса, Небесный Тигр, не сходя с коня, безмолвно созерцал эту картину. Не спеша проехал он меж деревьев, миновал склон холма и приблизился к ступеням храма. Только тут он натянул поводья.

В этот миг луч заходящего солнца, скользнув меж ветвей персиковых деревьев, коснулся лакированных

дверей. Словно почувствовав его прикосновение, двери беззвучно отворились.

Небесный Тигр ждал, что из храма выйдут священнослужители, истощенные, но крепкие духом, безволосые и мудрые. Однако на пороге храма появились две юные девы, которые могли бы украсить двор любого императора.

Они были стройны и прекрасны, как две луны. Лица их казались выточенными из бледно-желтой, полупрозрачной слоновой кости. Уста дев были сочны, как спелая вишня. Брови их походили на разведенные крылья черных голубей. Да и одежды их были удивительными. Платье одной украшали вышитые золотом бутоны лотоса, другой — орхидеи, а в черных волосах дев сверкали заколки с драгоценными камнями.

Небесный Тигр внимательно посмотрел на дев. Выражение его лица сделалось таким же загадочным, как и у дев, и невозможно было угадать, о чем он думает. Но вот Небесный Тигр кивнул девам, и те кивнули ему в ответ. А потом заговорила Луна с Лотосами:

— Отважный принц, мы приветствуем тебя и смиренно спрашиваем: что привело тебя в эти края?

Конь Небесного Тигра стал проявлять беспокойство. Успокоив его, воин ответил:

— Я направлялся в город. Сюда же я заехал, чтобы обратиться к богам, покровительствующим путешественникам.

Луна с Лотосами снова поклонилась.

— Отважный принц, извини мою невежливость. Мне неловко, но я вынуждена упрекнуть тебя во лжи.

— Почему ты утверждаешь, что я лгу?

— Об этом говорят твой изрубленный щит и зазубренный меч. А рукав твоей рубахи в чужой крови.

Небесный Тигр покорно склонив голову изрек:

— Твой ум так же остер, как прекрасен твой лик. Предположим, я убил человека и ищу священника, чтобы тот отправил над ним обряд погребения.

Тогда заговорила Луна с Орхидеями:

— Все священники покинули эти места. Теперь о храме заботимся мы.

Небесный Тигр знал, что женщины никогда не жили в храмах, в особенности в здешних диких землях. В воздухе повисла тайна.

В ветвях персиковых деревьев угасли последние лучи заката.

— Мы с радостью принимаем гостей в этом святом храме, — сказала Луна с Орхидеями.

Небесный Тигр слышал о домах любви на севере. Воин замер в седле, изучая дев, стоявших скромно потупив взор. Где-то позади, на опушке леса, остался мертвец, но ведь Небесный Тигр не был ему ничем обязан.

Наконец, любопытство и усталость одержали верх, и Небесный Тигр спешил. Он заметил, что девы внимательно наблюдают за ним из-под опущенных ресниц, как будто оценивая его. Теперь глаза дев напоминали отшлифованные агаты.

СОЛНЦЕ СЕЛО. СИНЯЯ тьма окутала озеро, деревья и храм. Конь Небесного Тигра был стреножен, накормлен и напоен. Луна с Лотосами и Луна с Орхидеями ублажали воина, как самого уважаемого гостя в доме их хозяина (если, разумеется, забыть о том, что никакого хозяина дома не было вовсе). Он принял горячую и холодную ванны, оделся в предложенные ему одежды. Девы провели гостя через зал, где стояли позолоченные скульптуры богов, во дворик, освещенный бумажными лампами. Над головой Небесного Тигра сияли звезды. Благоухали густолиственные кусты

с душистыми цветами, золотые рыбы, искрясь, плавали в мраморном бассейне... Девы предложили Небесному Тигру яства на богатейших блюдах, ароматное желтое вино в хрупких чашах. В то время как одна из дев, преклонив колени, прислуживала воину, другая играла нежную мелодию на мандолине, извлекая милые и изящные аккорды из четырех шелковых струн.

Изысканная роскошь и царившая вокруг гармония так умиротворенно подействовали на Небесного Тигра, что он позволил себе расслабиться. Воин поел, выпил вина, и его мысли обратились к иным удовольствиям. Без сомнения, он очутился в странном, уединенном храме, в избытке снабженном пищей и всем необходимым. «Как сладок запах цветов и женской плоти... Как тонок аромат вина...» Люди, живущие в этих краях, согласно воле Небес, влачили суровую, полную опасностей жизнь, а здесь царил покой... Даже тигр нуждается в отдыхе... Однако становится ли тигр менее опасным, когда спит? Не исключено, что охотники могут подкрасться к нему. Но разве тут есть охотники? «Интересно, отправятся ли девы с ним в спальню, где стоит кровать из лакированного дерева, застеленная шелковыми простынями, та кровать, которую они показали ему мимоходом?»

Небесный Тигр смежил веки. Звуки мандолины завораживали его.

— Он уснул? — громко спросила Луна с Лотосами.

— Да... Свинья дрыхнет, нажравшись до отвала и выпив вина с добавленным туда порошком, — так же громко ответила ей Луна с Орхидеями.

Небесный Тигр сидел, прикрыв глаза. Он ощущал неимоверную усталость. Слова дев удивили его. Неужели они действительно подсыпали ему в вино дурмана? Может, и так. Теперь, когда красавицы признались в этом, воин почувствовал, что так оно и есть.

— Сколько нам еще ждать? — спросила Луна с Лотосами. Ее голос звучал совершенно спокойно; в нем не было ни любопытства, ни нетерпения. Так обычно читают заклинания.

— Пока над озером не встанет луна, — прозвучал равнодушный ответ.

Небесный Тигр хотел узнать у дев, что они намереваются сотворить в тот час, когда встанет луна, но не смог произнести ни слова. Язык его словно приклеился к нёбу. «Девы правы: я — беспомощная свинья, — упрекнул себя Небесный Тигр. — Воин неприступный, как скала, в битве, склоняется, как тростник на ветру, перед женским коварством».

— Интересно, многие ли муки испытает он перед смертью? — полюбопытствовала Луна с Лотосом.

— Нам это безразлично. Он безнравственный и презренный человек. А мы лишь следуем повелениям нашего господина.

Небесный Тигр напрягся. Он должен умереть?.. Как тут не разволноваться? Бесславная, никчемная смерть от рук двух ведьм... «О, как сладок этот запах!..» Нет. Он должен прийти в себя. Воин не хотел умирать.

Однако все его потуги оказались тщетны — расслабленное тело Небесного Тигра не повиновалось ему.

— Но вода наполнит его тело, вольется в его рот, ноздри...

— Точно так же, как в рот и ноздри нашего благочестивого и бесподобного повелителя. И мы — те, кто был оставлен на страже, не смогли спасти своего господина.

— Но разве не глупо было оставить его сидеть на берегу озера?.. — голос Луны с Лотосом звенел от переполнявших ее чувств страстного возбуждения.

— Успокойся, сестра, — фыркнула Луна с Орхидеями. — Не строй предположений.

Ее слова достигли цели.

Небесный Тигр ничком повалился на подушку. Кубок выпал из его рук. Беспомощный, он мог только слушать. И вот что узнал несчастный пленник.

В храме, когда все покинули его, остался один жрец. Жрец был святым человеком. Прибегнув к колдовству, он мог легко управлять королевствами и даже целыми странами. Однако вместо этого жрец возносил молитвы и медитировал, шагая по божественной Дороге Знаний. Иногда душа его покидала тело — жрец исследовал самые фантастические королевства. И вот однажды тело жреца нашел бессовестный злодей, всегда боявшийся удивительной силы святого человека. Будучи бандитом и разбойником, он как-то лишился своей несправедливой добычи из-за вмешательства жреца. Негодяй не смел являться в храм, но один раз все же зашел туда и обнаружил жреца медитирующим. Он не смог устоять перед искушением и не отомстить беззащитному. Две девы, охранявшие жреца, по их же собственному признанию, в тот вечер спали на лугу. Проснувшись, они увидели, как злодей бросает тело их повелителя в озеро. Бесвольное тело жреца камнем пошло на дно. А разбойник смеялся, громко поздравляя себя с победой. Тело жреца погибло. Когда же душа вернулась и не нашла тела, ей ничего не оставалось, как отправиться в Преисподнюю.

С тех пор прошло три года. И вот ночью, в час восхода луны...

Паника овладела Небесным Тигром. Участь, ожидавшая его, представлялась в тысячи раз худшей, нежели обычная смерть.

Преисподняя, Земля Мертвых, где несли немилосердное наказание оступившиеся и где справедливо воздавалось за добрые дела, не пугала Небесного Тигра. Добродетельные люди могли пересечь серебряный

мост и по тропе богов добраться до золотого моста. Тем же, кому разрешалось заново возродиться в этом мире, предстояло пройти большой путь... Попавшим же в Преисподнюю раньше отведенного им времени, оставалось лишь тщетно выть, взывая к богам, без всякой надежды на возрождение.

Через три года после смерти тела душам несчастных позволено было вернуться на место гибели. И, если там найдется бедолага, принявший похожую смерть, душа несчастного может занять свободное тело и возродиться к жизни.

Душа жреца, утопленного в озере, теперь, по прошествии трех лет, должна была вернуться из Преисподней в тот самый час, когда встанет луна. Если к тому времени прислужницы жреца приведут на берег озера какого-нибудь путешественника и утопят его, душа жреца займет тело бедняги, и тот отправится в самый отвратительный уголок Преисподней. И похоже, Небесному Тигру суждено было стать этим беднягой.

Пытаясь воспрепятствовать столь страшной участи, воин напряг свое молодое, мускулистое тело, но нестерпимая боль скрутила его.

Девы отвратительно захихикали, наслаждаясь беспомощностью Небесного Тигра. Немного погодя воин, к своему ужасу, почувствовал, как его подняли с подушек и понесли через цветущий сад.

Красавицы волокли его к воде.

Небесный Тигр, еще совсем недавно мечтавший о мягкой постели, понял, что ложем ему станет дно озера. А потом целую вечность проведет в Преисподней.

Но он не имел сил, чтобы сопротивляться, он не мог вырваться из рук ненавистных дев... Небесного Тигра волокли по земле, и ноги его цеплялись за корни персиковых деревьев, укрытых пологом ночи.

НАД ОЗЕРОМ, ПОХОЖИМ уже не на атлас, а плиту холодного черного нефрита, медленно поднимался в небо белый пион луны. Девы не останавливаясь неслись вперед. И вот, словно в предзнаменование того, что должно было случиться, пряди длинных волос Небесного Тигра коснулись воды. Девы, протаскивая несчастного чуть дальше, вдруг разжали руки и замерли. Небесный Тигр стал погружаться в воду. Подвывая от предвкушения, негодницы приподняли голову воина. Шея его неестественно выгнулась. Взглянув вдаль, он увидел над берегом, залитым лунным светом, бледное мерцание.

Призрак, будто сошедший с древнего свитка, был размывчато-желтый, как старинный пергамент. Казалось, его некогда четко очерченные контуры стерлись под воздействием времени и непогоды. Без сомнения, перед воином стоял жрец — худой, как при жизни, выбритый и важный. Взгляд больших глаз призрака говорил о преклонных летах и мудрости.

Призрак бесстрастно оглядел своих служанок и, опустив голову, вперил взгляд в Небесного Тигра. С неистовыми криками девы потащили свою жертву дальше. Впав в отчаяние, Небесный Тигр даже не пытался сопротивляться. Вот голова его исчезла под водой. Холодная озерная вода попала ему в легкие, он стал захлебываться. Он уже почти терял сознание, как вдруг раздался громкий шум и его тело оказалось над поверхностью воды. Прокашлявшись и восстановив дыхание, Небесный Тигр решил, что сходит с ума.

— Безмозглые суки! — бушевал призрак жреца-утопленника. — Ну почему вам ничего нельзя доверить? Вы, безмозглые твари, только и можете, что пресмыкаться предо мной. Вы хоть знаете, как накажут меня в Преисподней, когда я снова попаду туда, если на моей совести

будет гибель этого юного героя?! Скажи, Великий Принц, ты пришел в себя?

Небесный Тигр ощутил, что купание в холодной воде ослабило действие дурмана. Дрожа всем телом, он трижды кивнул духу.

— Более-менее, почтенный жрец. Я — жалкое создание, недостойное твоих похвал.

— Это я — жалкое создание, — возразил жрец. — Мне невыносимо стыдно за моих скудоумных служанок. Уверяю: ты не тот человек, которого я хотел утопить, чтобы занять его тело. Прибегнув к колдовским способностям, частично сохранившимся во мне даже в Преисподней, я определил, что мой убийца — проклятый бандит, сбросивший меня в озеро, — сегодняшней ночью приедет к храму. Зная, что он равнодушен к женщинам, я объяснил этим девам, что они должны предпринять, когда появится мой убийца. Но эти глупые женщины по ошибке заманили в ловушку тебя. Тебя — воина, заслужившего долгую жизнь.

Разум Небесного Тигра прояснился; он задумался, вспоминая события минувшего дня.

— Почтенный, — обратился воин к призраку, — а не мог бы ты, по своей великой доброте, снизить до меня и описать бандита, убившего тебя, того, чью душу ты хотел упрятать в Преисподнюю?

Жрец согласно кивнул и представил словесный портрет неизвестного злодея, с которым Небесный Тигр сражался и которого убил на опушке леса еще до захода солнца.

— Печально, достопочтимый, но, похоже, я лишил тебя последней надежды, — извиняясь, проговорил Небесный Тигр. — Хотя ты можешь утешиться тем, что грабитель, появление которого ты предсказал, был остановлен моим мечом. Он умер прежде, чем сбылось твое предсказание. Теперь он, наверное, томится в Преисподней, избежав смерти в водах этого озера.

Призрак улыбнулся.

— Конечно же, он получил по заслугам... Однако в моих силах излечить раны негодяя и войти в его тело, потому что со времени смерти злодея прошло всего несколько часов. Тогда я снова вернусь к жизни: мой дух окажется в теле здорового человека средних лет... Мог бы ты перенести труп на берег озера?..

Две девушки, низко склонившись перед воином, плакали, прося прощения за свою ошибку. Небесный Тигр вскочил в седло и поскакал к опушке леса.

КОГДА ОН ВЕРНУЛСЯ, ведя коня в поводу, заря распустила на востоке лепестки хризантемы. Через седло коня Небесного Тигра было перекинута тело мертвого бандита. Боясь, что опоздал, воин поспешил на берег озера и опустил труп в воду.

Глядя на водную гладь, Небесный Тигр ощущал, как его охватывает страх, сковывая все тело. У него дрожал каждый мускул. Оглядевшись, он не обнаружил ни призрака, ни дев. Вздохнув с облегчением, Небесный Тигр прищепил коня, желая как можно быстрее покинуть персиковую рощу.

Уже на дороге воин оглянулся, но лишь один раз. Однако то, что он увидел сквозь переплетение цветущих ветвей, ничуть его не успокоило: по берегу озера в сторону храма двигался некто в доспехах, требовательным голосом зовя двух дев — Лотоса и Орхидею.

Но не успел Небесный Тигр отъехать чуть подальше, как увидел двух собак. У одной шкура была цвета слоновой кости, у другой — черная. Обе суки, выскочив из кустов, промчались прямо под копытами коня Небесного Тигра и устремились к храму. Они бежали на крик своего хозяина, беспрестанно призывающего их к себе.

ПРЕДАТЕЛЬСКИЙ ЯНТАРЬ

— ПРАВДУ ГОВОРЯТ, ЧТО это кольцо проклято? — спросил молодой человек. — Но если честно, я не придаю значения такой ерунде. Я не верю в демонов.

— Не верите? Однако вам вряд ли понравилось бы, встретиться вы хоть с одним из них, — задумчиво улыбнувшись, произнес Сайрион — начальник городской стражи.

— А даже если и встречусь, то что же? В молодости, я растранижил все те богатства, что были нажиты моей семьей, сбитый с истинного пути какими-то негодяями. Растранижил по глупости. Позднее я горько раскаялся в своих ошибках и отчаянно пытался поправить свое бедственное положение. Как-то утром, отправившись по делам в другой конец города, я встретил ангела — самую прекрасную деву в Андриоке. Она сидела на шелковых носилках, несомых слугами. Бердис — дочь Сарамана, торговца шелками, была богата, а я был совершенно нищ. Но, помня о моем происхождении, купец отдал мне свою дочь. Я получил за нее превосходное приданое. А что мог я предложить ей взамен? Ничего. И тут я подумал об этом кольце — единственном достоянии моих предков, которое я не промотал. Моя семья владела им семь поколений. Я полагаю, будет лучше, если кольцо переключит из пыльной шкатулки на палец моей жены...

Кольцо казалось совсем новым, словно его никогда и не носили. На фоне голубого бархата, кусочек янтаря, оправленный в золото, сиял кроваво-красным цветом. На янтаре чья-то рука выгравировала лилию, летящую ласточку и солнышко с лучами. Без сомнения, кольцо было просто великолепно. Сайрион много слышал о нем. Это кольцо даже имело собственное имя — «Прощание».

— Что скажешь, Сайрион? Может, и вправду существует какое-то проклятие, но ведь за последнюю сотню лет никто не пострадал от него?

— Но последние сто лет никто не носил это кольцо.

Молодой человек вздохнул. Вид он имел мужественный, привлекательный. Синие глаза его сверкали... Облик его портил лишь безвольный рот. Звали его Вольф. Он пришел с запада, а его молодая жена приехала с востока. Он встретился с Сайрионом в дорогой таверне на Небесной Улице. Встреча произошла как бы случайно, но... Возможно, Вольф намеренно искал Сайриона, чтобы посоветоваться с ним, ведь начальник городской стражи считался человеком мудрым.

— Интересно, что тут выгравировано? — продолжал Сайрион.

— Все очень просто. Лилия — символ души. Летящая ласточка — символ свободы. Солнце — символ неба.

— Вижу, вы мыслите приземленно, — вежливо заметил Сайрион. — А теперь расскажите мне, что вы знаете о проклятии?

Вольф усмехнулся.

— Я знаю, что существует легенда, предназначение которой отпугивать воров... Говорят, будто бы одна восточная царица повелела сделать это кольцо в подарок своему мужу. И еще она потребовала, чтобы, согласно моде тех лет, в кольцо был заключен демон. Следовательно, символы, украшающие кольцо, — лилия, ласточка, солнце, — символизируют силы Добра и должны нейтрализовать влияние демона, заключенного в куске янтаря. Однако, похоже, эти символы ничуть не усмирили демона... Так вот, царица подарила кольцо своему мужу, перед тем как он отправился на битву, надеясь, что оно спасет ему жизнь. Но едва царь поднял меч и, пришпорив коня, поскакал на врага, как тут же

вывалился из седла. Когда подбежали агути, царь уже был мертв. На теле его не нашли ни одной раны, зато лицо его исказилось от ужаса... Битва оказалась проиграна, и кольцо перешло к победителю, который ничуть не задумался над случившимся. Без всякого вреда для себя он носил кольцо целых три года, хотя был безбожным негодяем... Однажды он отправился поохотиться на львов в пустыне. Никого не оказалось рядом, когда его конь споткнулся. А в следующую секунду человек, носивший кольцо, умер... Вновь на теле покойного не обнаружили никаких ран и повреждений. Лицо его тоже было перекошено от ужаса... Но ведь это очевидная глупость! Это противоречит здравому смыслу!.. Мне продолжать?

— Если вам тяжело, то не стоит. — Сайрион поднялся из-за стола.

— Нет... Нет... Подождите... Я доверяю тебе, достойный... Я продолжу рассказ... Потом это кольцо с помощью интриг заполучил сын правителя, но он боялся надевать его.

Через столетие один маг украл кольцо из сокровищницы потомков правителя. Колдун носил кольцо несколько месяцев. Но его дом разрушился во время землетрясения, и вор погиб. Кольцо отыскивали среди руин разбойники. Их предводитель проносил кольцо всего один день. Его схватили воины принца, правившего в тех краях, но злодей умер раньше, чем его доставили к месту казни. Кольцо забрал один из воинов и подарил его своей беременной жене. Она скончалась, когда ей пришло время рожать, и лицо ее было перекошено от ужаса. Ребенок так и не появился на свет... Кольцо похоронили вместе с ней... А в мою семью оно попало как добыча грабителей могил. Считается, что это кольцо погубило трех моих предков, но я полагаю, проклятие

здесь ни при чем. Один из этих несчастных погиб, упав со стены — она обвалилась прямо у него под ногами. Другой утонул во время шторма. А третий умер от солнечного удара. После этого кольцо никто не носил.

— Значит, вы никогда не надевали его? — спросил Сайрион невинным тоном.

— Даже в нужде я не вспомнил о нем. Но я не боюсь надеть его. Смотрите, — Вольф взял кольцо с голубого бархата и надел на мизинец левой руки. — Теперь, если злая судьба и впрямь таится в этом кольце, я обречен. Но я в это не верю. Люди и без того часто умирают. Гибель же моих предков несложно объяснить и без всякого проклятия. Даже смерть всех тех, кто, по легенде, погиб от кольца, можно объяснить естественными причинами.

— Тем не менее смерть и кольцо идут рука об руку, — заверил юношу Сайрион.

— Но ведь люди, якобы погибшие от кольца, умерли не через одинаковые промежутки времени: один — через три года, другой — через три месяца, третий — через день, а четвертый и того быстрее! И умерли они по-разному. Кто-то — без видимых причин, одного убило землетрясение, другого — вода, третьего — солнце... Нет... Это всего лишь совпадения, Сайрион. А если нет, то я тоже умру. Но если все, кто носил кольцо, были убиты им, то демон непременно прикончит и меня. Вы согласны со мной?

— Возможно, — ответил Сайрион.

— Сегодня в полночь я сниму кольцо и передам его своей жене, — объявил Вольф. Глаза его возбужденно сверкали. — Не заглянете ли вы к нам в полночь? Мы отужинаем и побеседуем. Не думаю, что это опасно. Но даже если и так, говорят, что вы способны управиться с любым демоном. В вашем обществе ни мне, ни Бердис нечего опасаться.

— Тогда до вечера. Призовите на помощь всю свою удачу, раз вы решили ходить с демоном на пальце, — проворчал Сайрион, направляясь к выходу.

— Мне нужно больше чем удача, — сказал Вольф и снова рассмеялся.

Но Сайрион уже вышел из зала.

ДОМ ВОЛЬФА — ЧАСТЬ приданого, отданного Сараманом за дочерью, — являл собой свидетельство большого достатка. За железными коваными воротами, выходявшими на улицу, лежал внутренний дворик с цветником и фонтанами. Дом имел два этажа и сложен был из белого и розового камня. Второй этаж украшали резные колонны. Довершали картину новые шелковые навесы.

Нигде в городе не найти было столько шелка, как в покоях Бердис. Занавеси тонкие, как дым, занавеси тяжелые, как водопады густой жидкости, колыхались, закрепленные на кольцах, нанизанных на тонкие шелковые нити, — синие, зеленые, пурпурные занавеси. Еще в покоях Бердис были зеркала в серебряных оправах. Разноцветные птицы в плетеных клетках пели свои песни. И Бердис подпевала им.

Бесспорно, дочь торговца коврами была прекрасна. Черные, как агат, волосы достигали стройной талии. Лицо ее без единого изъяна, напоминало изысканный плод: розовые щечки и губки, глаза газели. Вызывали восхищение изящные руки, полные груди. Бог наградил ее и красотой, и скромностью. Но вот беда: с тринадцати лет у нее были парализованы ноги.

И если бы не характер Бердис, ее красота и ее богатство, то ее недуг стал бы непреодолимым препятствием для замужества. Когда же красавец Вольф, бедный, но

благородный человек, ухаживая за Бердис, обнаружил правду, он расплакался, обнял Сарамана и уверил его, что из-за недуга девушка сделалась ему еще дороже, и, кто знает, быть может, его нежный уход поспособствует излечению болезни. А если и нет, то все равно Бердис — единственная женщина, которую он любит.

К счастью, Бердис, будучи девушкой недалекой, не очень-то обращала внимание на свою болезнь. А еще она картавила. И этот недостаток, несмотря на грацию и красоту девушки, вызывал некоторое раздражение...

В то самое время, когда Вольф разговаривал с Сай-рионом, в палаты Бердис вошла служанка.

— У ворот дома стоит какая-то женщина, — сообщила она. — Незнакомка просит соизволения погадать вам по руке. Я раньше никогда не видела такой величественной гадалки... Сказать ей, чтобы она уходила?

— Нет, нет. Приведи ее сюда, — зашебетала Бердис.

Она скучала в те долгие часы, когда муж ее был в таверне или отправлялся в город по делам. Бердис часто принимала у себя всевозможных шарлатанов. А теперь возле ее дома появилась гадалка, совсем не похожая на других.

Немного погодя в покои вошла очень высокая женщина с властными чертами лица. Макияж ее был весьма искусен, однако излишки краски и пудры отнюдь не прибавляли ее лицу очарования, хотя в молодости эта дама, несомненно, была так же красива, как Бердис, а возможно, и более. На голове гадалки был повязан черный шарф, расшитый жемчужинами. Гостья куталась в мешковатые черные одежды. Браслеты, покрытые эмалью, звенели на ее запястьях. На ее длинных, красивых пальцах сверкали золотые кольца. Женщина до земли поклонилась дочери Сарамана, поклонилась с учтивостью, достойной правителя королевства.

— Госпожа моя, — прошептала гадалка хриплым, но удивительно мелодичным голосом, — вы позволите мне приоткрыть для вас тайны Вселенной?

— Возможно, но что вы попросите в оплату? — спросила Бердис.

— Я скажу вам в свое время. — С этими словами гадалка села у ног Бердис и сжала руку девушки дрожащими пальцами. — Ты страдаешь, — объявила она.

— Нет, — возразила, удивившись, Бердис.

— Да, — настаивала на своем гадалка. — Ты не можешь ходить.

— Ловко подстроено! — фыркнула Бердис. На мгновение она стала похожа на несчастную, беззащитную девочку. Потом, взяв себя в руки, продолжила: — Откуда ты это знаешь?

О недуге дочери Сарамана знали почти все жители Андриока.

— Мой талант даровали мне боги, — скромно объявила шарлатанка. — Но что же могло стать причиной такой трагедии? Какой-нибудь несчастный случай?..

— Причиной была... — побледнев, пробормотала Бердис.

— В переплетениях линий твоей руки я вижу кошку, — перебила ее гадалка. — Ты боишься кошек. Они пугают тебя.

— Я спала, — продолжала Бердис, словно не расслышав слов гадалки. — Проснулась я, оттого, что... кошка прыгнула мне на колени. Я кричала и кричала, но кошка не сводила с меня злых, сверкающих глаз. Потом она ударила меня лапой и убежала. С тех пор я не могу ходить. И не выношу... кошек, — Бердис вздрогнула всем телом и зажмурилась. — Боги прогневались на меня, — всхлипнула она.

— А ваш муж знает о вашем страхе? — спросила гадалка.

— Да, — кивнула Бердис. Подумав о муже, она чуть приободрилась. А потом спросила: — Скажите, что случится завтра.

— День сменяется ночью, — ответила гадалка. — Прежде чем явиться к вам, я прочитала узор звезд. Я знаю, что вы в опасности. Вы стоите на краю могилы.

Служанки, услышав сообщение гадалки, заголосили, но гостья заставила их замолчать, наградив строгим взглядом.

— Отошлите прочь слуг, — приказала Бердис шарлатанка.

Служанки покорно удалились.

— Я могу спасти вам жизнь, — вновь повернулась гадалка к Бердис.

— Боги прогневались на меня, — обреченно повторила дочь торговца.

— Вот амулеты, которые защитят вас, — продолжала гадалка, не обращая внимания на ее слова. — Наденьте их и никому не говорите, где их взяли. Они спасут вам жизнь.

Бердис взглянула на амулеты, а потом беспомощно посмотрела на свою гостью.

— Но... — начала было она.

— Сделайте так, как я сказала, иначе я ни за что не отвечаю, — проговорила гадалка. Поднявшись, она поцеловала Бердис в лоб и на нежной коже дочери торговца остался след помады.

— И как же я с вами расплачусь? — спросила Бердис.

— Я возьму это, — сдернув пурпурную ленту с одной из шелковых занавесок, гадалка вышла, даже не заметив, что огромное тяжелое полотно, удерживаемое лентой, обрушилось на голову Бердис.

Вольф приветствовал Сайриона как родного брата, которого он потерял лет десять назад, но к которому

был крепко привязан. В наряде из аскандрисского атласа и серебра из Дашириома, начальник городской стражи Сайрион затмевал богатство дома Вольфа.

Проведя гостя в обеденную залу, Вольф продемонстрировал ему свою левую руку. На мизинце, словно огромная капля меда, сверкало кольцо с кусочком янтаря.

— Вот первое знамение, Сайрион. Я все еще ношу это кольцо и все еще жив. А до полуночи осталось всего два часа.

— Мои поздравления, — ответил начальник стражи Андриока. — Я рад, что с вами все в порядке.

— Извини меня, — продолжал Вольф. — Но, судя по твоему внешнему виду, ты в деньгах не нуждаешься. У меня же есть только приданое моей жены. И я сгораю от желания подарить ей хоть что-то, принадлежащее лично мне.

Тут двое слуг внесли в залу жену Вольфа, восседавшую в резном кресле. С должной осторожностью слуги установили кресло у окна. Красавица была нарядно одета: длинное платье, расшитое золотыми узорами, золотые цепочки на шее, браслеты с маленькими медальонами из нефрита и малахита, сапфировые сережки... На стройной талии красавицы поблескивал шелковый пояс, скрепленный брошкой в виде золотой змейки; в волосах — живая роза, приколотая такой же булавкой. Наряд Бердис довершала пара шелковых, быть может, немного грубоватых, перчаток.

— Вот и светоч моей любви — Бердис, моя дорогая жена, — с восторгом провозгласил Вольф.

— Рад познакомиться, госпожа, — поклонился ей Сайрион. — Кажется, вы чего-то боитесь? Я ведь прав, не так ли? — Бердис побледнела и, широко раскрыв глаза, с тревогой взглянула на Сайриона.

— Моя голубка ничего не должна бояться, — проговорил Вольф. — Сегодня в полночь я вручу ей кольцо с янтарем, которое уберет ее от любых бед. Видишь ли, Сайрион, я верю, что судьба улыбнется нам.

Бердис посмотрела на кольцо и побледнела еще больше.

— Это же то самое кольцо — «Прощание», Вольф... Оно не принесет нам ничего хорошего...

Но муж Бердис лишь громко рассмеялся. Он не хотел отступать от своего плана.

Бердис была в ужасе.

— Боги прогневались на меня! — пробормотала она.

— Верь мне, любимая! — ласково сказал ей муж. — Давай докажем миру, что все сверхъестественные силы — глупость, а демонов не существует вовсе. А случись что, с нами Сайрион — начальник стражи. Он обеспечит нашу безопасность. Сайрион — герой непревзойденного ума и храбрости.

— Вы заставляете меня краснеть, — пробормотал гость.

Бердис недоверчиво взглянула на Сайриона.

Подали обед. За столом Вольф говорил без умолку, Бердис молчала. На фоне окна, осиянного звездами, красавица казалась еще обворожительнее. Запахи ночных цветов витали в воздухе, наполненном соловьиными трелями. В углу комнаты золоченые водяные часы капля за каплей отмеряли минуты. А когда проходил час, их переворачивали, и они продолжали мерить время...

Близилась полночь. Неожиданно Бердис заговорила:

— Сегодня днем, Вольф... случилась одна удивительная вещь... К нам в дом зашла высокая, странно одетая женщина. Она назвалась гадалкой и астрологом. Ее отвели в мои комнаты, и она сказала мне, что я умру...

Вольф подскочил, уронив чашу. Вино растеклось по инкрустированному столу, впитываясь в щели между кусочками мозаики.

— Но самое удивительное, что женщина была... — Красавица не мигая уставилась на Сайриона.

— Извините меня, госпожа, — вкрадчивым голосом перебил Бердис гость, — но мне кажется, ваши водяные часы врут. По-моему, колокол в цитадели бьет полночь.

Вольф и его жена замерли. И в самом деле где-то далеко-далеко звонили в колокол. Когда звон стих, Вольф поднялся и взял жену за правую руку.

— Моя дорогая, я носил это кольцо и остался жив. А демоны так и не появились, — тут он снял кольцо с кусочком янтаря со своего пальца. — Демонов вообще не существует. Вот так-то, мой ангел. Это кольцо безвредно. Возьми же его, моя радость, — сказав так, Вольф надел кольцо с кусочком янтаря на указательный палец своей жены. Потом, подняв руку к потолку, словно в экстазе, Вольф проревел: — Слава небесам!

— Боги, спасите меня, — пробормотала женщина.

Вдруг где-то в ночной тьме раздался приглушенный крик, за которым последовала какая-то возня.

Потом что-то влетело в комнату через окно.

Живой клубок дергаясь, извиваясь, шипя и завывая упал на колени Бердис. Ко всем прочим звукам прибавился треск материи, разрываемой острыми когтями.

— К... кошка! — обезумев от страха, закричала красавица. — Кошка!.. Кошка!.. Боги прогневались на меня!

— Бердис! — взвыл Вольф, словно его сердце пронзил кинжал невидимого противника. Он метнулся к жене, подхватил ее стройное тело с резного стула и повернулся к гостю. Слезы текли по его лицу. — Сайрион, ты не смог спасти ее. Ты — дурак! Выходит, проклятие в самом деле существует. Дьявольское кольцо убило мою жену. И в этом моя вина. Мне стыдно, но все дело в моей глупости. Ведь ты предупреждал меня. Демоны существуют! Теперь я потерял смысл жизни.

— Не совсем так, — спокойно заметил Сайрион.

Вольф наградил гостя взглядом, полным ненависти.

— На что мне все эти богатства, когда моя любовь мертва? Мое сердце навеки разбито!

Сайрион повернулся и погладил кошку. Безумное создание, влетевшее в окно, размахивая лапами, теперь успокоилось и мурлыча устроилось на плече начальника городской стражи. Еще раз погладив кошку, Сайрион невозмутимо продолжал:

— Вы, Вольф, слишком эмоциональны. Ваша жена жива.

— Ты смеешься!.. Она мертва.

— Нет. Она лишилась чувств и скоро придет в себя. Увы, дорогой Вольф.

Вольф дрожа посмотрел на лицо Бердис, а потом вздохнул с облегчением.

— Ты прав... Она жива. Но...

Кошка лизнула Сайриона в губы.

— Ваше замешательство мне понятно, — сказал Сайрион. — Но человек, который бросил кошку в вашу жену, должно быть, уже арестован. Еще до того, как стемнело, я предупредил ночную стражу.

Вольф усадил Бердис на ее стул и выпрямился. Его взгляд был полон недоверия.

— Что ты сказал?

— Что я сказал? — спросил Сайрион, обращаясь к кошке.

— Ты подозреваешь, что я заплатил какому-то негодяю, чтобы тот испугал мою жену до смерти?

— Точно так, мой дорогой, — подтвердил Сайрион. — Однако, оказавшись достаточно умным, чтобы выведать секрет гравировки на янтаре, могли бы придумать план и получше этого.

— Объяснитесь!

— Я? Почему бы и нет. Все равно за вашим домом установлено наблюдение... Начнем с того, что, вопреки вашим уверениям, Бердис была тяжелой ношей, которую вы отнюдь не собирались нести всю жизнь. Женившись на ней, вы намеревались избавиться от нее, прибрав к рукам все ее богатства, не говоря уже о тех, что достались бы вам после смерти ее отца. Перед вами стояла единственная проблема — найти способ убийства, который помог бы вам остаться в стороне. А это было легче легкого, ибо Сараман и его дочь верили в сверхъестественное, в то время как вы зарекомендовали себя человеком, отрицающим всякое колдовство. Кольцо с янтарем, как вы знали, могло убить любого и скрыть преступление... Легенда о кольце была записана на стене в склепе, из которого достали его ваши предки... Причины смерти ваших предков также были известны. Но сколько у вас ушло времени на измышление этого плана? Давайте еще раз вспомним всех тех, кто умер по вине кольца смерти. Король, мчащийся на врага, пришпоривая своего скакуна. Завоеватель, свалившийся с коня. Маг, погибший во время землетрясения. Бандит, приговоренный к виселице. А что касается вашей семьи, то один несчастный свалился со стены, другой — утонул в бушующем море, третий — перегрелся на солнце. Что общего между ними? Сколько времени потребовалось вам, чтобы узнать тайну?

— Два года, — прорычал Вольф.

Сайрион печально улыбнулся. Молчание затянулось минуты на две, а то и больше.

— Опасность — ключ ко всему, — проговорил Сайрион. — Опасность и сопутствующий ей страх.

Сайрион замолчал.

— Говори дальше!

— А нужно ли?

— Я хочу услышать... всё ли ты верно отгадал. Тогда ты возьмешь у меня все, что пожелаешь...

— Мне от тебя ничего не нужно. Я помню, как быстро ты перечислил символы, вырезанные на янтаре. — Лилия символизировала душу, ласточка — свободу, солнце — небо. Но, как и у большинства символов, у этих картинок есть другое истолкование. Лилия может быть истолкована как «эго» — «я» человека. Ласточка означает не только свободу, но и свободу от цепей — то есть освобождение, спасение. А солнце — самый древний символ — олицетворяет как небо, так и Богов. Соединив воедино лилию, ласточку и солнце, попытаемся прочитать предложение. Получится «Боги, спасите меня». Ритуальная фраза, имеющая одинаковый смысл и в наши дни, и в древние времена. Король поскакал на битву, шепча молитву. Человек, падая с коня, возопил к богам. Маг, почувствовав, что его дом сотрясается от подземных толчков... к кому он мог обратиться, прежде чем погибнуть под обломками стен? Бандит, идя на эшафот, без сомнения, тоже воззвал к богам. Как и женщина, так и не ставшая матерью. И ваш предок, сорвавшись со стены, шептал нечто похожее. И другой, погружаясь в пучины моря... И третий... перед тем как тьма навек поглотила его.... Все они сказали: «Боже, спаси меня!» Король умер на месте, и на теле его не обнаружили ни одной раны. «Боги, спасите меня!» — эти слова выгравированы на капле янтара. Произнесенные тем, кто носит кольцо, они активируют механизм, скрытый под камнем. Тонкие, как волосок, иголки прокалывают кожу. Яд попадает в тело несчастного — дьявольский яд, такой сильный, что убивает человека всего за несколько секунд. Несчастный в мгновение ока умирает. Лицо его искажено от ужаса, а видимых ран нет. Зная это, вы могли очень долго носить кольцо, избегая смер-

ти. Вы решили швырнуть кошку на колени вашей жене, которая больше всего на свете боится кошек, чтобы она тут же умерла от страха. А я, как вы рассчитали, имея хорошую репутацию и занимая высокий пост, должен был засвидетельствовать, что вы стали жертвой стечения обстоятельств.

— Но Бердис ведь не погибла, — возразил Вольф, сразу как-то обмякнув. Больше не было в нем ни ярости, ни недоброжелательности. Он плакал, вздрагивая всем телом. Его притворные слезы скорби по жене сменили горькие слезы скорби о своей дальнейшей судьбе.

— К счастью для госпожи, — продолжал Сайрион, — одна колдунья посетила ваш дом сегодня днем и дала вашей жене амулет — вот эти перчатки, — гость показал на грубые перчатки на руках Бердис. — Пальцы перчаток отделаны изнутри тонкой, но очень прочной стальной нитью из Дашириома, которую не пробьет ни одна отравленная серебряная иголочка, начиненная ядом, даже если серебро это имеет высшее качество.

Бердис зашевелилась. Сайрион осторожно снял со своего плеча кошку, потянулся к девушке и, взяв ее за локоть, помог бедняжке подняться на ноги.

— Потрясение от случившегося вылечило тебя, — строго объявил Сайрион. — Теперь ты можешь ходить. А ну-ка, иди!

Бердис, с удивлением посмотрев на гостя, неуверенно шагнула и, вскрикнув, сделала еще один шаг. Поддерживаемая Сайрионом, она дошла до двери. На пороге начальник городской стражи вложил ей в руку пурпурную шелковую ленту, но она этого даже не заметила. Бердис, казалось, не помнила и о Вольфе, который неподвижно замер на своем месте. Вернувшись в обеденную залу, Сайрион услышал, как стражники барабанят в ворота.

Вольф съездившись сидел на стуле.

Сайрион положил кольцо с янтарем на стол рядом с убийцей-неудачником и брезгливо пробормотал:

— Пора вернуться к своим неприятным обязанностям.

КОГДА СТРАЖНИКИ ВОШЛИ в обеденную залу, они увидели там только одного человека, да и тот был мертв.

Вольф лежал поперек стола; кольцо с янтарем сверкало на его пальце. Ужас застыл на лице несчастного... А на теле его не обнаружилось ни одной раны.

...АЛЫЕ, КАК КРОВЬ

КОРОЛЕВА-ВЕДЬМА БРОСИЛАСЬ открывать ларец из слоновой кости, где хранилось магическое зеркало, сделанное из темного золота, такого же темного, как ее волосы. К тому же это зеркало было древним, как те семь огромных деревьев, что росли возле ее дома.

— *Speculum, speculum*¹, — произнесла заклятие колдунья. *Dei gratia. Violente Dei. Audio*²... Зеркало, что ты видишь?

— Я вижу вас, моя госпожа, — отвечало зеркало. — А еще вижу все, что происходит в ваших землях.

— Зеркало, зеркало, а есть что-то, чего ты не видишь?

— Я не вижу Бианки.

Королева-Ведьма нахмурилась. Она закрыла ларец с зеркалом и медленно подошла к окну, забранному бледно-зеленым с темными разводами стеклом, и замерла, уставившись на черные деревья.

¹ Внемли, внемли (*лат.*).

² Милостью Божьей. Волею Божьей. Отзовись... (*лат.*)

Четырнадцать лет назад другая женщина стояла у этого окна, но она не была Королевой-Ведьмой. Черные волосы ее доходили до лодыжек. Она носила алое платье, стянутое кушаком под самой грудью, потому что скоро должна была родить. Толчком распахнув окно зимнего сада, где, утопая в снегу, согнулись старые деревья, черноволосая женщина взяла острую костяную иглу, проколола себе палец и тряхнула рукой. Три яркие капли упали на землю.

— Пусть у моей дочери волосы будут черные, как у меня; черные, как стволы этих искривленных деревьев, — пробормотала женщина. — Пусть у моей дочери будет кожа, как у меня, белая как снег. А губы — алыми, как кровь.

И улыбнувшись, женщина облизала кровоточащий палец. Корона возлежала на ее голове, сверкая в полутьме, словно звезда. Днем эта женщина никогда не подходила к окну — только когда наступят сумерки. Она была первой Королевой, и у нее не было волшебного зеркала.

Вторая Королева — Королева-Ведьма — знала об этом. Она знала, что во время родов первая Королева умерла. Ее гроб отнесли в собор и отслужили мессу. Но в народе расползся мерзкий слух: говорили, что когда капля святой воды упала на тело Королевы, мертвая плоть задымилась. И еще роптали, что первая Королева принесла несчастье стране. Странная болезнь свирепствовала среди людей, с той поры как Король привез из далеких стран свою суженую.

Но вот прошло семь лет. Король женился снова, и вторая Королева ничуть не походила на первую.

— А это моя дочь, — так представил Король семилетнюю девочку своей второй жене.

Черные волосы девочки достигали лодыжек. Ее кожа была белой — как снег, а губы — алыми, как кровь.

— Бианка, ты должна полюбить свою новую мать, — объявил Король.

Девочка улыбнулась, обнажив зубки — беленькие и острые, словно иглы.

— Подойди, — приказала ей Королева-Ведьма. — Подойди, Бианка. Я покажу тебе волшебное зеркало.

— Не надо, мама, — робким голоском попросила девочка. — Я не люблю зеркал.

— Она — скромная девочка, — объяснил Король. — И очень нежная. Она никогда не выходит из дома днем, ведь солнечные лучи могут испортить ей кожу.

В ту же ночь Королева-Ведьма открывала шкатулку с зеркалом.

— Зеркало, что ты видишь?

— Я вижу вас, моя госпожа. А еще я вижу все, что происходит в ваших землях. Я вижу всех ваших подданных, кроме одной девочки.

— Зеркало, зеркало, кто та девочка, которую ты не видишь?

— Бианка.

Вторая Королева решила подарить Бианке маленький золотой крестик, но девочка отказалась от него. Она побежала к отцу и стала нашептывать ему на ухо:

— Я боюсь... Я не хочу даже думать о том, что наш Всевышний умер в агонии на кресте... Новая мама пугает меня... Попроси ее больше не делать мне таких подарков.

Вторая Королева сорвала дикую белую розу в саду и после заката солнца позвала к себе Бианку. Но девочка тут же скрылась. В этот вечер она вновь нашептывала отцу:

— Колючки могут оцарапать мне кожу... Мама хочет поранить меня.

— Такого быть не может, — возразил Король.

А супруге сказал:

— Оставь девочку в покое... Я должен поведать тебе, что эта крошка некрещеная, — таким было последнее желание ее матери. Умирая, моя первая жена взяла с меня слово, что я не стану крестить ее дочь, потому что сама она была другой веры... Я не мог не исполнить просьбу умирающей.

— А ты сама никогда не думала о том, чтобы получить благословение церкви? — спросила Королева-Ведьма у Бианки. — Разве тебе не хочется преклонить колени перед мраморным алтарем? Тогда ты могла бы обратиться к Богу с молитвой, попробовать хлеб и выпить вино...

— Она вынуждает меня нарушить волю моей настоящей матери, — прошептала девочка на ухо Королю. — Когда новая мама прекратит мучить меня?

В тот день, когда Бианке исполнилось тринадцать, она поднялась с постели, а на белоснежных простынях осталось красное пятно.

— Ты стала женщиной, — объявила девочке ее няня.

— Да, — согласилась Бианка.

Она достала шкатулку с драгоценностями, некогда принадлежавшую ее родной матери, и вынула оттуда корону.

Наступили сумерки, Бианка вышла на поляну и прилгала у подножия кривых старых деревьев. Корона на ее голове сверкала как звезда. Страшная болезнь, которая покинула эти земли тринадцать лет назад, снова обрушилась на страну. Страшная болезнь уносила жизни людей, и не было от нее спасения.

КОРОЛЕВА-ВЕДЬМА СИДЕЛА на высоком стуле у бледно-зеленого с темными разводами окна. В руках у нее была Библия в переплете розового шелка.

— Ваше Высочество, — низко поклонившись, обратился к ней егерь.

Ему уже перевалило за сорок, он был сильным и красивым мужчиной, познавшим мудрость лесов, оккультную тайну земли. Он без колебаний убивал любого зверя, потому что это была его работа. Он мог убить и грациозных оленей, и ночных птиц, и пушистых зайчат с печальными глазами. Конечно, егерь имел сердце, он жалел животных, но все равно убивал их. И никакая жалость не останавливала его. Ведь убийство — это его работа.

— Взгляни в сад, — приказала егерю Королева-Ведьма.

Охотник посмотрел в окно. Солнце уже село. Среди древних кривых деревьев гуляла дева...

— Там Принцесса Бианка, — произнес егерь.

— А кто еще? — спросила Королева-Ведьма.

Егерь осенил себя крестным знаменiem.

— Побойтесь Бога, Ваше Высочество... Я не стану говорить...

— Но ты знаешь.

— Кто же об этом не знает.

— Король.

— Может, и так.

— Ты отважный человек? — вновь спросила егеря Королева.

— Этим летом я в одиночку отправился на охоту и убил медведя. А зимой я охочусь на волков.

— Значит, ты достаточно храбр?

— Что бы вы ни приказали мне, Ваше Высочество, я постараюсь сделать это как можно лучше, — заверил Королеву егерь.

Тогда Королева-Ведьма открыла Библию и вытащила серебряное распятие, которое использовала как закладку на той странице, где было начертано:

«Не убоись ужаса ночи... Не убоись того, кто бродит во тьме...»

Егерь, поцеловав распятие, повесил его себе на шею и спрятал под одеждой.

— Теперь подойди ближе, — приказала Королева-Ведьма. — Я скажу тебе, что нужно сделать.

Егерь вышел в сад, когда на небе уже зажглись звезды.

Он приблизился к Бианке. Но девочка не замечала его. Она гладила рукою искривленный ствол древнего дерева.

— Принцесса, — обратился егерь к Бианке, — вы должны простить меня, но я принес вам дурные вести.

— Говори, — приказала девушка, играя длинным стеблем бледного цветка, распускающегося по ночам.

— Ваша мачеха, эта проклятая ревнивая ведьма, решила убить вас. Вам ее не остановить. Единственный способ спастись — бежать из дворца прямо сейчас. Если вы позволите, я отведу вас в лес. Там есть те, кто станет заботиться о вас, пока вы не сможете вернуться.

Бианка доверчиво взглянула на егеря.

— Я пойду с тобой, — наконец изрекла она.

Они выбрались из сада через секретный лаз, пробрались тайным туннелем, вырытым глубоко под землей, миновали запущенный фруктовый сад и долго шли по заброшенной дороге. Ночное небо уже начинало светлеть, когда они достигли леса. Над ними густо нависали ветви деревьев, и только кое-где сквозь просветы в листве виднелось небо, больше напоминавшее темно-синее стекло.

— Я устала, — вздохнула Бианка. — Можно мне немного отдохнуть?

— Как пожелаете, — ответил егерь. — Вон полянка. Иногда под утро лисы играют здесь в свои игры. Взгляните туда: и, быть может, вам повезет, и вы увидите их.

— Как много ты знаешь, — проворковала Бианка. — И как ты красив...

Она села на торчащий из земли огромный корень и, повернувшись лицом к полянке, стала вглядываться во тьму.

Егерь тем временем бесшумно вытащил нож и, спрятав его в складках плаща, угрожающе навис над девушкой.

— Что вы там шепчете? — спросил он, касаясь ладонью черных волос Принцессы.

— Я пою песенку, которой научила меня моя мама.

Егерь осторожно отвел в сторону прядь темных волос девушки, обнажив ее белое горло. Он уже занес нож... но так и не ударил, потому что неожиданно обнаружил в своей руке золотисто-черный локон Королевы-Ведьмы. На том месте, где только что сидела Бианка, оказалась улыбающаяся Королева-Ведьма. Она протянула руки к егерю и заговорила:

— Остановись, добрый человек. Я всего лишь проверяла тебя. Разве ты забыл, что я — ведьма? Разве ты не любишь меня?

Егерь задрожал всем телом, потому что он и в самом деле любил жену Короля. А она манила, звала его.

— Брось нож. Сними распятие. Нам эти вещи не нужны... Что стоит наш Король в сравнении с таким мужчиной, как ты!

И егерь повиновался искусительнице. Он бросил нож. Он снял распятие и зашвырнул его далеко в чащу. Он прижал к себе Королеву-Ведьму, и она прижалась лицом к его шее...

Боль от поцелуя — вот последнее, что почувствовал егерь.

Небо было темным, а лес еще темнее. Никакие лисы так и не вышли поиграть на полянку. Выкатилась луна,

и ее светлый луч, пробившись сквозь толщу ветвей, отразился в остекленевших глазах мертвого егеря. Сорвав ночной цветок, Бианка вытерла им свой ротик.

— Семь уснуло, семь проснулось, — сказала девушка. — Дерево к дереву. Кровь к крови. Ты ко мне.

И тут где-то далеко-далеко зашевелились черные деревья. Со скрежетом вырвав корни из земли, продирались они по подземному туннелю, а потом — через фруктовый сад, шли по заброшенной дороге.

Токая, как семь великанов, они подходили все ближе и ближе.

Бум, бум, бум, бум. Бум, бум, бум.

Пробираясь через фруктовый сад, семь черных фигур трепетали.

Маршируя по дороге, они дрожали. Ломались ветки, трескали кусты. И вот на лесную поляну вышли семь уродливых, бесформенных, сгорбившихся, хромающих существ, покрытых черным древесным мхом, скрывавшим черные полированные тела — стволы. Глаза их напоминали узкие трещины, рты — большие дупла. Бороды их были из лишайника. Кривые ветви заменяли руки, а могучие корни — ноги. Оказавшись перед своей повелительницей, они низко поклонились, ткнувшись лицами в землю.

— Добро пожаловать, — приветствовала их Бианка.

КОРОЛЕВА-ВЕДЬМА СТОЯЛА у окна со стеклом, похожим по цвету на разведенное вино. Она вновь смотрела в волшебное зеркало.

— Зеркало, что ты видишь?

— Я вижу вас, моя госпожа. Я вижу мужчину в лесу. Он ушел на охоту, но не на оленя. Его глаза открыты, но он мертв. Я вижу все, что происходит в ваших землях. Я вижу всех ваших подданных, кроме одной девушки.

Королева-Ведьма зажала ладонями уши.

За окном лежал сад, но только теперь там не было семи древних кривых деревьев.

— Бианка, — только и смогла вымолвить Королева.

ДОРОГИЕ ЗАНАВЕСИ ПЛОТНО закрывали окна, так что даже тоненький лучик не мог пробиться в комнаты Королевы. Единственным источником света была лампа, и сияние, исходившее от нее, походило на снопы пшеницы. Лампа освещала четыре меча, разложенных на полу таким образом, что один меч острием клинка смотрел на север, другой — на юг, третий — на восток, четвертый — на запад.

Неожиданно откуда-то налетел ветер, загудел под потолком. Холодное пламя лампы взметнулось.

Руки Королевы-Ведьмы скользили по воздуху, словно падающие листья. С ее сухих губ срывались слова заклятия:

— *Pater omnipotens, sanetum Angelum, tuum de Infernio!*³

Свет лампы потускнел, а потом она вспыхнула с новой силой. На том месте, где сходились рукояти четырех мечей, появился ангел Люцифер. Тело его казалось тускло-золотистым, лицо скрывала тень, за спиной сверкали расправленные золотые крылья.

— Ты позвала меня, и я знаю твое желание. Нехорошее желание... Обращаясь ко мне, ты причиняешь мне боль.

— Тебе ли говорить о боли, Владыка Люцифер! Ведь ты испытал самую страшную боль. Боль, которая гораздо сильнее, чем от гвоздей, пробивших руки и ноги; чем от тернового венца и от нещадно палящего солнца...

³ Отец всемогущий, святой Ангел, низвергнутый в ад! (лат.).

Я все ведаю о тебе и сожалею о твоих мучениях, сын Бога, брат истинного Сына.

— Ты разжалобила меня. Я выполню то, о чем ты просишь.

И Люцифер (некоторые называют его Сатаной, хотя некогда он был левой рукой Бога) призвал молнию с неба.

Молния поразила Королеву-Ведьму. Она попала Королеве в грудь. Женщина упала. И тогда падший ангел открыл глаза. Взгляд его был ужасен. Но в нем таилось понимание... И тут со звоном разлетелись на куски клинки мечей.

Люцифер исчез. Королева-Ведьма поднялась с пола. Но из прежней красавицы она превратилась в высохшую, скрюченную старуху.

СЮДА, В САМОЕ сердце дремучего леса, даже в полдень не заглядывало солнце. Цветы здесь были бесцветными. Под малахитово-черным покровом, в зеленом сумраке, порхали бабочки-альбиносы и мотыльки. Стволы мрачных деревьев были гладкими, как стебли водорослей. Днем тут кружили летучие мыши и птицы, которые давно уже считали себя кем-то вроде нетопырей.

Усыпальница, заросшая мхом, уже давно была пуста. Семь ужасных тварей, в которых превратились семь старых кривых деревьев, растоптали останки того, кого когда-то захоронили здесь. Издали эти твари до сих пор напоминали карликовые деревья. Однако они могли двигаться. Иногда среди мха, покрывавшего их стволы, мелькало нечто похожее на глаз или зуб. В тени усыпальницы, расчесывая волосы, сидела Бианка.

Вдруг незванный гость появился в лесной полутьме.

Семь оживших деревьев разом встрепенулись.

Из глубины леса вышла согбенная старуха

— Вот мы и добрались, — проскрипела она, хищно наклонив свою почти лысую голову.

Она подошла поближе и низко поклонилась Принцессе, ткнувшись лицом в мох и бесцветные цветы. Бианка с интересом разглядывала гостью. Старуха тем временем встала и улыбнулась, оскалив желтые зубы.

— Я принесла вам клятву верности от ведьм этой страны, а также три дара, — вновь заговорила старуха.

— Но почему мне?

— Вы такой резвый ребенок, а вам всего лишь четырнадцать... Вы спрашиваете: «Почему»? Мы боимся вас. И чтобы вас задобрить, я хочу преподнести вам несколько подарков.

Бианка рассмеялась.

— Ну, ладно. Покажи свои дары.

Старуха взмахнула рукой, и в руке ее оказался поясok искуснейшей выделки.

— Вот поясok, который защитит вас от любых измышлений священников, от распятий и чаш с омерзительной святой водой. В этот поясok вплетены пряди волос девственницы, женщины в цвете лет и мертвой старухи... А вот, — гостья вновь взмахнула рукой, и на ее ладони откуда ни возьмись появилась сине-зеленая лакированная шкатулка, — ларец из морских глубин, с безделушками русалок. Надев их, вы станете еще обворожительнее. Украсьте драгоценностями ваши локоны, и запах моря опьянит мужчин, а шорох волн — замутит их разум. Эти украшения воздействуют на мужчину получше колдовского заклятия. И наконец, — прибавила старуха, — вот старый символ безнравственности — алый плод Евы, яблоко, красное, как кровь. Откусите кусочек — и вы узнаете грех, как и обещал змей-искуситель, — и старуха протянула Бианке поясok, шкатулку и яблоко.

Девушка украдкой взглянула на семь деревьев и прошептала:

— Мне нравятся дары, но я не доверяю старухе.

Колдовские создания уставились на непрошеную гостью. Их глаза блестели. Кривые руки — ветви поскрипывали.

— Хорошо, — наконец решилась Бианка, — я примерю ваш пояс и украшения.

Старуха кивнула, глупо улыбаясь. Переваливаясь, как утка, подошла она к девушке и помогла ей надеть пояс, а потом, расчесав на пробор темные, как эбонит, волосы Бианки, вплела в них украшения русалок. Новый пояс Бианки излучал едва заметное белое сияние, а драгоценности — зеленое.

— А теперь, старуха, откуси кусочек яблока, — предложила Бианка.

— Я горжусь, что мне оказана подобная честь, — ответила старуха. — Обязательно сообщу своим сестрам, что поделила с вами этот плод, — сказав так, старуха вонзила зубы в яблоко. Прожевав сочную мякоть, она потом проглотила ее и вытерла слюнявые губы.

Тогда и Бианка взяла яблоко и откусила...

В то же мгновение она вскрикнула и... закашлялась.

Потом девушка вскочила на ноги. Волосы взметнулись, словно грозовая туча. Ее лицо посинело, потом сделалось желтым, потом снова побелело.

Замертво упала она на бледные цветы.

Семь карликовых деревьев протянули к ней свои ветви, но не смогли помочь. Без колдовского искусства Бианки они не могли сойти с места. И сколько они ни пыжились, сколько ни пытались уцепиться за одежды старухи, схватить ее, увы, им так и не удалось. Змеей проскользнула она между ужасными тварями, быстро выбежала она на поляну, залитую солнечным светом, и

поспешила по заброшенной дороге к фруктовому саду, а оттуда — в подземный туннель.

Тайным коридором пробралась коварная во дворец и исчезла в покоях Королевы. От быстрой ходьбы дыхание ее прерывалось. Рукой держалась она за саднящие ребра. Однако, прежде чем принять прежний облик, Королева открыла заветную шкатулку из слоновой кости и достала волшебное зеркало.

— *Speculum, speculum. Dei gratia.*⁴ Что ты видишь?

— Я вижу вас, моя госпожа. А еще вижу все, что происходит в ваших землях. И я вижу гроб.

— Кто лежит в гробу?

— Не вижу. Должно быть, Бианка.

Старуха (которая на самом деле была прекрасной Королевой-Ведьмой) опустилась на высокий стул у бледно-зеленого с темноватыми разводами окна. К травам и снадобьям, приготовленным заранее, чтобы снять заклятие, наложенное Люцифером, Королева даже не прикоснулась. Яблоко, убившее Бианку, поливали святой водой...

Королева-Ведьма достала Библию и открыла ее наугад. С испугом прочитала она первое слово, попавшееся ей на глаза:

«*Resurcat!*»⁵

ГРОБ БИАНИКИ БЫЛ сделан из молочного стекла. От тела девушки исходил едва различимый белый дымок, похожий на тот, что поднимается от костра, если на него плеснуть водой. Кусочек яблока, пропитанного святой водой, застрял в горле несчастной. Святая вода жгла тело девушки изнутри, подобно огню, оттого-то оно и дымилось.

⁴ Внемли, внемли. Милостью Божьей (лат.).

⁵ Восстань! (лат.)

Когда же выпала холодная ночная роса и тьма окутала землю, дым, окутывавший тело мертвой, впитал в себя весь ее холод. Потом мороз разрисовал узорами стенки внутри гроба, а вскоре гроб и вовсе превратился в прозрачную глыбу льда, внутри которой лежала Бианка.

Растопить этот лед не могли ни сердце девушки, ни тусклый свет вечных сумерек, царивших под зелеными сводами. Под толщей льда красавица выглядела еще прекраснее, чем при жизни: волосы черные как вороново крыло; кожа белая как снег; губы алые, как кровь.

Колдовские деревья склонили ветви, скорбя по своей повелительнице.

Шли годы.

У семи деревьев вновь отросли ветви, образовав полог над гробом. Глаза ужасных тварей превратились в сочащиеся соком наросты. Сок драгоценными изумрудными каплями падал в траву возле гроба.

— Кто это лежит под сенью деревьев? — спросил Принц, случайно оказавшийся на поляне, затерявшись в чаще густого леса.

В лунном свете сверкали его золоченые шлем и доспехи. Белый плащ принца, расшитый золотом и красным и черным шелком, искрился сапфирами. Его белая лошадь топтала копытами бесцветные цветы, но их упругие стебли всякий раз вновь распрямлялись. На луке седла висел щит Принца, не совсем обычный щит. С одной стороны его была отчеканена морда льва, с другой — мордочка ягненка. Увидев Принца, деревья застонали, раскрыли дупла ртов...

— Так это и есть гроб Бианки? — спросил удивленный Принц.

— Оставь ее с нами, — хором попросили деревья.

Они потянулись, пытаясь высвободить свои корни. Земля задрожала. Гроб из ледяного стекла сдвинулся, и

огромная трещина пробежала по его крышке. Бианка закашлялась, и кусочек яблока выскочил из ее горла... А потом гроб разлетелся на тысячи осколков, и Бианка привстала. Она внимательно посмотрела на Принца и улыбнулась ему.

— Добро пожаловать, любимый, — сказала девушка.

Бианка встала, тряхнула волосами и направилась прямо к Принцу, восседавшему на белой лошади. Казалось, что девушка идет по огромной пурпурной комнате. Но вот комната стала алеть, будто впитывая кровь Бианки. Потом комната пожелтела и наполнилась плачем, разрывающим душу девушки. Бедняжка дрожала всем телом, сердце ее учащенно билось, подгоняя ее. Она побежала. Вот Бианка превратилась в ворона, потом в сову. И, наконец, в ослепительно белую голубку. Белую как снег. И не было в этой птице ничего черного и ничего алого. Голубка села на плечо Принца и спрятала голову под крыло.

— Теперь все начнется сначала, Бианка, — тихо прошептал Принц, сняв ее с плеча. На его запястье белел шрам: когда-то это запястье было пробито гвоздем.

Птица-Бианка улетела, прорвалась через крышу леса. Она нырнула в окно цвета нежного вина... и очутилась во дворце. Ей опять было семь лет... Королева-Ведьма — ее новая мать — повесила ей на шею распятие.

— Зеркало, что ты видишь? — спросила Королева-Колдунья.

— Я вижу вас, моя госпожа, — ответило зеркало. — А еще я вижу все, что происходит в ваших землях. Я вижу? Бианку.

СМЕРТОНОСНЫЙ ГОЛУБЬ.

ТРИ ЧЕРНЫХ ПЯТНА скользили по выжженному солнцем небу — три стервятника медленно кружили в вышине. Что-то лежащее внизу, в пустыне, манило их, обещая роскошный пир...

Поднявшись на дюну повыше, Сайрион увидел колодец, но к вечному облаку пыли, повисшему над пустыней в этот раз был подмешан дым.

Сайрион остановился посреди склона дюны — темная фигура на фоне бледной пустыни. Его большой капюшон — неотъемлемая деталь одежды любого кочевника, был надвинут на самые брови, защищая голову от палящего солнца. Он не заметил никакого движения среди травы на краю колодца и возле одинокого сожженного дерева. Маленькая хижина, приютившаяся рядом, тоже была сожжена. Обломки дома еще дымились, хотя огонь почти потух. Между ними и деревом лицом вниз лежал мертвец, а вокруг него валялись маленькие мертвые создания, которые издали казались бело-красными пятнами. И только подойдя поближе, Сайрион понял, что это голуби.

Однако непонятно было, что же сдерживает стервятников в небесах. Ведь на земле их ждало великолепное угощение. Однако раз они держались в вышине, на то существовала причина. Очевидно, сверху они видели кого-то живого и потенциально опасного, скрытого от Сайриона за дымящимися развалинами.

У Сайриона был выбор. Он мог повернуться и уйти. Хотя это было бы не лучшим решением, потому что у него не осталось воды, и он пол дня шел, чтобы добраться до колодца.

Привычным движением Сайрион вытащил меч из красных кожаных ножен, потом вновь стал спускаться

по склону дюны, направляясь к колодцу. Он постарался сделать вид, что не замечает дымящихся руин.

Беззаботно воткнув меч в песок, Сайрион потянул двумя руками кожаное ведро из колодца. И тут он краем глаза заметил какое-то движение. Мгновение назад между обломками хижины и колодцем никого не было, а теперь...

Сайрион поднял голову.

Он не знал человека, появившегося словно из-под земли, но его личность не вызывала сомнений. Рыцарь восседал на белом мерине, и с ног до головы был закутан в белые, расшитые серебром одежды, под которыми можно было ясно видеть стальную кольчугу, а поверх искрился снежно-белый табард. Шлем из отполированной до блеска стали с перекрестьем, вертикальная планка которого располагалась на месте носа, а горизонтальная — под глазами, сильно напоминал маску. А над шлемом покачивался гребень перьев. На щите всадника был герб — белый голубь. Значит, он из Рыцарей Ангела, которых иногда называли «голубями». А еще они были известны, как Белые Всадники.

Взглянув на всадника Сайрион продолжал спокойно поднимать ведро с водой из колодца. Он даже улыбнулся.

— Позволишь мне напиться, мой друг?

Рыцарь, несмотря на жару, напоминал огромный кусок льда. Выслушав просьбу Сайриона, он не шевельнулся. Даже конь его не повел ушами.

— Но должен сказать, — обезоруживающе добродушно продолжал Сайрион, — не слишком почетно зарубить человека, ударив сзади, а потом спалить его дом, не говоря уж о голубях...

— Как тебя зовут? — неожиданно спросил рыцарь.

Отчего-то у Сайриона возникло желание соврать Белому Всаднику. Однако он не стал этого делать.

— Сайрион.

— Откуда ты родом? Ты из Кайрома?

— Скорее всего... — тут Сайриона вновь охватили сомнения. — Нет.

— Ты одет как кочевник, но у тебя бледная кожа. Ты кому-нибудь служишь?

— Никому.

— Ты знаешь, что крепость Клов лежит к северо-западу отсюда, всего в половине дня пути?

— Точно, — согласился Сайрион. — Но там твой дом, а не мой.

Клов принадлежал Рыцарям Ангела. У этого ордена было несколько замков-крепостей, разбросанных по пустыне. Цитаделью их считался город Херузала, лежащий на юго-западе... Рыцарь в седле по-прежнему не шевелился. Его неподвижность была угрожающей. Наконец, он сказал:

— Да, я служу Клову. Мы правим всеми землями от святого Херузала до Клова... Если тебе что-то не нравится, ищи объяснения в крепости. Можешь рассказать стражникам у ворот о том, что увидел тут. Они обрадуются, если ты пожалуешься на меня.

Рыцарь проговорил все это совершенно бесстрастным голосом. Однако то, что он сделал потом, могло показаться совершенным безумием...

Мгновение назад рыцарь сидел в седле совершенно неподвижно, но вот он захохотал, затрясся всем телом. Сайрион ожидал, что вот-вот получит удар длинным мечом, но ничего похожего не случилось. Вместо этого маленький смертоносный зазубренный кусочек мрамора вылетел из кольчужной перчатки, одетой на руку рыцаря.

Сайрион метнулся в сторону. Но, как оказалось, он двигался слишком медленно. Камень задел его, сорвав

капюшон с головы. Беззвучно Сайрион рухнул на песок возле передних копыт выученного, неподвижного, словно каменная статуя, белого коня...

КРЕПОСТЬ КЛОВ ЛЕЖАЛА в ста пятидесяти милях от Херузала, недалеко от границы пустыни. На скалах у подножия крепости росла трава. Перед замком раскинулась долина посреди которой зеленел оазис, снабжавший водой как крепость, так и деревушку, жители которой служили живущим в крепости. Овцы и козы паслись на берегах озера. То и дело к воде спускались женщины с кувшинами. Мужчины трудились в кузнице и в сыромятной мастерской, стараясь обеспечить обитателей крепости всем необходимым. Белые Рыцари не опускались до такой работы.

А все началось с того, что столетие назад Ангел Бога явился правителю одной страны, лежащей далеко на востоке. Этого оказалось достаточно для основания рыцарского ордена. Его рыцари отчасти напоминали духовенство, приносили клятву безбрачия, добросовестно твердили молитвы, постились в положенное время. Но в то же время это был воинствующий орден. Его рыцари охотились на разбойников всех мастей, сражались со всеми армиями, принадлежащими королевствам-соперникам, угрожающим Херузалу, и с любыми недоброжелателями в своем королевстве. Рыцари Ангела, как и все люди запада, имели светлую кожу, и носили все белое. Смуглые кочевники пустыни и люди, живущие на окраине пустыни (у них была оливковая кожа), называли рыцарей по-своему — голубями. Они с недоверием относились к рыцарям-пришельцам и знали об их эксцентричности и об эзотерических ритуалах служения Богу — основе Ордена Ангела. Поэтому жители пустыни вели против рыцарей негласную войну. Рыцари же,

как говорили, во время ритуала могли довести себя до слепой ярости и стать нечувствительными к боли. Безумцы, полностью себя контролирующие, они постоянно искали жертвы — тех, кто равнодушно относился к их Ордену или не верил в их богатства. Таких людей рыцари рассматривали как помеху своим помыслам, убивали или жестоко забавлялись с ними, действуя совершенно безжалостно. Ничто не могло остановить этих убийц.

Никто, как гласила история, не рисковал открыто выступить против Рыцарей Ангела. Молодой король Херузалы считал Орден Ангела бесполезным, но очень боялся их и платил огромные деньги в их казну. Крепости Ордена были раскиданы по всей пустыне, некогда принадлежавшей правителю Херузала. Земли, находящиеся «под защитой» рыцарей, простирались на север аж до Даскириома.

В Клове перед запеченными в грязи и уже укутанными тенями хижинами селян горели костры, в то время как замок высоко на скале сверкал, словно горящий уголь. Несколько птиц кружили над башнями. Это были ручные почтовые голуби.

На окраине поселения, там где начинались пески, горел костер и женщина согнулась над горшком, осторожно мешая какое-то варево. С запада из пустыни, где ночь поднималась словно горы индиго, появился человек. У него не было коня. Он шагал по песку, часто спотыкаясь. На нем были одежды кочевников. Его светлое лицо обрамляли светлые волосы. Справа они были испачканы кровью. На лице путника играла улыбка. Когда женщина подняла голову и посмотрела на него, он, вместо того чтобы войти в деревню, направился к ней. Встревожившись, женщина распрямилась и криком позвала своего мужа, находившегося в хижине.

Незнакомец, остановившись в нескольких шагах от женщины, властно взмахнул рукой.

— Мне нужна помощь, — сказал он. — Ты мне поможешь?

— Что тебе нужно? — настороженно спросил мужчина, встав рядом со своей женой.

Чужеземец плюхнулся на песок, словно ребенок, который плохо стоит на ногах.

— Вы хотите вначале услышать мою историю? — поинтересовался он. — Тогда слушайте. У колодца, там где растет дерево, я встретил Белого Всадника. Он ударил меня по голове, но перед тем сказал, что меня с радостью встретят тут, если я расскажу о его преступлениях.

Женщина вскрикнула и побежала к замку. Ее муж протянул незнакомцу кожаную бутылку с водой. Когда же путник утолил свою жажду, мужчина поинтересовался:

— А что стало с хижиной возле колодца?

— Сожжена, а тот, кто жил в ней, — убит. Точно так же, как и его голуби.

Мужчина громко охнул, точно так же, как его жена.

— Ты, чужеземец, принес очень важные новости, — сказал он, а потом, чуть подумав, добавил: — Ты должен пойти со мной.

— Меня зовут Сайрион, — объявил путник. — Куда ты хочешь отвести меня?

— В крепость. И нужно сделать это как можно быстрее.

— Значит, то, что сказал мне Белый Всадник, — правда? Он утверждал, что меня хорошо примут в Клове, если я расскажу о его преступлениях... кто бы он там не был...

— Да, мы знаем о нем, — объявил мужчина, помогая Сайриону встать на ноги. Потом он повел нежданного гостя по дороге, ведущей в крепость.

Селяне, мимо которых они приходили, прекращали работу и провожали их долгими взглядами. Некоторые задавали вопросы спутнику Сайриона, но тот отвечал уклончиво. Двое хотели было помочь вести Сайриона, но потом повернули назад. Но вот дорога пошла круто вверх по склону холма и идти стало намного труднее. Сайрион то и дело останавливался, чтобы перевести дыхание.

Наконец они добрались до домика стражи. Двое часовых в белых накидках, расшитых гербами, стояли у ворот, словно каменные изваяния. Но когда Сайрион со своим спутником подошел поближе, они зашевелились. Один из них отошел шагов на двадцать от ворот, навстречу к незванным гостям.

— Чего вы хотите?

— Этот человек принес новости... — ответил воину селянин. — Новости, которые ожидает Гранд Магистр Галем.

Второй рыцарь у ворот тоже ожил. Он сказал что-то первому, и тот крикнул, обращаясь к селянину:

— Оставайся на месте, а твой спутник может войти...

— Так вас зовут Сайрион? — осведомился Младший Магистр Крепости Клов. — Или вы просто откликнулись на это имя?

— А есть разница?

Они находились в квадратном зале, залитом светом факелов. Тут было тепло, несмотря на то, что над пустыней уже распростерла крылья холодная ночь. Столы, установленные в центре зала, ломились от мяса и фруктов, уставлены кувшинами с вином. За столами сидели рыцари в белых одеждах. Среди них, нарушая гармонию, находился незнакомец, которого ублажали, словно господина. И хотя Сайрион рассчитывал на холодный или даже грубый прием, воины промыли и перевязали его рану, очень вежливо отнесясь к незваному гостю.

Сайриона хорошенько накормили. Однако Гранд Магистр Галем, который, как казалось, должен был заинтересоваться сообщением Сайриона, так и не появился. А Младший Магистр без интереса отнесся к сообщению странника. Войдя в зал, он завязал с гостем любезную беседу. Он держался с Сайрионом по-дружески, однако не пытался ничего выведать. Тем не менее гость хорошо понимал, как обманчиво равнодушие и праздное веселье в этой святой обители.

У Младшего Магистра были волосы цвета речного песка. Его бесцветные глаза напоминали кремь...

Наконец, после долгой светской беседы, Младший Магистр заговорил о случившемся в пустыне:

— Расскажите мне все о вашей встрече с этим рыцарем. Все подробности, господин, назвавшийся Сайрионом.

Гость согласился. Он рассказал о сожженной хижине, убитых голубях, мертвом человеке; о Белом Рыцаре и его словах, и о том, что произошло потом. Сайрион рассказал о том, как очнулся и с трудом нашел дорогу в Клов, чтобы просить милости, как пообещал тот рыцарь. Когда Сайрион закончил рассказ, Младший Магистр некоторое время молчал, задумавшись.

— Это дело между Братством Голубя из Херузала и нашим Братством. Вам это будет неинтересно. Однако я признателен за ваше косвенное участие в наших делах.

Тут он резко взмахнул рукой. Рыцарь шагнул вперед и положил на колени гостя туго набитый кошель.

Сайрион посмотрел на него. Потом левой рукой, униженной кольцами, спрятал его за пазуху.

— Спасибо, — пробормотал он. — Но я должен был сообщить эти новости самому Гранд Магистру Галему.

— В самом деле? Почему именно ему?

— Человек, которого я встретил в деревне, удивил меня. Он заявил, что мои новости захочет услышать Галем.

При этих словах Младший Магистр зафыркал, едва сдерживая смех. Он даже опустил голову.

— Вы хотите сказать, что это те новости, которые он не хочет услышать?

— Так или иначе, мой друг, но это вас не касается, — отрезал Младший Магистр. — Вы принесли сообщение, вам уплачено. Ночь вы можете провести тут, на соломенном тюфяке. Завтра вы получите осла и продолжите свое путешествие.

Он уже повернулся, чтобы уйти, когда мягкий голос, зазвучавший у него за спиной, вновь остановил его.

— Магистр, — спокойно произнес гость, — я удивляюсь, почему рыцарь, который сжег хижину в оазисе, убил невинного человека и его почтовых голубей, не препятствовал новостям о его появлении достичь вас? И еще я удивляюсь, почему он сказал, чтобы я отправлялся сюда, хотя сам мог бы сделать это, так как у него был хороший конь. Вы не думаете, что он попытается незаметно пробраться в крепость? Ведь, судя по всему, его появление в замке могло бы вызвать смятение... но, возможно, под покровом... — предложение так и осталось незаконченным, потому что слова гостя произвели на Младшего Магистра необычный эффект. — Возможно, теперь мне будет разрешено поговорить с Гранд Магистром? Я хотел бы поделиться с ним моими подозрениями. Возможно, он захочет узнать какие-то подробности происшедшего.

Младший Магистр вновь отрицательно покачал головой:

— Посмотрим. Сейчас вы отправитесь в отведенную вам келью. Быть может, завтра я сам расспрошу вас подробнее.

А через несколько минут после этого разговора тридцать рыцарей Ангела в полном вооружении сели на коней и, запалив факела, выехали из замка-крепости Клов. Они спустились к деревне и выехали из оазиса, направляясь в пустыню. Ближе к полуночи они вернулись в Клов, ведя на поводу белого жеребца без всадника. Если не считать этого скакуна, они не обнаружили других следов чужого рыцаря. В округе не было никаких чужеземцев, кроме старого эксцентричного бродяги, одного из святых скитальцев пустыни, которые время от времени появлялись в Клове, а потом так же неожиданно исчезали...

СВЯТОЙ ЧЕЛОВЕК СИДЕЛ скрестив ноги перед одним из костров, разведенных за деревней. Вопреки тому, что его поза была очень неудобна, он не выглядел усталым. Может быть в молодости он и был привередливым, но сейчас, как и большинство отшельников, он стал грязным, волосы его поседели и космами свисали на лоб. Его лицо носило отпечаток времени, и в тусклом, мерцающем свете костра, превратилось в зловещую маску, изрезанную мелкими, тонкими шрамами морщин. В рубахе странника на спине зияла огромная дыра. Божий человек сидел, спрятав руки в рукава, и что-то бормотал себе под нос. Когда рыцари подъехали и о чем-то спросили его, он пробудился и начал ругаться. Когда же рыцари ускакали и стук копыт их коней стих, святой человек пододвинулся к огню. Потом уступив просьбам людей, которые постепенно собрались вокруг него, он согласился изложить свою философию. Скиталец повернулся и начал гипнотически вещать какие-то экзотические учения, мифы древней земли, где издавна люди охотились на львов. Низкий, приводящий в замешательство голос старика звучал завораживающе.

Когда рыцари вернулись, ведя белого коня в крепость, люди, собравшиеся у костра, долго смотрели им вслед, перешептываясь, а святой старик, ничего не замечая, продолжал свой монолог. Когда последний всадник с факелом скрылся в воротах крепости, божий человек закашлялся, а потом обратился к своим слушателям, потребовав, чтобы те объяснили, что происходит в Клове. Селяне обрадовались возможности еще раз посудачить о своих хозяевах и пощекотать нервы, и все рассказали старику.

Клов находится в состоянии войны — так они сказали. Рыцари Голубиной Ложи вели войну с Белыми Рыцарями Херузала. Хотя все это считалось тайной... А все неприятности начались из-за того, что Гранд Магистр из Клова, помиловал вора месяц назад. Этим решением он восставил против себя рыцарей Херузала, и они объявили, что Гранд Магистр стал слаб и мягок. Ссора могла закончиться лишь смертью Галема от меча рыцаря выбранного из воинов города, принадлежащего Ложе.

Убийцы-рыцари владели магией и использовали ее для выполнения своих задач. Они больше напоминали смертоносные механизмы, а не живых людей и не могли отступить от своей цели. Судьба Гранд Магистра была решена, и теперь несчастный, испуганный Галем сидел в крепости Клов, ожидая, когда в ее ворота постучится мститель. Жители деревни, расположенной у подножия Клова, тоже ожидали, опасаясь бесправия, мести, которая, заодно, может обрушиться на их головы. Голубиные заставы, и их смотрители, оставаясь верными Галему, поклялись предупредить его, послав окольцованных птиц в крепость, как только увидят убийцу. Но пока в крепость не прилетело ни одной птицы. По словам человека, который совсем недавно пришел в деревню, могло оказаться так, что все посты уничтожены. Однако благодаря страннику, назвавшемуся Сайрионом, хоть и

не имевшему никакого отношения к голубям, в крепости узнали о приближении врага. У хозяев крепости был план. Они знали, как остановить убийцу, хотя человек, прошедший Ритуал, становился нечувствителен к боли и ранам от копий, мечей и стрел. Защитники крепости собирались перевернуть на убийцу котлы с кипятком, установленные на башне над воротами. Каким бы стойким тот ни был, тут уж он не выживет. Божий человек, услышав эти слова, улыбнулся.

— Допустим, убийца примет действенные меры. Разве на этот случай ничего не предусмотрено? — вновь спросил старик.

— Тогда рыцари, несущие караул, легко распознают его и убьют, — возразил один из слушателей. — Он приближается... Его уже видели... Разве незнакомец в кольчуге и в белом плаще сможет незаметно пробраться в замок? Пусть даже пеший, это — не важно!

— В самом деле, — согласился святой человек, склонив голову. Он старался как можно ниже опустить подбородок, чтобы скрыть свою улыбку.

Вскоре у старика начался припадок. Он совершенно изменился. Вскочив, он помчался по улице, молотя воздух руками и громко крича. Люди почтительно расступались перед ним, в тревоге наблюдая за человеком, охваченным безумием Всевышнего. Неожиданно припадок закончился, и святой человек повалился на песок.

— Я должен попасть в крепость, — неожиданно объявил он голосом человека, вещающего некую истину. — Небеса подарили мне откровение, поведав о судьбе Гранд Магистра Галема.

Удивленные и сонные селяне Клова, привлеченные историями старика, теперь беспрекословно повиновались воле Небес.

В темном холодном ночном небе пустыни вспыхнули звезды. Селяне вместе с божьим человеком отправились к воротам замка-крепости. Последовали пререкания между селянами и часовыми. А святой человек тем временем уселся на землю в презрительной позе — отвратительный, высокомерный и безмолвный. В самый разгар споров на стену вышел Младший Магистр. Протолкавшись через толпу часовых с факелами, он взглянул вниз на людей, осаждающих крепость. Несмотря на поздний час, Младший Магистр был полностью одет. Он нервничал и никак не мог заснуть на жестком рыцарском ложе.

— Говорите, у старика было видение? — спросил Младший Магистр. Сейчас никто не признал бы в терпеливо ждущем старике скитальца-эпилептика. Он мог оказаться кем угодно.

В ответ на вопрос Младшего Магистра старик сам неожиданно подал голосю

— Я знаю, какая судьба ждет Гранд Магистра, — проревел нищий изо всех сил.

— Так ли это? — удивился Младший Магистр и повернулся к командиру часовых. Не слушая крики селян внизу, он спросил, ни к кому конкретно не обращаясь: — Небеса, разве возможно, что этот старец чем-то сможет помочь нам? Но нас учили никогда не отвергать знаки свыше, не важно, кто приносит их. Ведь Всевышний следит за всеми тварями земными, даже за воробьями...

Командир стражи, по своему истолковав слова Младшего Магистра, кивнул. Прозвучал приказ — и ворота Клова открылись, стальная решетка поднялась. Нищий вошел в замок, и его окружили рыцари. Селяне остались снаружи. Они кричали от разочарования, так как им тоже хотелось узнать о видении старика. Окруженный рыцарями, но словно не замечая их присутствия, отвратительный

бродяга был препровожден через внешний двор цитадели, через внутренние ворота, вверх по лестнице, по коридору, в покои Младшего Магистра.

Без сомнения, святой человек вел жизнь, лишенную роскоши, большую часть времени проводя в пещерах, оазисах и пустынях. Поэтому палаты, куда он попал, произвели на него большое впечатление. В самом деле, эти комнаты не в коей мере нельзя было сравнить с кельями рыцарей низших рангов. На бюро лежали открытыми огромные религиозные книги с прекрасными цветными картинками и застешками, украшенными драгоценными камнями. Драгоценности сверкали в свете огня, разведенного в низком камине.

Младший Магистр отпил вина из серебряной чаши, покрытой гравировками, не обращая внимание на второго важного гостя, который попал к замок в этот день.

— Ну, что ж, нищий. Надеюсь, ты сумеешь пересказать мне свое видение.

Святой человек казался совершенно бесстрастным. Он громко откашлялся, а потом сплюнул.

— Я все расскажу только Гранд Магистру.

— Я действую по приказу Гранд Магистра.

— А я действую по велению Бога.

— Это правда? — Младший Магистр строго посмотрел на старика. — Значит, ты утверждаешь, что твоими устами говорит сам Господь?

— Да, он говорит моими устами и направляет мой меч.

Младший Магистр хихикнул, но лицо его побледнело.

— Тебе лучше все объяснить!

— Я имею в виду меч, который поразит Галема неприятными новостями... Мы должны быть одни. И еще я должен получить вознаграждение, только тогда я смогу рассказать вам о своем видении.

Когда же все условия были выполнены, он продолжал:

— Ваш Гранд Магистр умрет сегодня ночью, и никто не сможет воспрепятствовать этому. Но для вас это — большая удача. Ваша звезда поднимется на небосклоне, когда закатится звезда Галема.

— Сильно сказано, — заметил Младший Магистр. Его голос чуть дрожал, но он держал себя в руках. — Видно тебе и в самом деле нужно увидеться с Гранд Магистром... Мне не хотелось бы иметь с тобой ничего общего.

Он резко встал, подошел к гобелену и откинул его в сторону. Неожиданно стена подалась назад, открыв потайной вход на узкую лестницу.

— Эта лестница соединяет мои покои с комнатами Гранд Магистра Галема... Так будет быстрее всего.

— Разве вы не станете обыскивать меня, искать спрятанное оружие? — тихо прошептал нищий. — Ведь под этими лохмотьями я мог спрятать что угодно.

Младший Магистр остановился, попытавшись представить себя на месте божьего человека в грязных одеждах.

— Я видел много религиозных безумцев. Ни один из них не имел при себе оружия.

— Обычно. Но сейчас ведь случай исключительный.

Младший Магистр не стал спорить и направился вверх по лестнице. Нищий, крадучись, последовал за ним. Неожиданно путь им преградила крепкая деревянная дверь. Рыцарь трижды легонько стукнул по ней и позвал:

— Гранд Магистр, это Младший Магистр.

В ответ суровый голос произнес только одно слово:

— Подожди.

Вскоре заскрипел засов, и тяжелая дверь распахнулась. Дальше началось что-то невообразимое. Потом с

большим трудом удалось восстановить последовательность событий.

Младший Магистр был отброшен в сторону. В тот же миг нищий метнулся вперед через дверной проем. Быть может, божий человек пытался убить Гранд Магистра? В самом деле, как же получилось так, что этот нищий неожиданно оказался проворным и сильным, и сбив с ног Младшего Магистра, втащил его в комнату, а потом, с кошачьей грацией развернувшись, захлопнул дверь. После этого нищий вновь обрушился на рыцаря, пытающегося подняться на ноги. Страшный удар ногой в челюсть опрокинул Младшего Магистра. Тот дарился головой о пол и потерял сознание. Выпрямившись, нищий оказался лицом к лицу с Гранд Магистром крепости Клов. Галем неподвижно замер, без сомнения, удивленный происходящим. Возможно, он сильно испугался. Видно было, что под его длинной белой рубахой, расшитой золотыми голубями, нет кольчуги. Меч магистра лежал на столе... Но напряженное лицо и холодный взгляд говорили о том, что Гранд Магистр в ярости и не собирается сдаваться без боя. Тем не менее святой человек не бросился на Галема, а отвесил ему низкий поклон, а потом прибавил с дружелюбной улыбкой:

— Вам не стоит даже пытаться дотянуться до меча. Если бы я был тем, кого вы во мне подозреваете, ваш меч меня бы не остановил. С другой стороны, я уже набросился бы на вас, не так ли?

Галем внимательно смотрел на старика, который неожиданно заговорил приятным молодым голосом.

— Разве вы не тот, кого рыцари Херузала послали убить меня? — удивился непреклонный, как скала, Галем.

— Он так думал, — сказал святой человек, показывая на бесчувственное тело Младшего Магистра. — Он был в этом настолько уверен, что согласился отвести меня к вам. Вот змея, которую вы пригрели на своей груди.

— Быть может, это он, выдавая себя за меня, помиловал вора в Херузале?.. Не думал я, что этот негодяй — из моего окружения. Но если Младший Магистр — негодяй, то кто же тогда ты такой? И где рыцарь-убийца? И тогда нищий все ему рассказал.

КОГДА БЕЛЫЙ РЫЦАРЬ появился из-за угла горячей хижины возле колодца, Сайрион уже имел предположение, что же на самом деле происходит. Тела голубей, говорили о том, что они ручные, и о том, что кто-то хотел не дать отправить сообщение голубиной почтой. Убийство же хранителя голубиной почтовой станции и подожженная хижина говорили о том, что убийца не хотел оставить рот, который мог передать сообщение. Сайрион, появившийся у колодца лишь для того, чтобы напиться, был всего лишь ненужным свидетелем, которого рыцарь должен был убить. Правда, когда рыцарь бросил мраморный обломок, Сайрион бросился бежать, потому что промедление грозило смертью. Но в следующее мгновение вернулся на расстояние досягаемости, потому что он понял, что его противник не собирается убивать его. Он сделал вид, будто камень оглушил его. На самом деле, тот, скользя по волосам, лишь слегка оцарапав висок. Давным-давно кочевники пустыни научили Сайриона этому трюку. Упав на землю, Сайрион расслабился, замедлил дыхание, сделав вид, что потерял сознание, и с интересом стал ожидать, что же произойдет дальше.

Тем временем рыцарь спешил и методично раздел Сайриона, сняв даже перевязь меча и кольца. Рыцарь снял свою кольчугу, плащ, шлем, щит и меч, а потом и все разделся догола и нацепил на себя одежды Сайриона,

с той лишь разницей, что оставил меч в красных кожаных ножнах, которые нужно было носить за спиной, на манер кочевников.

За всем этим Сайрион следил из-под опущенных ресниц. Он ничуть не удивился ни когда рыцарь, защищая его от солнца, прикрыл его белым плащом, ни когда рыцарь положил рядом с головой Сайриона зазубренный обломок мрамора, а потом испачкал его голову чужой кровью.

Человек со светлой кожей, также как и все остальные Рыцари Ангела, внешне очень напоминал Сайриона. Кровь выглядела драматично, но, естественно, Сайрион не чувствовал никакой боли от легкой раны, которую позволил себе нанести. Происходящее, казалось, лишь подтверждало первоначальную догадку Сайриона, что перед ним один из колдунов-убийц, пользующихся дурной славой, собирающийся проникнуть в Клов.

Когда рыцарь уехал в одежде Сайриона, но на своем белом коне, Сайрион «ожил».

Он узнал все, что хотел. Рыцаря-убийцу боялись в Клове и приготовились к его приходу. Рыцарь же, обнаружив человека, внешне похожего на него, решил, со своей убийственной изобретательностью, оставить его в живых, но поменяться с ним местами.

Легко предсказать, что станет делать в раскаленной пустыне голый и слабый человек с разбитой головой. Для начала он оденется, чтобы защититься от солнечных лучей, причем нацепит ту одежду, которая окажется под рукой, например, кольчугу и плащ рыцаря. А после этого он последует за своим обидчиком в Клов и станет искать справедливости. Эта ошибка будет стоить ему жизни, и вместо наемного убийцы его прикончат соответствующим способом, например, облив кипятком, когда он подойдет к воротам цитадели. Великолепное жертвоприношение. Отправившись в путь намного раньше, настоящий убийца

к тому времени уже проникнет в Клов. Приняв имя жертвы и используя в качестве предлога желание пожаловаться на случившееся с ним в оазисе — нападение безумного рыцаря, он проникнет в крепость: ведь он несет весть о враге. Порез на лбу, который он сам себе сделает, станет дополнительной гарантией того, что он не является колдуном-убийцей, так как ему нанесли рану. В итоге, когда настоящий Сайрион, переодетый рыцарем, появится у стен крепости, то попадет прямо в объятия смерти.

Поняв, что происходит, Сайрион мог бы направиться в противоположную сторону от Клова, но он не хотел оставлять все как есть. Хитроумный рыцарь-убийца забыл об одной вещи. Не только его одежды оказались в распоряжении Сайриона. Еще он мог использовать одежды мертвого хозяина голубей. Так что Сайрион раздел мертвеца и отмыл его одежды от крови, благо в колодце было много воды, потом вымазал их в грязи, песке и пепле. Дыра на спине в его одежде осталась там, где ее пробил меч убийцы, и стала еще одним подтверждением нищеты. Потом Сайрион занялся своими кожей и волосами, намазав их птичьим пометом, белым и черным пеплом. Вскоре солнечные лучи высушили грязь, и лицо искателя приключений превратилось в морщинистую маску.

Спрятавшись под личиной святого человека, Сайрион надеялся скорее, чем белый рыцарь, попасть в Клов и встретиться с Гранд Магистром. Сидя на окраине деревни он видел, как появился фальшивый Сайрион, но с равнодушием отнесся к его появлению. Попасть в крепость оказалось легко, нужно было только удачно разыграть из себя пророка. Добраться до Гранд Магистра могло оказаться намного сложнее, если бы Сайриону не встретился предатель — Младший Магистр...

Нищий отложил в сторону серебряный кувшин и тазик Гранд Магистра. Сам же Гранд Магистр сидел все еще

ошеломленный необычной метаморфозой, произошедшей с божьим человеком, который теперь стоял рядом и больше напоминал Ангела, основавшего Орден Голубя.

— Перемена вашего облика невероятна... а ваша история и того больше.

— Вам ничего не остается, как поверить в нее, — посоветовал Сайрион.

— Я вынужден. Вы, чужеземец, оказались единственным человеком, которому я могу доверять.

— Думаю, не все так уж плохо. Ведь ваш Младший Магистр боялся, что о его предательстве станет известно остальным рыцарям. Так что, скорее всего, они преданы вам.

— А убийца пробрался в крепость, одев вашу личину. Теперь мы не сможем обварить его в кипятке. Единственное, что мне остается, так это вновь попросить у вас совета. Скажите, что я должен сделать.

— То, на что надеется ваш предполагаемый убийца. Пошлите кого-нибудь к нему, и пусть он скажет, что рыцарь умер у ворот и теперь вы поговорите с... Сайрионом. Пусть его поблагодарят хорошенько. Устройте ему аудиенцию, о которой он так страстно просил.

— Но он убьет меня. Его же невозможно остановить, он неуязвим.

— Знаю. Его нельзя остановить, ранить, убить... и давайте опустим детали. Я тут набросал один план.

МЕНЕЕ ЧЕМ ЧЕРЕЗ полтора часа фальшивый Сайрион получил приглашение на аудиенцию, и его препроводили в комнаты, которые занимал Гранд Магистр Клова. Дверь за спиной его закрыли, оставив один на один с Гранд Мастером.

Убийца даже не остановился. Бросив взгляд на прямую фигуру человека в плаще и шлеме Магистра, восседавшего

на троне, без всяких слов, с дьявольской жестокостью человека, превращенного в машину-убийцу, лже-Сайрион рванулся вперед, одновременно вытаскивая меч из-под одежд. Ухватившись за рукоять клинка обеими руками, он занес его высоко над головой и нанес лишь один удар, перерезав горло и разрубив позвоночник. С первого же раза он почти отсек голову несчастному. Уронив меч, убийца упал на колени. Глаза его остекленели, язык вывалился изо рта. Он превратился в идиота. Задача была выполнена, цель достигнута, и теперь он стал уязвим, как обычный смертный.

Когда убийца упал на колени, из-за занавеси вынырнул настоящий Гранд Магистр и одним ударом обезглавил его. Потом рыцарь застыл над обезглавленным телом врага, все еще сжимая окровавленный меч. Ни один мускул на лице Галема не дрогнул, даже когда он перевел свой взгляд на окровавленный труп, сидевший в одеждах Магистра на его кресле. Горло Младшего Магистра было рассечено, и лицо его, скрытое под массивным шлемом, стало белым, как слоновая кость. Он так и не приходил в чувство после удара Сайриона. Однако перед смертью его заветное желание исполнилось. На десять минут он стал Гранд Магистром Клова...

Наконец Галем заговорил:

— В конце концов, я выиграл первую битву. Хотя я по-прежнему нахожусь в состоянии войны с Ложей Голубя в Херузале.

Сайрион внимательно посмотрел на рыцаря:

— Спорное утверждение. Думаю, они всего лишь испытывали вас. Они приговорили вас к смерти, обвинив в слабости. Пошлите им эти две головы в дорогом ларце. Да, и прибавьте послание: «Вот как слабый человек встречает своих врагов».

ДОЧЬ НОЧИ – ЛЮБОВНИЦА ДНЯ

ДЕРЕВНЯ РАСПОЛОЖИЛАСЬ ОКОЛО леса. Ее пересекала дорога, она протянулась до города на юге и в прежние времена обеспечивала деревне известность и процветание. С тех пор появилось много других дорог, и все меньше путников пользовались этим глухим путем. Караваны здесь не показывались уже лет семь. Розовый камень, из которого в деревне были сложены дома, превращался в труху, а сердца жителей, напротив, окаменели. На вершине холма среди деревьев стоял храм. Золотая отделка его колонн уже успела потемнеть, а бирюзовая черепица местами раскрошилась и осыпалась. Тем не менее священникам жилось хорошо, потому что прихожане оставались набожными. Ежевечерне на крыше обители зажигался огонь, чтобы напомнить богам о ее существовании.

Иногда какая-нибудь добропорядочная семья, потеряв надежду прокормить всех детей, отдавала младшего сына — девочки в храм не допускались — в послушники. Такая судьба досталась и Жуку.

Когда мальчику исполнилось семь лет, няня оставила его в зыбкой предрассветной полутьме во дворе храма. На его шее висел на шелковом шнурке маленький неограниченный рубин. Без этого «вклада» было бы трудно пристроить ребенка в обитель. Утро выдалось холодное, и несчастный Жук (впрочем, тогда он носил другое имя) стоял и плакал, пока наконец во двор не вышел вразвалку священник. Посмотрев на мальчика без особого интереса, он проворчал:

— Еще одним дармоедом больше. Ладно уж, традиция, так традиция. Дай-ка посмотрю... Ну надо же, какой мелкий камень! Перестань дрожать, сопляк. Ты теперь под защитой храма.

И, взяв Еще-не-Жука за шиворот, священник потащил его в храм.

Прошли годы. Жук (теперь уже Жук) рос, питаясь дарами прихожан — разбавленным молоком и жестким мясом. И мало-помалу постигал глубокомудрые и высокодуховные искусства, как-то: подметать, отскребать, оттирать и собирать. Новое имя, данное мальчику в первые дни послушничества, должно было способствовать развитию самоотверженности посредством магического приобщения к природе. Другие послушники носили похожие имена, за исключением одного приливанного мальчика, которому доверяли следить за свечами в алтаре и разливать елей, а иногда он даже помогал священникам раздеваться и совершать омовения. Этого мальчика звали Драгоценный, он всегда спал в отдельной келье и ел за одним столом со священниками. Драгоценный прибыл в храм с последним караваном.

Крайне редко нуждающиеся в приюте путешественники находили кров в обители. Потому что с них требовали плату не намного меньшую, чем стоимость проживания на деревенском постоялом дворе.

Жук, как, впрочем, и остальные, за исключением Драгоценного, рос тощим и страдал куриной слепотой. Когда ему исполнилось семнадцать, какой-то путник попросил в храме приюта. На следующий день настоятель вызвал Жука к себе.

— Дорогой Жук, — обратился к нему Настоятель со своего ложа (а рядом стол ломился под тяжестью сладостей, персиков и вина, от одного вида которых у Жука потекли бы слюнки, если бы во рту не пересохло), сын мой, до моего сведения довели, что ты снова грешишь.

— Святой отец, — воскликнул Жук, пав ниц, — прости меня за три съеденные свечи, но меня мучил такой голод...

— Увы, — печально изрек Настоятель, поигрывая засахаренным миндалем, — ты должен бороться с голодом во имя добродетели воздержания. Разве ты ничему не научился за все эти годы, проведенные с нами? Увы. Три свечи. — Жук содрогнулся, словно плеть уже обожгла ему спину. — Однако я позвал тебя по другой причине. В самом деле, ты уже трижды признавался в своем грехе, и на этот раз мы можем посмотреть на него сквозь пальцы.

Жук с трудом верил своим ушам. Опыт подсказывал: раз его избавляют от одного наказания, значит, ему грозит что-то гораздо худшее. Что? Дрожа всем телом, Жук терялся в догадках.

— Грех, о котором я говорю, сын мой, это банальная лень, столь огорчающая нас. Богам не служат спустя рукава. А ты задремал, опираясь на метлу, а ночью нежился в постели до рассвета. За тобой всегда наблюдают, сын мой, даже когда поблизости нет людей. Боги все видят. Я бы с удовольствием устроил тебе порку, но вовремя понял, что твоя лень порождена не столько вредным нравом, сколько медлительностью кровообращения. Посему я хочу послать тебя с одним поручением, которое исцелит тебя и вернет к нам, как мы надеемся, более усердным и бодрым.

Жук разинул рот. Настоятель съел несколько засахаренных ягод с таким видом, словно боялся обидеть их своим пренебрежением.

— Я узнал, что один богатый господин с женой недавно поселились в лесу. Они ведут затворнический образ жизни вдали от мира, что, без сомнения, говорит об их скромности. Но мне кажется, следует напомнить им о редких преимуществах, даруемых богами, общение с коими возможно только в храме. К тому же не исключено, что они, прозябая в своей глуши, и вовсе не знают

святой обители, расположенной в нескольких днях пути от их замка. Поэтому я решил направить к ним посланца. И для этой миссии я выбрал тебя, дорогой Жук. Потому что, — настоятель загадочно улыбнулся, — хоть ты и тугодум, все же, полагаю, у тебя чистое сердце.

Жук преклонил колени. Его сердце (может, и не такое уж чистое), беспорядочно стучало. Он не осмеливался спрашивать, и уж тем более протестовать.

— Тебя облачат в красивые одежды, — добавил Настоятель, прикрыв заплывшие от жира глаза; их зрачки поблескивали, словно острия пик. — Ты будешь олицетворять собой авторитет и благочестие храма. Конечно, и не помышляй о том, чтобы скрыться, и не допусти, чтобы бесы сбили тебя с праведного пути и помешали выполнить поручение. Иначе на тебя падет мое проклятие. Помнишь судьбу Муравья, который соблазнился и убежал, похитив маленький серебряный подарок, предназначавшийся не ему?

— Да, святой отец. Больше его здесь не видели.

— И знаешь, почему, сын мой?

— Ты говорил, что его настигло твое проклятие.

— Совершенно верно. Итак, ты понимаешь, что должен добросовестно выполнять свой долг и не отклоняться от праведного пути. Потому что мое проклятие ужасно и его совершенно невозможно избежать. Кости Муравья тлеют в лесу. Но ты благополучно выполнишь поручение и вернешься под наше покровительство.

— Да, святой отец.

— Очень хорошо. Теперь ты свободен. К тебе придут, чтобы дать более подробные наставления. Отправишься завтра на рассвете.

Жук вышел, кланяясь. Снаружи, в сумрачной колоннаде, остановился и выпрямился, и печально поздравил себя.

Вероятно, о новом богатом соседе, поселившемся в лесу, Настоятелю рассказал вчерашний путник, казавшийся очень возбужденным, когда входил в храм. Однако весьма интересные вещи уже достигли ушей жителей деревни благодаря торговцам древесным углем, нищим скитальцам и прочему сброду. Поговаривали, будто некий князь с княгиней поселились в усадьбе посреди леса. Другие рассказывали, будто это супружеская чета волшебников. Как бы то ни было, под сенью деревьев происходило странное. Перемещались огни, звонили колокола, облачные ковры летали по-над самыми кронами.

Жука все считали дурачком, да и он сам целенаправленно поддерживал эту репутацию. И юноша легко догадался, почему именно его выбрали посланником. Пропадет лишний рот — не жалко. Если волшебники убьют или съедят его, обитель легко переживет утрату. С другой стороны, если слухи большей частью правдивы, то, возможно, паства прирастает огромной семьей. На худой конец, она после визита Жука пошлет храму роскошное пожертвование в надежде на божественную помощь. В этом случае Жук рискует подвергнуться соблазну. Что касается Муравья, то он, вероятно, живет в свое удовольствие на дальнем краю леса, благо сбежал не с пустыми руками. Жук не боялся проклятий Настоятеля, просто он уже давно решил, что ему суждено быть несчастным, и поговорка «везде хорошо, где нас нет», к нему не относится. Вечно голодный, упавший духом юноша не находил в себе сил, чтобы убраться от одного страдания к другому.

Поэтому Жук покорно ждал. Вскоре пришел священник, изложил послушнику его задачу и объяснил, как добраться до жилища богатого господина или волшебника, — скорее всего, это было лишь предполагаемое направление.

В ту ночь юноша так и не уснул, все ворочался на колючем соломенном тюфяке. За час до рассвета его опять навелили, принесли холодную воду, надушили благовониями, одели в походное платье, дали старого мула, вручили обрядовый жезл и свиток, написанный самим Настоятелем. Наконец, ему дали тощую суму со съестным припасами и выпустили за ворота.

Только Драгоценный проснулся в такую рань, чтобы проследить из верхнего окна за отъездом Жука — по причинам, ведомым одному Драгоценному. Силуэт изнеженного юнца, закутанного от шеи до пят в добротную ткань, четко виднелся в окне. Но Жук, обуреваемый тягостными мыслями, его не заметил.

Верхом на муле юноша въехал в утро, не оборачиваясь, но и не глядя вперед...

Уже несколько дней Жук пробирался по лесу. Вначале перемены радовали глаз, но в то же время его пугали громада леса и совершенно незнакомые голоса и запахи. Он ни на миг не забывал, что в чащобе совершенно законно живут хищные звери. До сих пор он никогда не покидал стен храма. И необходимость спать под деревьями переполняла его ужасом. Даже днем сонное ворчание барсука напоминало о демонах, о которых Жук ничего не знал, но воображение рисовало их в самых мрачных красках.

Хуже того, запас провизии вскоре подошел к концу, мул все чаще засыпал на ходу и падал. И ни единой живой души, будь то крестьянин, богатый дворянин или волшебник, не попадалось навстречу.

Что же касается дороги, то на пятый день пути она растаяла в чаще без следа. И вскоре Жук заблудился.

К тому времени, когда он это понял, наступила ночь. Вспомнилась недвусмысленная угроза Настоятеля. Что,

если это были не пустые слова? Раздались жуткие завывания диких зверей. Сейчас из чащи непременно выскочит лев и сожрет Жука вместе с мулом, или какое-нибудь дьявольское создание разорвет их на части. От бессилия Жука охватила злость. Он завел мула под защиту зарослей и быстро развел огонь. На ужин юноша погрыз ногти, потом сидел и размышлял. Наконец ему показалось, что он заснул.

Но вскоре страшные звуки заставили его очнуться.

Кто-то подкрадывался к нему среди папоротников. Но раздававшиеся при этом звуки были слишком слабы, чтобы предвещать ужасную смерть, хотя... это могла быть и ядовитая змея. Жук вскочил на ноги и увидел подбигающего к огню большого зайца с черной бархатной шкуркой. Вокруг его шеи поблескивал золотой ошейник, а на длинных ушах висело по серебряному крестику.

Пока Жук следил за зайцем, тот коснулся ушами земли в вежливом поклоне. А затем повернулся и потихоньку двинулся обратно.

Юноша разрывался между страхом и любопытством, вдобавок ему казалось, что он еще спит. Но все же его подмывало последовать за зайцем.

Зверек при этом не выказывал никакого страха. Он легко скакал впереди и вскоре двинулся вверх по склону в рощу грецких орехов. Сквозь нее просвечивал лунный свет, отчего все зреющие плоды казались жемчужинами.

Где-то среди деревьев заяц пропал. Но в тот же миг Жук увидел слабый свет. Он пошел вперед. Вскоре роща поредела, и юноша оказался перед скромным старым зданием; из окон лилось мягкое сияние. Перед домом был разбит сад, благоухающий ночным ароматом жасмина. Среди виноградных лоз оказался маленький фонтан, вода устремлялась вверх серебряными нитями. Вблизи, на грубом столе, Жук увидел церковный кувшин, хлеб,

яблоки и сыр на деревянной тарелке. Эта картина пробудила в нем ужасный голод. Но тут Жук заметил хозяев дома, отдыхавших там же, у стены. С тех пор, как мальчику исполнилось девять лет, никто не проявлял к нему отеческих чувств, и он давно отучился доверять людям. Поэтому Жук предусмотрительно затаился за купой деревьев. Как раз в этот момент Луна, не столь осторожная, как юноша, выплыла на открытое место, и ее перламутровый свет смешался с лимонным, исходящим от старого дома.

И тогда Жуку удалось как следует разглядеть его обитателей, и это зрелище породило в нем зависть. Перед ним оказалась молодая и исключительно красивая пара, ее не портили даже бедняцкие домотканые одежды, украшенные лишь виноградными листьями.

Черные длинные волосы красавицы напоминали смолу или водную гладь в ночи. Ее глаза даже в сумраке ярко синели, как незабудки. Поглядев в них, Жук зажмурился. Рядом с девушкой полулежал молодой человек, его глаза и волосы казались светлее сияния лампы. Он держал удивительной формы лиру, выглядевшую совсем не пригодной для игры; тем не менее он извлекал из струн ласковую мелодию. Затылок девушки лежал на его руке, и все, что шептал ей молодой человек, Жук прекрасно слышал:

*Здесь, под деревом в глуши,
Рядом хлеб, вино и ты,
Но любой клочок земли
Станет раем с нашей песней
Так и будет. Не грусти.*

Пропев куплет, светловолосый юноша посмотрел в сторону Жука и, казалось, подмигнул. Это неприятно

удивило пришельца, ведь он был уверен, что спрятался надежно. Никто не смог бы его найти. Конечно же, он просто ошибся, никто ему не подмигивал, потому что юноша сказал подруге:

— Пошли в дом, оставим ночь снаружи творить все, что ей вздумается.

И при этом красавица, казалось, тоже посмотрела в сторону Жука и обнаружила его в гуще деревьев. Но ведь она не могла его увидеть! Оба поднялись, вошли в дом и плотно затворили дверь. Через минуту лампа погасла.

Жук долго ждал — целое столетие, если учитывать зверский голод, — наконец пробрался на цыпочках в сад и взял немного пищи и глиняный кувшин, вероятно, с вином. В храме юноша питался главным образом тем, что воровал у священников; вот и сейчас кража не вызвала никаких угрызений совести. Пусть эта парочка бедна, у них есть красота и любовь — разве это не сокровища? Сделав несколько глотков, Жук бросил кувшин среди корней деревьев и убежал.

Вероятно, Жуку чисто случайно повезло после стольких лет фатального невезения. Он без труда нашел угасающий костер и старого мула. Уже на месте Жук съел почти все яблоки и сыр на случай, если прекрасная чета пустится в погоню. Но его никто не преследовал. Утром хозяева дома решат, что дикие звери — да хоть тот черный заяц — стащили еду и уронили кувшин.

Ему приснилось, будто над лесом взошло солнце, а пение птиц звучало, словно лира. Перед ним стоял не дряхлый мул, а серебряный конь в шафрановой парче и золоте, с бубенцами и кисточками на сбруе и тяжелыми седельными сумками на крепких боках. Понятное дело, что все это великолепие потрясло Жука. Поднявшись на ноги в хорошем расположении духа, он обнаружил на себе одежду из тяжелого расшитого шелка и такие

удобные сапоги, что даже не ощущались на ногах. На пальцах сверкали кольца — они бы ослепили, не происходи это во сне.

— Ну, — пробормотал Жук, — это прекрасный сон, но я лучше встану и продолжу безнадежные поиски дома.

И тут оказалось, что Жук уже проснулся. Когда эта мысль проникла в сознание, юноша свалился на землю и закрыл голову руками. Либо обманчивые видения исчезнут, либо дьявольское создание, создавшее их, появится и разорвет его на куски. Вместо этого благородный конь приблизился к Жуку и легонько потеревил губами за рукав.

— Ты и есть мой мул? — спросил Жук коня.

Конь не ответил, стал щипать траву. Жук снова поднялся. При этом волна здоровья и живительной силы прокатилась по телу, и он чуть было не потерял сознание — до сих пор такие ощущения были ему совершенно неведомы.

— Я скажу только одно, — придя немного в себя, обратился Жук к лесу, — если эти дары останутся при мне, то я, пожалуй, сойду за самого богатого человека в деревне.

Внезапно Жука осенила оригинальная мысль — изучить содержимое седельных сумок. Ого! Помимо небольшого запаса аппетитной снеди в них оказалось множество огромных, без единого изъяна, рубинов.

— Сдается мне, — задумчиво произнес Жук, — со всем этим добром запросто можно вернуться в храм и соврать, что мне удалось побывать в лесной усадьбе. Дескать, эти рубины — дар богатых господ.

Воодушевившись этим решением, Жук оседлал коня.

— Если моя судьба изменилась, я сразу же безошибочно найду дорогу.

Жук гнал коня не разбирая пути и вскоре выехал на дорогу — уже широкую, ровную, мощеную. И поскакал к деревне.

— Здесь, под деревом в глуши, — распевал счастливый Жук, — с вином и хлебом, с инжиром и сыром, всегда и везде я сделаю всё, что захочется мне!

Жук ехал целый день, время от времени с удовольствием подкрепляясь, подшучивая над лесом и распевая. Когда стемнело, Жук улегся на землю — наслаждался голосами зверей и птиц.

— И правда, моя судьба изменилась, — заключил юноша.

И действительно, в голове у сытого, здорового Жука больше не удерживалось ни одной печальной мысли. Если какая и пыталась осесть, ее тотчас смывала волна энергии.

Утром юноша поехал дальше. И, поскольку конь скакал весьма резво, обратная дорога отняла гораздо меньше времени, чем путешествие в лес. Как только вдали показалась розовая кладка деревенских домов, Жук принял иное, на сей раз окончательное, решение:

— Ничего не отдам храму, потому что эти ценности, и плащ, и конь предназначались для меня. Было бы неблагодарностью их отдавать. Кто бы ни одарил меня с помощью удивительного волшебства, эти создания могут рассердиться, надо сказать, вполне справедливо. Могут даже наказать меня самым невероятным образом. Нет, оставляю-ка я себе все эти замечательные подарки, а священникам скажу, что такова была воля тех, к кому меня посылали. И правда, — добавил Жук, пораскинув мозгами, — почему бы не соврать, что эта лесная парочка и есть богатый господин с супругой?

И Жук торжественно въехал в деревню. И разумеется, все, кто оказался в тот миг на улицах, ошеломленно уставились на него.

— Кто этот молодой принц? — восклицали жители деревни.

Еще недавно богатые семьи, для которых наступили тяжелые времена, выгнали на улицы старших дочерей.

Но высокий и мускулистый, пышущий здоровьем молодой человек с загорелым лицом и красивыми волосами проскакал через деревню, не останавливаясь. Он держал путь к храму.

— Он набожен, — решили деревенские. Но впоследствии они, изменяя свое мнение.

А храм, где юношу уже заметили, распахнул ворота настежь.

Когда Жук въехал во внешний двор (где десять лет назад его оставили хнычущим мальчишкой), сам Настоятель торопливо спустился к нему.

— Мой высокородный сын, — воскликнул Настоятель, — добро пожаловать!

Жук остановил коня и осмотрелся; кто прекрасные глаза блестели от удовольствия. В весь вид юноши очень вдохновил Настоятеля. Наконец молодой человек громко заговорил:

— Неужели ты не узнаешь меня, святой отец?

— Н-не уз-знаю тебя, мой несравненный юноша?

— Это же я, Жук! И я вернулся домой под твое любезное покровительство.

С Жуком произошло изумительное преобразование, которое под силу только очень мощному волшебству. Но все же это был тот самый Жук. И после долгого молчаливого разглядывания не осталось ни одного священника, который бы не узнал его. По крайней мере, чудесная метаморфоза не обманула Настоятеля, в чьих заплывших жиром глазницах таились зрачки, видом напоминавшие острия пик.

— Сын мой, — сказал он наконец, — как я понял, ты достиг всего того, за чем я тебя посылал в моей сострадательной мудрости. Наверняка раньше ты сомневался,

что я сделал это от чистого сердца и для твоего же счастья, но теперь, уверен, ты оценишь мое благодеяние.

Жук усмехнулся.

Настоятель подобрал полы своей одежды.

— Следуй за мной, возлюбленный сын мой, потому что я хочу поговорить с тобой с глазу на глаз.

— Разумеется, — ответил Жук. — Однако я должен предупредить всех присутствующих, чтобы не трогали ни моего коня, ни сбруи, ни седельных сумок. Так как люди, наградившие меня за визит, волшебники и знатоки проклятий. И я даже подозреваю, что их проклятия посерьезнее, чем ваши, святой отец. Они защитили свои дары темными силами, и я, увы, даже не в силах объяснить, какова их природа. Только еще раз повторю: остерегайтесь!

С этими словами Жук сошел с коня и важно последовал в покои Настоятеля. И Настоятель велел:

— Рассказывай, сын мой.

И услышал от гонца такую вот историю. После трудного путешествия среди полчищ лесных львов и змей, умирая от голода, Жук добрался до очаровательного замка, где, без сомнения, жили волшебники. Поскольку великолепие замка не поддается описанию, он не видит смысла в попытках рассказать о нем. Пока юноша восхищался у ворот, вышел посланец, чей жуткий облик тоже совершенно неопишуем, и провел Жука в прекрасный сад, где сидели молодой князь и княгиня несравненной красоты.

— И все же я настаиваю! Расскажи, как они выглядят! — раздраженно попросил Настоятель.

Жук глубоко вздохнул и развел руками, как опытный артист.

— Святой отец! Хотя словами не передать их красоту, я поделюсь своими впечатлениями. Князь был весь в золоте, словно солнце, даже глаза горели золотом — он

похож на ясный день. А жена его казалась дочерью самой ночи. Ее кожа была бледной, как луна, глаза походили на две голубые звезды, а волосы — на саму темноту. Да, княгиня действительно была ребенком ночи, но день любил ее, как солнце может любить луну. А князь оказался именно днем. Он сидел рядом с красавицей и смотрел на нее так, что стало очевидно: он души в ней не чает. Но ни одна женщина не могла бы смотреть на этого князя равнодушно. Впрочем, княгиня и не была равнодушной.

Изложив события таким образом, Жук рассказал о том, как любезно его приняла молодая чета: напоила и накормила столь роскошными винами и яствами, что и описать невозможно. Когда визит подходил к концу, они одарили Жука одеждой и конем, которых вы, святой отец, видели собственными глазами. Получил он и другие сокровища, но спрятал их и поклялся никому не показывать. И если их тронуть без его разрешения, заклятие волшебников поразит дерзкого на месте.

Несколько минут Настоятель размышлял, а Жук тем временем подкреплялся его свежими апельсинами и сахаренными фруктами.

Наконец Настоятель проговорил с легким укором:

— Сын мой, встретив такую благосклонность этих... благочестивых и добрых людей, передал ли ты им священный свиток и превознес ли достоинства храма, который многие годы служил тебе домом и семьей?

Пока Настоятель молчал в ожидании ответа, в душе Жука всколыхнулась злость. Подмывало ответить грубо, но он взял себя в руки.

— А как же, святой отец? Неужели я мог забыть о поручении того, кто всегда был так милостив ко мне? Я добросовестно исполнил твою волю. Но эти господа, судя по всему, никогда не покидают своего дома. Кроме того, они приглашают тебя навестить их, если пожелаешь.

Когда Настоятель это услышал, заплывшие жиром глаза почти вылезли из орбит, и Жуку, чтобы скрыть усмешку, даже пришлось сделать вид, будто он подавился. Юноша представил себе, как Настоятель плутает в кишасщем хищниками и демонами лесу, и сказал себе: «По тому, в каком виде я вернулся, ясно, что я добился успеха. Но ведь любой может заблудиться в чаще. Почему бы не указать то самое направление, которое дал мне Настоятель? Пускай сам попытает счастья. Что же касается волшебников, раз они сжалились надо мной, то, возможно, пожалеют и его. Хотя я в этом очень сомневаюсь». И он еще раз поперхнулся, и Настоятель осторожно постучал его по спине.

На следующее утро, через час после рассвета, Настоятель выехал в сопровождении двух преданных ему младших священников и Драгоценного.

Никто из обитателей храма не посмел выразить сомнения в важности миссии Настоятеля. Видя Жука в его новообретенном великолепии, они, вероятно, вспомнили поговорку: «Разве оса приносит мед?» Если никчемного дурачка отослали с такими подарками, то можно себе представить, как щедро волшебники вознаградят достопочтенного священника.

Жук по дороге из храма ехал несколько дней с тощей сумой, а троих священников сопровождал мул с набитыми до отказа выюками. Вел этого мула Драгоценный.

Весь первый день процессия двигалась по мощеной дороге. Седокам очень досаждали мухи, привлеченные, вероятно, объемистыми мешками с продуктами или благовониями, которыми пользовался Настоятель. Если не считать этого неудобства, день прошел без приключений.

Потом солнце склонилось к западу и окунулось в густой бронзовый туман, казавшийся еще более густым под пологом леса.

— Расположимся лагерем на этой придорожной полянке, — решил Настоятель. — Поставьте шатер.

Однако, как только они съехали на поляну и взялись развьючивать мула, из леса донеслись дивные переливы музыки.

Естественно, трое священников тут же навестили уши, а Драгоценный (у которого, надо сказать, все время были тайные сомнения насчет этого рискованного предприятия), спрятался за деревом.

В следующую минуту забеспокоились все пять мулов.

Сначала они зафыркали, потом стали брыкаться и в результате скинули седла и мешки. Полетел на землю и седок, не успевший спешиться самостоятельно

Освободившись от ноши, мулы ринулись через поляну, а на ее краю вздыбились, образовали кружок и пустились в пляс, часто хлопая друг друга передними копытами.

Священники уставились на эту глупую и удручающую картину.

Наконец Настоятель, по долгу службы привыкший работать головой в любых обстоятельствах, заметил:

— Близость к волшебству, как хорошо известно, может свести с ума низших животных.

Как только он выразил эту мысль, мулы прекратили танец и разбрелись кто куда щипать траву. Свет быстро убежал сквозь решето веток и листьев. На земле вспыхнуло несколько огней, а между ними появилась черная тень.

Священники осенили себя знамениями, но в следующий момент увидели перед собой всего лишь большого черного зайца. Заяц, видимо, был ручным, потому что на нем блестел ошейник из золота и серебра, а в ушах сверкали серьги.

Зверек поднялся на задние лапы и трижды поклонился священникам, его красивые уши коснулись земли.

Затем, повернувшись, он проскакал по поляне, остановился на опушке и посмотрел на них.

— Все это просто замечательно, — сказал Настоятель. — Кажется, гостеприимные хозяева послали нам навстречу гонца. Неудивительно, что глупый Жук не понял или неправильно истолковал их намерение. Заяц — посол, и мы должны следовать за ним.

Сказано — сделано. Даже Драгоценный пошел за ушастым послом, не желая остаться в лесу один-одинешенек.

Несколько минут они пробирались по темной просеке, и вдруг появился свет. Перед ними оказалась другая поляна, очень ярко освещенная лампами из цветного стекла, висящими на золотых цепях под деревьями и столбами из резной слоновой кости. Все было так красиво, а лампы светили столько ярко, что птицы, уже отошедшие ко сну, пробудились, решив, что настало утро, и защебетали на сотни голосов. Но с поляны доносилась и другая мелодия, правда, не было видно ее источника.

В центре поляны рос одинокий орех с серебряными листьями. А зеленая кожура его плодов казалась изумрудной. Около дерева под золотыми балдахинами стояли темно-красные шелковые диваны с темно-красными атласными подушками.

На одном из них внезапно появились молодые мужчина и женщина. Наверняка это были описанные Жуком волшебники, князь с княгиней.

Впрочем, Настоятель и сам бы догадался, что красивый молодой человек — князь, очень уж роскошны были его золотые одежды. А рядом сидела скромная красавица лет семнадцати, облаченная в серебро, в ее ниспадающих волнами черных, как ночь, кудрях блестя сапфиры, такие же яркие, как и ее глаза.

— Добро пожаловать, гости дорогие! — воскликнул молодой князь. — Конечно же, после встречи с вашим посланником мы ждали вас с нетерпением.

Молодая женщина скромно, но с чувством собственного достоинства заняла свое место, и перед тем, как опустить восхитительные ресницы, успела улыбнуться священникам.

Вскоре представителей храма рассадили на диваны. Но, как только к ним приблизился Драгоценный, князь нахмурился.

— Ваш слуга не может сидеть рядом с вами, преподобный отец, его место там, в тени.

Настоятель не возражал. Он пренебрежительно махнул Драгоценному рукой, и презренное создание село в тени, далеко от тепла и удобств.

Черный заяц исчез, зато из таинственного леса появилась группа гордо вышагивающих полосатых мартышек. Они подошли к священникам, омыли их руки и ноги душистой водой, а тем временем другие обезьянки принесли золотые кувшины, от которых исходил хмельной аромат вина. В кувшинах плавали лепестки роз. Но еще более торжественно выступала третья группа мартышек, они несли украшенные драгоценными камнями блюда такой красоты, что у всех трех священников заблестели глаза.

Начался пир горой. Молодые хозяева собственноручно украсили головы гостей миртовыми венками, регулярно наполняли их золотые кубки и подкладывали еду в тарелки. Во всех их движениях угадывалось искреннее желание услужить, в то время как сами они ничего не ели и не пили. А к Драгоценному они отправили мартышек с глиняным кувшином, в котором оказалась вода, и с деревянной тарелкой с травами.

Пока гости насыщались, волшебники внимательно наблюдали за ними. Князь расспрашивал Настоятеля о

богах, почитаемых храмом, а скромная княгиня почти все время молчала.

За едой и питьем, под красноречивый монолог Настоятеля незаметно прошла большая часть ночи. Достопочтенный священник, обретя идеальных слушателей, несколько часов говорил без запинки и лишь изредка бывал вынужден промочить горло. И такое глубокое понимание сути вещей пришло к нему в ту ночь, такие блестящие мысли, что его полностью поглотили скромная гордость и счастье, которых он не испытывал с самого раннего детства. А хозяева так же умело поддерживали беседу, как деревья вокруг поддерживали лампы.

В конце концов словарный запас Настоятеля был исчерпан. На соседних диванах два других священника, видимо, пришли в такой экстаз от его лекции, что закрыли глаза, чтобы лучше слышать. Когда Настоятель умолк, они оба вздрогнули, будто очнулись от удивительных мечтаний или грез, если, конечно, не от глубокого сна.

Опять появились мартышки. Они подали засахаренные фрукты и вино, еще более восхитительное, чем предыдущие напитки. И даже Драгоценный получил второй кувшин с водой.

— Преподобный отец, — обратился князь к Настоятелю, — мы не знаем, какими словами выразить нашу благодарность за то, что получили от вас сегодня. И, поскольку слова тут бессильны, мы надеемся, что вы не откажетесь от нескольких подарков. Потому что ваши ум, сердце и дух требуют особого вознаграждения. Нам самим предстоит далекое путешествие, поэтому значительную часть нашего состояния, увы, приходится поберечь. Но мы надеемся, что вы, при вашем жизнелюбии, получите удовольствие от даров. Утром они будут ожидать вас. Кроме того, мы просим, возьмите что-нибудь приглянувшееся

вам, например, блюда и кубки. И ваш слуга, — добавил князь, — может оставить себе кувшин и тарелку.

— Сын мой! — воскликнул Настоятель, и слезы набухли на его выпученных глазах. — Я ошеломлен! Единственное, что меня огорчает, так это невозможность еще раз увидеться с вами.

— Когда-нибудь мы навестим вас в вашем храме.

— Сын мой, этим вы невыразимо осчастливите меня!

— Добрый святой отец, не льстите мне. Я не могу в это поверить.

— Нет, это правда! Правда!

Так, не скупясь на комплименты, светлый как день князь оставил священников, а его красавица жена, которую Жук назвал дочерью ночи, последовала за ним без слов.

После их ухода в кувшинах осталось вино, а пища была горяча и ароматна, и священники не устояли перед соблазном подкрепиться.

Через некоторое время они слышали тихий перезвон и, подняв головы, увидели трех прекрасных дев, приближающихся к ним из леса. На девах были только колокольчики. Священники оторопело перегагнулись.

Под звуки неизвестно откуда льющейся музыки опоясанные колокольчиками девы принялись извиваться в необычном танце. Священники, забыв о еде, глядели на них во все глаза. Когда танец закончился, плясуньи разделились, подошли к диванам, сели и заключили священников в объятия.

Тогда, как и сейчас, уставы монастырей запрещали близость с женщинами, но этот закон никогда не признавался особо разумным. Танцовщицы улыбались, гладили и теребили священников, и те расслабились. Красотки явно собирались ублажить гостей. И тогда Настоятель заявил:

— Мы поступили бы неблагодарно и совершили бы непростительную ошибку, если бы отказались от последней услуги наших гостеприимных хозяев. Кроме того, они волшебники, и оскорблять их просто опасно.

В следующую минуту ему уже было не до слов. Вскоре раздались такие громкие вздохи, стоны и кряхтенье, что с ореховых деревьев посыпались изумруды.

На восходе солнца священники очнулись ото сна полные сил и нашли под рукой все необходимое, чтобы разговестись после очень короткого поста. И все до одного продемонстрировали отменный аппетит.

Хотя роскошные диваны и подушки остались на месте, ни хозяев, ни их помощников не было видно. Ореховые деревья и лампы пропали, поляну заливал только солнечный свет. Однако он лишь подчеркивал красоту новых одежд на священниках, напоминавших теперь те ночные светильники. На шеях и пальцах горели дивные камни, а расшитые кошельки на золотых поясах были до отказа набиты изумрудами.

Между тем на поляну выбежали три серебрино-серые лошади, разнаряженные, словно для королевского выезда. Одна из них, предназначенная для Настоятеля — в пурпурной сбруе, с огромным количеством кистей, бубенцов, с слитков драгоценных металлов, ниток жемчуга, и вообще казалось удивительным, что она способна стоять на ногах под тяжестью всего этого великолепия. Следом пришла четвертая лошадь, нагруженная сундуками с ониксами и золотом. Среди них священники нашли тщательно упакованные драгоценные блюда и кубки, с которыми они пировали ночью, а кроме того одежду, украшения и разные музыкальные инструменты, наполнившие лес великолепным звоном, чтобы еще раз порадовать слух дорогих гостей.

Наконец на поляну медленно вышел мул Драгоценного. Он осмотрелся с оскорбленным видом. Драгоценный, одетый как обычно, лежал, свернувшись в калач под деревом, — спал. Разбуженный упреками Настоятеля, он поднялся, огляделся, открыл от изумления рот, зевнул и отвернулся.

— Возьми глиняный кувшин и деревянную тарелку — подарки почтенных князей. Не отвергай их с презрением...

Драгоценный недовольно засунул подарки во выюк на боку мула.

— Сдается мне, эти волшебники заметили твое излучение, невидимое для моих глаз. Потому-то они и не пригласили тебя на пир, и не одарили ничем.

Драгоценный скорчил гримасу.

— Не дуйся, — сказал Настоятель. — То, чем мы были вынуждены заниматься этой ночью, могло бы только осквернить тебя. Поэтому поезжай спокойно. Никому ни о чем не рассказывай. Садись на мула.

И Драгоценный взобрался на мула. Священники же уселись на прекрасных коней, и один подобострастно взял под уздцы лошадь, нагруженную сокровищами. И кавалькада направилась в деревню. По пути всадники предвкушали, как на них будут пялиться зеваки. Солнце садилось, как и всегда по вечерам. Внезапно Жук услышал шум в соседней обители. В отсутствие Настоятеля он жил в палатах для высоких гостей, где его никто не беспокоил из страха навлечь на себя гнев волшебников. Жук коротал время, посещая трапезную священников и свою новую лошадь. К тому же он часами пересчитывал рубины и строил планы на будущее. Юноша не ждал возвращения Настоятеля, тем паче такого скорого. И потому сердце Жука ушло в пятки, когда он услышал в деревне шум.

— Неужели это возможно? — подумал Жук. — Не могли же волшебники одарить и этих негодяев! Где тогда справедливость?

Юноша поднялся на высокую крышу, где по вечерам зажигался маяк для богов. После визита к волшебникам Жук уже не жаловался на зрение, его взгляд стал поистине орлиным. Поэтому он увидел внизу все как на ладони.

Когда священники поворачивали к деревне, один из них — тот, кто вел лошадь с сокровищами, — почувствовал укол в бедро и решил, что его укусила блоха мула. Но сразу вспомнил, что этого не может быть, ведь он ехал не на муле, а на прекрасной лошади. Заходящее солнце било священнику прямо в глаза. Он посмотрел на ближайшего соседа и увидел нечто странное. Или ему показалось, что брат не разодет, как иностранец при королевском дворе, а напротив, сидит на лошади совершенно голый, прикрытый лишь свежесорванными выюнами и грязью? Но священник никак не выразил своего изумления, лишь протер глаза и поспешил взглянуть на Настоятеля.

— Фу ты! Это все солнце. Ведь это сам святой отец, и тоже голый, если не считать нескольких пятен вороньего помета на спине и пояса — уж недохлый ли это червь? — на котором висит тыква, а в ней... Нет, нет, меня слепит солнце, вот и мерещится!

Священник отогнал эти мысли, решив рассмотреть все хорошенько в обители. Но вдруг увидел, как его собственный толстый живот, абсолютно голый, вздымается к насмешливому зареву заката. И в этот момент его снова укусила блоха, потому что он ехал на своем старом муле, чью уздечку украшали раковины улиток и шарики совиного помета, а на седле под обожженными ягодицами седока лежала крапива.

И розовокаменная деревня навсегда запомнила, как Настоятель и двое его сподвижников из святого братства ехали однажды вечером по улице верхом на мулах в чем мать родила, не считая пучков травы и пятен грязи. А вьючной мул вез за ними тыквы, полные кроличьего помета, сухой коры и испражнений лис и диких кошек. Поэтому деревенские жители и подняли такой шум. Неудивительно, что Жук, увидев все это, поспешил вниз.

Он встретил процессию на дороге перед воротами храма. Голые попы смущенно ежились в лучах беспощадного солнца.

— О, благочестивый отец! — воскликнул Жук. — Что с вами случилось?

С разных сторон летели крики изумления и угрозы, а Настоятель тем ремнем попытался проехать в ворота, но его собственный мул и Жук помешали. Тут наступила мертвая тишина, вызванная появлением Драгоценного, с которым, как и с его мулом, не произошло никаких перемен.

— Хотите, я все расскажу? — пронзительно закричал Драгоценный.

Деревенские жители, стараясь не смотреть на наготу Настоятеля, попросили Драгоценного рассказать обо всем.

— Я их выведу на чистую воду! — кричал Драгоценный. — Долго я был их слугой и наперсником, но они — порочные создания, и волшебники обнажили их грехи, а благодетельного Жука вознаградили.

И Драгоценный рассказал вот что. В лесу снедаемые скупостью попы встретили двух волшебников. Видимо, из-за их греховности пришельцев удалось без труда заколдовать. Но Драгоценного волшебники пощадили, позволили ему видеть сквозь чары.

— И тогда, — рассказывал Драгоценный, — эта троица разлеглась на грязной земле при свете миллионов светлячков, и позволила украсить себя гирляндами жгучих сорняков и сухих папоротников. Когда же прохвостам предложили болотную воду, они пили ее и умывались ею, потом с удовольствием поглощали тухлые яйца, старые птичьи гнезда и другие гадости. Мне же волшебники дали хорошую воду и съедобные растения. Затем они предложили Настоятелю порассуждать о природе богов, и он болтал пять или шесть часов кряду, изрекая богохульства, подобных которым я не слышал, даже проходя мимо таверны. Он утверждал, что голоса богов напоминают говор гусей и собак, при этом они несут чепуху и создают мир из навоза, а ко всему прочему Настоятель высказал нелепое предположение, будто земля круглая и вертится в пустоте. Во время этой речи один из его приспешников громко храпел, показывая тем самым, что полностью поддерживает богохульника. Когда наконец ужасная проповедь закончилась, двое волшебников удалились. Тут из леса появились три обезьяны и пустились в пляс, а вскоре эти гнусные прелюбодии, попы, схватили обезьян, повалили в грязь и там вытворяли такое, что я даже не мог на это смотреть. На восходе солнца все трое проснулись в том, что вы на них видите, и пришли в неопиcуемый восторг. Потом уселись на мулов и всю дорогу хвастались своим успехом. Я, единственный незапятнанный колдовством, тоже вернулся и свидетельствую против них. Виной всему, что с ними произошло, вероятно, недостойная священнослужителей страсть к еде, крепким напиткам и запретное влечение к женщинам и золоту.

Рассказав обо всем, Драгоценный закрыл лицо руками, что позволило слушателям перевести дух. Но затем

кое-кто закричал, что святые отцы угодили в тенета черной магии, что праведные служители культа ни в чем не виновны, особенно в происшествии с обезьянами. Драгоценного же просто-напросто обманули.

— Вы думаете, они безгрешны? — воскликнул Драгоценный.

Он схватился обеими руками за свой балахон и разорвал его от шеи до колен. И тут оказалось, что Драгоценный вовсе не послушник, а пухленькая смазливая молодлица, вся зардевшаяся от стыда и гнева.

— Они купили меня еще ребенком и с тех пор выдавали за мальчика. Я была тайной наложницей святого отца и его приспешников. Чтобы скрыть правду, они одевали меня, как мальчика, заставляли туго перевязывать грудь и угрожали, если я открою правду, наслать на меня такие проклятия, что я умру в муках. Я могла бы убежать, но куда? Кроме того, у меня были причины остаться, и одна из них — надежда, что боги когда-нибудь освободят от повязки мои груди и позволят оголить их, как сейчас.

С этими словами Драгоценный набросила на свои плечи балахон и убежала. Настоятель и его спутники сидели на мулах ни живы ни мертвы, и тут послышался жуткий смех. Повернувшись на звуки, деревенские жители увидели трех хорошо одетых обезьян, торопливо приближающихся по дороге. Толпа расступилась, и животные прыгнули в руки сопротивляющихся священников, и покрыли их мерзкими поцелуями, сопровождая изъяснение своих чувств непристойными жестами и грубыми объятиями. Короче говоря, они вели себя, как заправские шлюхи.

Снова Жук выехал из деревни. На сей раз он держал путь к югу, и на сердце у него теперь было легко, потому что с недавних пор судьба его изменилась.

Но не успел он далеко отъехать, как из-за деревьев появился человеческий силуэт. Это была Драгоценный в простой домотканой одежде, но с цветами в кудрях. Жук ненавидел Драгоценного, пока тот был любимцем священников и подлизой-мальчишкой. Но, когда Драгоценный оказался симпатичной девушкой, Жук переменил свое мнение.

За спиной Жука в деревне священники платили свои многочисленные долги, но Драгоценный не обращала на них внимания. Она смотрела на Жука.

— Я полюбила тебя еще до того, как ты стал таким красивым. Я оставляла свечи там, где ты мог их найти, стащить и съесть, и поливала их бараньей подливкой. Когда ты отправился в лес, я молилась и предлагала жертву богам, чтобы тебя защитили. Я поклялась, что однажды приду к тебе и расскажу обо всем. Но теперь, смотри, я принесла свое приданое.

И она показала серебряное блюдо, украшенное драгоценными камнями, и кубок из чистого золота.

Жук поднял ее на своего прекрасного коня и поцеловал. Это был самый сладкий поцелуй в жизни обоих.

С тех пор на храме близ деревни не горел сигнальный огонь. Несомненно, и боги, и волшебники забыли про обитель. А Жук с Драгоценным (носившие, впрочем, уже совсем другие имена) поселились далеко, в иной стране. Через год они воздвигли алтарь князю летнего дня и темной госпоже, которую они называли дочерью ночи. Драгоценный, правда, молилась и другим богам, но Жук — только этим. Когда Жук возлагал дары и благодарения к ногам дочери ночи, он с улыбкой вспоминал всегда голодного юного послушника и думал о том, какие сюрпризы иногда преподносит человеку судьба.

КОРОЛЕВСТВО ВОЗДУХА

— КТО ТАКОЙ ЭТОТ рыцарь, что проезжает мимо?

— Его зовут Седревир. Он занят Поисками.

— Бледный как смерть. Глаза как у слепого. Думаю, его хорошо выдрессированный конь и сам отлично знает дорогу. А сам всадник ранен невидимыми стрелами.

— Это рыцарь из древнего братства. Он дал обет отыскать священные реликвии, какие бы опасности не стояли у него на пути, независимо от того насколько опасны путешествия или странная его цель. Но, как мы видели, многие возвращаются домой не солоно хлебавши.

— А этот Седревир? Какова цель его поисков? Ты это знаешь?

— Да, и я расскажу тебе...

ОНИ ВСТРЕТИЛИСЬ НА праздник Летнего равноденствия в Замковой башне, как было принято в братстве рыцарей, там.

В самом сердце замка был сокрыт большой зал, вход в который известен был лишь посвященным. Зал имел форму половинки идеального шара, его пол и стены были выложены блоками полированного камня. С высокого купола свисали тысячи мечей и щитов, флаги и вымпела всех рыцарей, входивших в братство. Высоко на стенах в клетках горели факела. И выкованы клетки были таким образом, что внешне напоминали головы змей и чудовищ, которые дышат огнем. На полу чудесной мозаикой был выложен огромный солнечный диск, на ободе которого стояли рыцари, повторяя круг власти во плоти и стали.

Каждый, явившийся в зал, был полностью закован в броню и носил кольчугу, одетую поверх некрашеного

простого льняного нижнего белья, забрало его шлема было опущено, руки в перчатках сжимали рукоять меча, а на доспехах не было никаких знаков.

Но рыцарей можно было узнать даже при этих обстоятельствах. По росту, по телосложению, по голосу, по манерам или выражению глаз.

Так стояли они в праздник Летнего равноденствия, в полночь, в тусклом свете факелов-драконов. Они уже провели свои обряды и подтвердили свои обеты. Кроме того, они покалялись в свои прегрешениях против Бога, человека или Братства. Они похвастали своими подвигами и предъявляли доказательства, которые могли оказаться чем угодно — от дамского шарфика до отрезанной руки врага.

Однако в этом зале была еще одна вещь. На высоком постаменте в восточной части зала стояли водяные часы в виде золотого меча и мраморного сердца. По мере того как жидкость капала в нижнюю чашу, вес той увеличивался, и все утро меч медленно приподнимался, пока в полдень не ударял в звонкое золотое яблоко. Потом, по мере того как вода продолжала наполнять чашу, её вес становился все больше. Постепенно из воды появлялось сердце, а меч опускался, пока, а в полночь, когда клинок пробивал его насквозь, по залу разносится долгий громкий звенящий звук.

Незадолго до полуночи в ночь Летнего равноденствия, меч бил по мрамору, и тогда раздавался звук, призывающий всех рыцарей круга. Есть те, кто утверждает, что в это время рыцари пьют определенное вино, едят вафли и жгут ладан. А потом каждый из рыцарей замирает, склонив голову, и ожидает, что привидится ему. Вот меч входит в мраморное сердце, и оно сладко плачет...

Седревир услышал эту ноту, точно такую же, как слышал раньше двенадцать раз, потому что он уже шесть

лет был рыцарем круга. В первый раз он был напряженным, выжидал и действовал поспешно. Но с каждым годом эмоции все больше притуплялись. Он прошел через множество приключений, и большая часть его поисков оказалась успешной. Как воин он был отважным и умелым, а как слугитель Бога — целомудренным и страстным. Он старался не совершать ничего плохого, боролся с честью и мастерством, но пока ни одно видение не пришло к нему ни в полночь Иванова дня, ни в темноте Зимнего равноденствия.

Однако в этот раз, когда нота стихла Седревир услышал ещё один звук, и в первый момент ему показалось, что его сердце сжалось. А потом он осознал, что услышал голос девы — пение. Её голос был чистым и тонким, словно из кованого серебра, и ее слова были таковыми:

*Primo dolens lancea est,
Corona dolor de Dominus,
Est secundo et tertio —
Gradalis cruenta fulgero.*⁶

Голос звучал, словно в полом черепе, отдавая эхом. Седревир поднял голову, уверенный, что все рыцари это слышат. Он уставился в пустоту, выпучив серые глаза. Перед ним в центре мозаики появилась колонна света, такого чистого и яркого, что свет факелов побледнел. Седревир уставился на это сияние наполовину ослепленный, а потом разглядел какой-то движущийся объект внутри колонны. В первое мгновение он не мог понять, что это. И, хотя он не видел ничего такого раньше, он с первого

⁶Первым будет Копье,
Венец Скорби — вторым,
Ну а третьим
Кровавая Чаша (лат.).

раза понял, что перед ним, и слабый стон вырвался из его горла. Рыцарь упал на колени, и дикие колокола зазвенели... и ужасные болезненные голоса запели...

А потом в пол ударила колонна белого огня, словно серебряное копьё с горящим острием, которое блистало ещё более ярко, и от него отлетали малиновые лепестки, напоминающие бабочек, которые, отлетев на небольшое расстояние, исчезали. А потом горящее и кровоточащее копьё покрылось окровавленными шипами, которые, полопавшись, превратились в золотые розы, сверкавшие, как луна и сами звезды. Наконец это призрачное создание стало насыщенного зеленого цвета, таким что казалось бездонным, как море. И от острия копья протянулась кровавая дорожка, но эта кровь была, как жидкое золото, и сверкала ярче, чем солнце. А потом из-за правого плеча рыцаря послышался новый голос, и, судя по теням, это было весьма странное создание, напоминающее человека со сложенными за спиной крыльями.

— Седревир, ищи Копьё Боли, Корону Скорби и Кубок Крови Жизни. Они — цель твоих Поисков, и, обретя их, ты, быть может, познаешь истину.

Седревир отлично понял, что открылось ему в видении. И когда он пришел в себя в замке башни и рассказал о том, что видел, ни один из Братства не смог подтвердить его слова. В великом свете ему были показаны три святыни реликвии Христа: копьё, которое пронзило Ему ребра; терновый венец, который венчал Его чело; чаша с Тайной Вечери, в которую было налито вино, а потом кровь из Его настоящей раны. Эти реликвии почитали как элементы мученичества, которое еще осталось на Земле. В самом деле, многие говорили, что знают, где они находятся, но это смотря с какой стороны посмотреть. А место это, как вы, наверное, слышали, крепость — замок Драгоценностей Добра, некоторые называли его Карба Банем. Там

сокровища охраняли таинственные стражи. Вокруг Карба Банем протянулась огромная пустошь, где нет времен года, но порой бывает холодно или жарко, но само место бесплодно, как Ледяные земли. Там есть мертвый лес, который называется Лес Дикого Оленя. Но лес, пустошь, тайный замок Драгоценностей Добра расположены на краю любой карты, и ни один проводник не знает туда дороги. Невозможно забрести туда случайно или добраться целенаправленно. Так священники рассказали Седревиру, пока он стоял перед ними на коленях с низко опущенной головой, держа руки на рукояти меча.

После этого он много дней постился, созерцал и советовался с мудрыми людьми. И все это время образы видения ясно маячили передо мной, как будто он видел их только минуту назад, и в ушах его пели голоса:

*Dolens lancea.
Corona dolor.
Gradalis cruenta fulgero.*⁷

А потом голос приказал ему просыпаться и отправляться на поиски.

— Это твой Путь. Не отступай.

И когда остался час до восхода, когда птицы заскользили над лугами, а небо стало бледным, Седревир покинул Замок Башен. Он снарядился так, словно собирался на битву. Меч, щит и копье он держал наготове, а сам был одет в стальные доспехи. И он и его конь были драпированы в ткани его цветов: сине-серые цвета путешествий. И на его чепраке и щите, покрытом эмалью, и рукояти меча был выгравирован один и тот же знак — серебряно-сине-золотой каракал.

⁷ Копье Боли,
Корона Скорби.
Кубок Жизни. (лат.).

Трудившиеся в полях женщины и дети поднимали головы из высокой кукурузы, чтобы наблюдать за проезжающим Седревиром.

— Вот еще один рыцарь братства отправился на бессмысленные поиски, — говорили они.

А Седревир проехал через Ближние Земли на север, туда, где лежит Дом Зимы, в северные горы. Общее направление — все, что он знал, а ведь ему нужно было найти место, которое находилось на Земле и в то же время не на Земле — место, которое некоторые мудрецы считали мифом, хотя оно должно было существовать.

За Ближними Землями лежали другие менее известные земли. Но все они были погружены в богатство лета. В садах, виноградниках и на полях селяне готовились к уборке урожая, трудясь с раннего утра до позднего вечера под бескрайним золотистым небом. У рек и колодцев собирались женщины с ведрами и грязным бельем, а также у рек, которые прорезали низины, поросшие камышом. Часовые на стенах замков, стоящих на холмах, наблюдали за одиноким рыцарем. Некоторые из обитателей этих замков могли приветствовать одинокого рыцаря или бросить ему вызов, но никто так ничего и не сделал. А вечером рыцарь-путник завернул к одинокой часовне, и священник предоставил ему кров, дал благословение, угостил хлебом и вином, не расспрашивая ни о чем...

Два месяца Седревир ехал на север, расспрашивая тех, кто попадался ему по дороге, если ему казалось, что те отмечены знаком знаний. Среди них был отшельник, старая крестьянка и даже маленький ребенок с веснушками на лбу, похожими на звездочки. С другой стороны, иногда рыцарь сам готов был предложить свою помощь, ведь он, как защитник, должен был бороться со злом и не-

справедливостью. А еще были те, кто пытался соблазнить его свернуть в сторону, чтобы посмотреть на чудо — таинственный цветок, который вырос в разрушенном языческом храме, вещицу, которая творила чудеса, или фонтан, который бил из скалы, стоило только ударить по ней кулаком. Порой встречались и те, кто хотел его развратить, к примеру, женщина в красном платье с белыми плечами. Она высунулась из своего окна, так что её длинные волосы, надушенные какой-то пряностью, едва не коснулись лица Седревира, когда он проезжал мимо. Но он так и не остановился.

Как-то в сумерках, когда небеса были еще светлы, словно кристалл, а землю уже укутали тени, Седревир выехал к разрушенной башне на берегу озера. Через окна башни словно копья били последние лучи заходящего солнца, а само озеро напоминало огромный кусок неба, упавшего на Землю. Ни одного облачка не было на небе, ни одно дуновение ветерка не нарушал стеклянную водную гладь. У шатра, установленного неподалеку, в бронзовой клетке горел факел. А когда Седревир подъехал поближе, внутри шатра вспыхнули еще огни, залив полуразрушенное строение мягким светом. Потом из шатра вышли два рыцаря. Они были из другого братства, и на щите одного из них был нарисован сокол, а у другого — белый бык с крыльями.

— Куда ты направляешься, рыцарь? — спросил тот, у которого на щите был нарисован сокол.

— На север, — ответил Седревир. — Это путешествие согласно обету.

Оба рыцаря кивнули. Потом заговорил рыцарь с быком на щите.

— Мы охраняем нашу сестру, госпожу Марисм.

— Я не собираюсь вмешиваться в ваши дела и не представляю никакой угрозы для вашей сестры.

— Дело не в этом... Наша сестра — пророчица, прошедшая обучение в искусстве Просвящения, — объявил рыцарь с соколом на щите.

— Если бы вы посоветовались с нашей сестрой, то, я уверен, она сделала бы все возможное, чтобы помочь вам, — продолжил рыцарь с быком на щите. — Только сегодня она воспользовалась своим искусством, а потом позвала нас и сказала: «Остановимся тут и подождем путешественника с юга. Он ищет три святыни, и, возможно, я смогу ему помочь».

Теперь оба рыцаря стояли в тени, и их лица были скрыты под блестящими и темными шлемами. Тут Седревил неожиданно поймал себя на том, что совершенно не верит этой парочке. Однако, похоже, они не врали. На них лежала какая-то оккультная тень, но не зла, а тьмы сродни ночной, что скрывала озеро...

Именно тогда драпировки шатра разошлись, и из него вышла женщина. Она встала так, что была хорошо видна в свете факела. Она была молодой, таинственной, но у неё был немного диковатый взгляд. Её белое платье было отделано драгоценными камнями, больше напоминающими водяные капли. Но её темные волосы плыли по воздуху, словно сеть серебряных брызг.

Она ничего не сказала Седревилу, словно смотрела не на него, а сквозь него. Это был ужасный взгляд, потому что она, казалось, видела его рождение и смерть, а также знала ответы на все другие вопросы, которые могли появиться. Потом она вернулась назад в шатер и поманила его.

— Последуйте за ней, — предложил рыцарь с соколом на щите. — Она достопочтенная, точно так же, как вы. А если вы совершите какую-то глупость, она достаточно сильна, чтобы себя защитить. К тому же мы здесь.

Седревир двигался, словно в каком-то трансе. Взгляд госпожи Марисм заинтересовал его. Он спешил и зашел в шатер следом за дамой. Внутри на полу оказался толстый ковер, а факелы висели в бронзовых клетках. Дама остановилась посреди шатра, где находился постамент из резного дерева. А на этом постаменте возвышалась чаша с водой.

— Иди сюда и взгляни, — пригласила госпожа Марисм.

Седревир подошел к пьедесталу и заглянул в чашу.

Вначале в золотой чаше была лишь вода. А потом вода забулрила, и стало казаться, что где-то в её толще зародилась какая-то пленка. Там, в чаше, открылась картина, явив битву. Это была великолепная и ужасающая битва. Во вспышках молний сверкали драгоценности и металл воинских доспехов, клинки мечей, отделанных инкрустациями, а над головой воинов развевались вымпелы и знамена со странными и мистическими знаками, которые легко было сразу распознать. Но солнце стало садиться, и облака аметистовые, пурпурные и алые, как парадное снаряжение рыцарей, начали опускаться, скрыв сцену. Потом прозвучала труба, и, хотя звука слышно не было, но её отлично было видно — длинная огненная черта, словно комета. По сигналу через облачную массу проскакали двое могучих владык, и воинство расступилось, давая им место. Выглядело все это очень страшно, потому что сразу стало ясно: рыцари-противники — братья. Оба были в золотых доспехах, оба невероятно красивы и сверкали так, словно сами были из солнечного вещества, и наверное, из-за этого на них было больно смотреть. Один из них был одет исключительно в золотое и белое, и на его шлеме был крест, словно выложенный звездами, а на его щите — девиз, который невозможно было разобрать, там ничего не было

ни написано, ни нарисовано, однако сердце Седревира, который взглянул на щит, переполнилось радостью и ужасом. Другой рыцарь был облачен в одежды цвета жаркого огня, а на груди у него горела драгоценность, напоминающая удивительный глаз. На его щите не было никаких девизов, но на вымпеле у него за спиной были вышиты слова: *Non Serviam*⁸.

Эти двое столкнулись с грохотом, от которого дрогнуло само небо, их копья столкнулись и разлетелись на куски, рассыпавшись в щепки, которые посыпались на Землю. Потом они выхватили мечи из ножен, и когда сшиблись, показалось, что удары молнии рассекли небо. Но они словно не замечая ничего вокруг, продолжали сражаться. Солнце зашло, но одежды из золота безумно ярко сверкали даже в темноте. Они продолжали сражаться, не замечая, как луна постепенно выплывает на небо.

Непонятно было, сколько еще будет продолжаться этот бой. Время тут не имело никакого значения. Седревир с благоговением и опасением смотрел за происходящим. Переполненный страхом и жалостью, он ожидал, когда один из воинов одержит победу. Это была битва Ангелов Божьих. Золотой рыцарь был архангелом Михаилом. Одежда второго, которая больше напоминала разгоревшееся пламя, говорила о том, что это сам Люцифер, еще до своего падения.

Когда прозвенел последний удар, ожидаемый, необходимый и страшный, небо словно треснуло из края в край. Седревир не увидел падения принца Люцифера, но увидел, как в гуще туч вспыхнула зеленая звезда. Она дымила и пылала, устремившись вниз к земле. Над холмами в небесной высоте она прочертила свой путь, пронеслась над океаном, оставляя свой солнечный след.

⁸ Не служить (лат.).

Над морем звезда пронеслась шипящим метеоритом. И только теперь можно было разглядеть, что это драгоценный камень со шлема Люцифера, принца ада, теперь закаленный в воде...

В миске пророчицы осталась только чистая вода, на которую с непониманием уставился Седревир, и госпожа Марисм, по-прежнему стоявшая по другую сторону чаши, заговорила с ним:

— Эта ментальная драгоценность — зеленый рубин, Его гордость и любимая вещь. Камень века пролежал в море, потерянный для Него, до тех пор, пока его не прибило к берегу. Люди, поняв, что камень этот бесценный, вырезали из него чашу. Она попала к правителям Земли и прошла испытание огнем, воздухом и водой. Соломон Мудрый пил из неё. А потом, переходя из рук в руки, она, наконец, оказалась собственностью Принца Всего и Вся — Иисуса Христа... Ты же ищешь Святой Грааль?

— Да, госпожа. И я всегда удивлялся истории о том, что нечто Злое стало святой Чашей Христа.

— Но разве её не называют Чашей Искупения? — поинтересовалась Марисм.

Седревир опустил голову.

— Вы знаете дорогу к Карба Банем?

— Я покажу вам её, — сказала она. — Эта дорога имеет собственное название.

Седревир вздохнул. Затем, удивившись, он увидел, что факелы прогорели, а мягкий свет в палатке — свет рассвета, который сочился в шатер извне. Мгновения магического откровения заняли всю ночь.

— Если хотите, можете сопроводить нас в наше королевство, — предложила рыцарю Марисм.

После она не сказала ни слова, но шатер взмыл в воздух, словно был сделан из пуха. А потом ветер унес и

мебель, и шатер, и медные клетки. Все исчезло. Осталось только озеро, дама и два рыцаря, опиравшиеся на щиты, в то время как вдали белый конь Седревира щипал траву.

В эту минуты между двумя холмами на востоке взошло солнце, и его первый луч, словно меч, скользнул через озеро. А потом из солнечного мерцания медленно выплыл изящный плот с прозрачным парусом и скользнул прямо к ним, направляемый невидимой рукой — по крайней мере, Седревир, никого не видел.

Пока Седревир стоял размышляя, рыцарь с крылатым быком на щите подошел к нему и сказал:

— Твой конь останется в безопасности под защитой этих древних стен. И хотя чародеи, которые возвели их, давно ушли в никуда, их чары все еще сильны. Ступайте за нами...

Тут плот пристал к берегу. Дама первая взошла за плот. А вслед за ней на плот перебрались её братья. Все трое застыли учтиво, ожидая решения Седревира. Так и вышло, что Седревир прошел следом за ними на плот, который выглядел достаточно надежным. Когда рыцарь поднялся «на борт», плот заскользил, парус его наполнился утренним ветерком, и поплыл назад, откуда приплыл.

Дама вышла на нос судна и застыла, залитая солнечным светом. Потом она обратилась к Седревиру:

— Вы должны знать, что в прошлом мы обитали на берегу. Там, где ныне вместо огромного замка осталась лишь полуразрушенная башня. Когда-то воды озера поднялись и затопили всю землю. Нас смыло. И те, кто пережил катастрофу, теперь живут там.

— Где именно, госпожа?

— Под вашими ногами, рыцарь. Под водой.

Плот достиг середины озера и резко остановился, и только лебединый след пены, протянувшийся за ним, нарушал ровную гладь озера.

Потом Марисм рассмеялась и шагнула на поверхность озера, и вода удержала её. Следом за ней шагнули оба её брата. Сначала вода держала их, а затем они стали медленно погружаться в воды озера. Тогда Марисм обратилась к Седревиру:

— Смелый рыцарь, вы осмелитесь последовать за нами? Мы — *Luminous*⁹, защитим вас. Мы будем вашими покровителями. Но вы должны доверять нам, быть бесстрашным и быстрым. Так что вам решать, последуете ли вы за нами или нет.

Тогда Седревир громко рассмеялся.

— Скажем так: рискну, — ответил он, но взгляд его был мрачным и переполненным огня.

Беспечно, как и его спутники, или по крайней мере так казалось, он шагнул в воду, потом, по-прежнему оставаясь в вертикальном положении, начал погружаться, вместе с остальными. Вот так и вышло, что он опустился в черные глубины озера, под его зеркальную гладь.

А вода повела себя странно, но может, причина всего — в магии дамы... У Седревира не было никакого ощущения сырости, лишь странное ощущение, словно прикосновение шелковых тканей. Тем не менее Седревир мог свободно дышать под водой. Кроме того, он мог видеть и слышать. У него остались осязание и вкус. А кроме того, он мог двигаться и действовать так, словно находился не под водой, а на поверхности. И несмотря на то, что ощущение не изменилось было в этом нечто иное. К примеру, все речи теперь звучали, как сладкое пение. И он слышал песни рыб, которые метались туда-сюда, словно коноплянки. Все вокруг напоминало видение из хмельного сна, а при каждом движении казалось, что на руке намотан шелк и вуаль, и каждое движение вызывало серебристое завихрение.

⁹ Посвященные (лат.).

Под водой оказалась земля, во многом походившая на землю поверхности. Там была дорога, ведущая к замку на холме, дорога, выложенная маленькими округлыми камешками. А чуть дальше и выше огромным драгоценным камнем мерцал замок. Вдоль дороги раскинулись сады и рощи, где росли всевозможные фрукты, большая часть которых напоминала наливные яблоки, но только золотистого цвета. Рыбы, словно птички, сидели ветвях деревьев, чья листва была прекрасна, но обесцвечена, точно так же, как пряди волос девушки. У подножия замка раскинулся город из камня. Там ходили мужчины и женщины... Увидев леди Марисм, эти люди стали кланяться ей. К тому же Седревиру все время казалось, что над этим городом и замком нависла какая-то тень, и, хотя ничего не было скрыто, не все можно было увидеть.

Когда они приблизились к замку, двери здания открылись, оттуда выехал рыцарь. Он был одет во все черное. Черным был даже шлейф высокого гребня его шлема. Лошадь, на которой он сидел, была черной и стройной, но она носила броню, а ноги его были покрыты особыми черными доспехами. Когда они подошли к черному рыцарю, тот повернул голову, чтобы посмотреть на них, и Седревар увидел, что у черного рыцаря нет лица — только череп.

— Это смерть, — пояснила Марисм. Она представила Седревар и кивнула своим братьям.

Смерть кивнула, очевидно, разрешая им проехать дальше, а потом повернулась к Седревару и заговорила с ним.

— Я снова должна буду встретиться с вами, но в другом месте, — проговорила Смерть. — И случиться это через много лет.

Седревир перекрестился, но не отступил, глядя в лицо Смерти, и в какой-то момент ему показалось,

что он смотрит не на череп, а в лицо человека, который уставился на него мрачным взглядом. Не успел он подумать о том, что, скорее всего, видит призрачный лик, как Смерть опустила забрало, а потом ускакала, оставив Седревара в полном недоумении.

— Не беспокойся, — пробормотала Марисм. — Нас, хоть мы и живые, тоже часто принимают за утопленников. А Смерть имеет право забирать утонувших. Она вроде нашей то ли королевы, а может, короля, — а потом уже, стоя в открытых дверях замка, госпожа Марисм еще раз повернулась к нему и сказала: — Существует три могущественные цитадели Силы — замки Воды, силы Земли и Огня. Королевство Воздуха ближе всего лежит к Богу... И дело не в том, что он облизе всего к небесам, на любой из этих замков можно натолкнуться где угодно. Они то тут, то там — изменчивые, словно сама жизнь.

И, сказав это, она вошла в замок, в огромный зал, который выглядел пустым и темным, но засветился, стоило ей войти.

Двигаясь, словно во сне, Седревир прошел вперед, а потом обнаружил себя, сидящим на возвышении по правую руку от госпожи Марисм, за столом, драпированным камчатой тканью. На столе стояли всевозможные деликатесы, которые можно было найти в сухом мире или в пресной воде. И все эти деликатесы отражались в огромных тарелках из золота и серебра, в то время как слуги подносили их одно за другим вместе с бесконечным потоком длинношеих кувшинов вина. И несмотря на то, что все происходило под водой, ни один кусочек пищи не был потерян, ни одна капля вина не смешалась с водами озера. Вино текло из кувшинов в чаши, а из чаши — в губы. С крыши свисали золоченые колеса, на которых были установлены свечи, а факелы, установленные в

стенах, горели, и огонь не гас. Дым скользил в воде, рисуя бесконечные узоры.

В глубине зала, за столами, не было ни одного свободного места. Рыцари и дамы обедали. А пока они питались, гордые псы с жемчужными воротниками лежали на полу или бродили в поисках подачи. Слуги спешили мимо по своим делам, выполняя поручения своих господ, а менестрели, перебирая струны, пели песни. И озеро наложило на все это странный отпечаток. На всем зале лежала странная тень.

Пиршество длилось несколько часов. А потом протрубила труба, и наступила тишина. Через зал прошел паж, одетый в черное, бледный, как растение из глубины джунглей. Он нес блюдо из рога и оникса. На блюде лежали фрукты из подводных садов, растущих у подножия замка. Подойдя к Седревиру, мальчик встал перед ним на колени:

— Не изволите ли отведать один из этих фруктов, рыцарь?

Седревир заколебался:

— Разве ты не посланец Смерти?

— Раз я делаю это, значит, меня послал не он.

— Кто тогда?

— Это не запрещенный плод, но он — плод Познания. Может быть, это — предупреждение, может — пророчество, возможно, символ, пророчество или испытание сердца и разума. Возьмите плод — и посмотрим...

Тогда Седревир взял плод, и мальчик сразу исчез. Седревир долго изучал атласную кожу яблока, словно прикидывая, насколько смертоносна оно. И в сердце плода рыцарь увидел огонь — там не было ни скверны, ни яда. Он положил его перед собой на стол и рассек кинжалом. А потом Седревир отшатнулся в ужасе. Из яблока выполз огромный червяк — змея, которую он рассек кинжалом.

Но тело змеи не кровоточило. На обоих концах обрубков было по голове, и каждая из них уставилась на рыцаря холодными, печальными глазами.

— Ты ранил меня, — объявила змея.

— Простите меня за это, — ответил рыцарь. — Я сделал это бессознательно.

— Ажешь! — объявила змея.

— Ничего подобного.

— Разве ты не узнаешь меня? Я — Змий, существо, которое проклял Бог за то, что оно подставило человека. Я — Обманщик, я — Сатана, твой враг. Так что можно сказать, что ты ранил меня не просто так.

— Если вы — Змий, то знайте, я бы нарезал тебя на куски, — заметил Седревир. — На сто различных кусков.

— У тебя не получилось бы, — проговорила змея.

А потом змея сжалась, сморщилась, стала тоньше нити, а нить рассыпалась в пепел и исчезла.

— И что это было за сообщение, госпожа? — поинтересовался Седревир у госпожи Марисм.

— Что вы уже вступили на свой путь. Ибо ни один искуситель не явится к нам, если мы не подойдем близко к цели своих поисков.

Потом она поднялась из-за стола, и большой зал будто разом стал еще больше, словно огромный плащ взметнулся к потолку — и свечи люстр потухли.

Госпожу Марисм ждали её братья. Она взяла Седревира за руку и вывела его из зала, и отвела к подножию крутой мраморной лестницы, которая вела на вершину башни. На вершине её располагались комната, где переплеты окон были каменными, а стекло и вовсе не было, и мелкая рыбешка могла всплывать и выплывать из башни. Два рыцаря, как и до того у шатра, заняли свои места слева и справа от входа в комнату, которая быстро закрылась следом за госпожой и её спутником.

— Теперь, Седревир... — продолжала госпожа Марисм. — Вы молоды, и вы раб, благодаря его закланию. Вы здесь со мной, и непорочны... но кто увидит вас?

И она указала ему на кровать, ароматизированную цветами, мягкую, как первый снег, и завешенную тяжелыми балдахинами из серебристой ткани. Затем она скинула свои одежды, и встала во весь рост, полупрозрачная, как воды озера. И когда она сделала это, рыцарь взглянул сквозь даму, сквозь её кожу, плоть и волосы. И лишь кости её остались непрозрачными, так что в этот миг она чем-то напоминала Смерть.

— Госпожа, я, конечно, лягу рядом с вами, но не более, — объявил рыцарь.

Она кивнула, словно Смерть и, скинув покрывало, показала ему поднимающиеся острозаточенные острия, которые линией протянулись посреди кровати — частокол из стали. Госпожа Марисм легла на одну половину кровати, рыцарь, на другую, и ряд заточенных стальных кольшшков разделял их. Почти сразу Седревир уснул, а пока он спал, частокол из стали вырос до потолка комнаты, ударил в него, и тот камнями осыпался на рыцаря. Он проснулся...

Седревир лежал на песке, на берегу озера. Светало. Чуть дальше по склону конь рыцаря щипал траву.

И не было никаких признаков того, что на берегу был кто-то кроме него. Волосы и одежда Седревира были сухими. Кроме того, он был очень голоден и хотел пить. Судя по всему, пир на дне озера не пошел ему на пользу. Тем не менее, раскрыв ладонь правой руки, он обнаружил угольно-черную ракушку, из которой выкатилась капля воды, больше похожая на одинокую слезу...

МЕСЯЦ, А МОЖЕТ и более того рыцарь ехал на север. Лето уже покинуло эти земли. Он оказался в краях более

бесплодных, где деревья были тоньше, словно долго голодали. В долине уже давным-давно созрела свежая кукуруза, и солнце высушило траву и листья. Только вороны часовыми застыли на лысых вершинах холмов. К северу на многие мили застыли облака. Седревир отправился в горы.

Как-то в полдень, когда было очень жарко, Седревир увидел церковь, укрывшуюся в долине, рядом с речушкой. Берега там заросли ореховыми деревьями, а вода была свежей. Орехи на деревьях оказались крепкими, будто камни. Когда же рыцарь ударил по двери церкви, та осела. Внутри никого не было, но ящерицы, словно сухие листья метнулись в разные стороны. Окно в форме колеса было в восточной стене, а над ним со стропил свешивался древний флаг, темно-красный, с темными ржавыми полосами. Алтарь напоминал огромный блок кварца, внутри которого можно было разглядеть боевой топор, хотя, как топор попал в камень, было совершенно непонятно.

Выйдя из церкви Седревир привязал коня и лег на траву, вытянулся, чтобы отдохнуть в жаркий день. Но не успел рыцарь закрыть глаза, как услышал странное языческое песнопение, а потом со стороны долины, где располагалась церковь, послышался треск ветвей. Однако стоило Седревиру приподняться, шум замер. Только поток журчал в узком русле, конь рвал свежую траву в тени стены.

Седревир снова сел, опустил голову на руку и закрыл глаза. И тут же он снова слышал пение и крики, как и раньше, но теперь они звучали много громче. Теперь он не шевелился, а только ждал. Тени же начали мерцать и танцевать над его веками, как будто мимо прошло несколько человек.

Седревир открыл глаза во второй раз. Но не увидел вокруг ничего необычного.

В третий раз он закрыл глаза — и вновь слышались шаги, зазвонили колокола и пронзительно закричали женщины. Как там сказала Марисм — дама из озера: «...вы уже вступили на свой путь». Тогда Седревир задумался: «Пока я только слышал, но я должен увидеть это». И развернулся в сторону двери церкви с мыслью, что теперь все увидит.

Затем он увидел, как по долине, вдоль потока, прошла группа мужчин и женщин. Они были по-летнему загорелыми, худыми и оборванными, на головы они надели гирлянды, свитые из терновника. Женщины звонили в колокольчики, мужчины размахивали шестами. В середине толпы катилась телега, которую они толкали вперед изо всех сил, а в телеге, в корзине сидела связанная молодая дева, бледная, словно находящаяся при смерти, хотя её темные волосы тоже украшала корона, но корона из виноградных лоз и цветков мака. Судя по всему, её собирались принести в жертву.

Седревир поднялся на ноги и проверил, как меч выходит из ножен. Судя по всему, он раньше никогда не видел этих людей, а они в свою очередь и сейчас его не видели. Беспрепятственно он отправился следом за ними, и когда они полезли вверх по склону холма, он последовал за ними.

Там, на вершине, было кольцо пеньков безжизненных деревьев, с которых при приближении людей сорвались падальщики. Земля под деревьями, на которых сидели мерзкие птицы, была усыпана костями и кусками полусгнившего мяса. Тут пахло смертью. Когда мужчины вытащили девушку из телеги, она заплакала, но она не просила милосердия, так как это было бесполезно. Её быстро привязали к черному стволу. Девушка поникла, как умирающая лилия. Обезумевшая толпа бегала вокруг, завывая и призывая кого-то, а потом старик, кудхатая что-то неразборчивое стал размахивать

кадилом. В нем содержался ядовитый ихор, который дымился и вонял так, что птицы-падальщики, привлеченные этим запахом, вернулись на верхние ветви, хлопая крыльями от жадности. Старик закончил ритуал, наблюдатели сбились в кучу, а потом разом бросились прочь. Они направились в сторону Седревира, который ожидал на краю кольца деревьев. Теперь в их голосах было больше страха, чем праздной радости. Некоторые даже налетели на рыцаря, но все равно создавалось ощущение, что они его не замечают. Вскоре на холме воцарилась мертвая тишина. Девушка, словно не веря в реальность происходящего, подняла голову, широко раскрыла заплаканные глаза, огляделась. Слезы все еще катились из уголков её глаз, она все ещё дрожала от ужаса. Но все это происходило совершенно бесшумно.

Потом откуда-то из-под земли раздался грохот. Тогда Седревир сорвал с плеч щит и выхватил меч. В следующее мгновение земля вздулась и раскололась, и из трещины, как расплавленный металл, выползла огромный ящер — настоящий дракон.

Ящер был цвета латуни, а высотой — по пояс рослому человеку. Он принес с собой запах серы и разложения, и пока Седревир готовился к схватке, ящер злобно рыл землю, разбрасывая во все стороны влажные комья земли. Из челюстей вырывалось ядовитое огненное дыхание.

Наконец Седревир шагнул вперед и, поднял щит на выдохе, направляясь к чудовищу. Дракон повернулся к нему, и в его глаза вспыхнула злоба, словно он собирался уничтожить рыцаря как нежелательную помеху.

— Перед тем как забрать её, вам придется иметь дело со мной, — объявил рыцарь. — Бог на моей стороне, и во имя Христа... — И он пошел вперед, прямо на дракона, прикрывая голову и грудь щитом. Волна нечистот и разгоряченного воздуха хлынула на Седревира.

Тем не менее он подобрался ближе и ударил дракона мечом — сверху, чтобы пробить нижнюю часть ребер. Но ребра дракона оказались крепче любой брони. Чудовище взревело, а падальщики сорвались с деревьев и улетели. Седревир отступил, однако ужасный запах и огонь дракона стал гораздо слабее.

Тварь скользнула за рыцарем, непрерывно загребая передними лапами и оставляя на земле чудовищные следы. И тогда рыцарь со всего маху ударил ногой по морде чудовища, сломал ему один из его ужасных клыков. Они вместе скатились вниз по склону. При этом дракон сметал все на своем пути, пытаясь достать рыцаря своим ядовитым дыханием. Седревир избегал атаки чудовища, используя все, что попадало ему под руки; он прятался то за пенёк, то за камень, которые принимали на себя огненные плевки дракона. Рыцарь хотел в первую очередь увлечь дракона подальше от девицы, к потоку, который тек внизу у церкви. Они проскочили через заросли грецкого ореха, и Седревир отступил в речной поток, сквозь кольчугу почувствовав прохладу. Дракон не спешил входить в воду. Он зарычал, и маленькие камешки полетели в реку.

— Что останавливает вас, чудовище: холодная вода или церковь на том берегу?

И тогда дракон заговорил с Седревиrom.

— Ты ранил меня. Разве этого недостаточно? Позволь мне вернуться к деве, которая изначально предназначалась мне. Все равно я не убил бы тебя, но я чту твою доблесть. Ты же не хотел ранить меня?

— Это снова вы? — удивился Седревир. — Но вы же были маленьким червяком?

— Я? Кто знает, кем я был или могу стать? — проговорил дракон. Слова вырвались из его уст и, звеня,

прозвучали, словно ноты органа. Но не было уверенности, что их произнес именно дракон.

— Ты — создание Сатаны, и пусть он защитит тебя, когда я призову Господа моего и обрушу клинок на твою голову!.. — вскричал Седревир. — Так дай мне оружие, Господь, чтобы я обрушил его на голову своих врагов.

И вновь земля затряслась, даже сильнее, чем, когда дракон извергся из неё. Над потоком, где стояла церковь, разнесся разрывающий слух звук, и небо разорвал луч света. У Седревира ничего не получилось. Он замер, прикрывшись своим щитом. При падении он выронил меч и, высоко подняв правую руку, открыл ладонь. В неё легло закругленное древко, а рукоять заканчивалась клинком дивной яркости. Это был топор, который он увидел в глубине алтаря.

— Я иду, — повторил Седревир. Он поднял топор и закрутил его над головой.

Дракон кашлянул багровым огнем, который, как показалось рыцарю, окутал его, прикоснулся к его сердцу и разбил вдребезги. Но все же он позволил вращающемуся топору обрушиться вниз. Он увидел, как топор встретился с черепом дракона, расколол его и застрял в нем. И тогда он увидел, что череп сделан из кварца.

Холодная вода омыла кольчугу, волосы и тело Седревира. Он застыл под ледяной струей, мечтая лишь о смерти дракона. Но он не мог дышать в потоке, как дышал в озере. Он поднялся, встряхнулся. Потом он устало поднялся на холм, и вороны, каркая, стали подниматься все выше и выше. Труп дракона был не самой подходящей пищей. Вернувшись к мертвому дереву, он перерезал веревки, которые связала дева. Она видела его схватку с драконом. Освободившись

от пут она упала к его ногам, обхватила Седревира за лодыжки, и гирлянда маков соскользнула с её прозрачных волос.

— Ты свободна, — объявил рыцарь.

— Да, и я благодарю и благословляю вас за это. Но не оставляйте меня здесь, иначе дикари, живущие в этих землях, сами убьют меня. Они поклонялись этому дракону многие годы! — И дева уставилась на рыцаря огромными черными глазами, а уста у неё были алыми. Как цветок мака. — Меня зовут Меласинд. Великий владыка мой родственник. Отвезите меня в мое королевство. Оно лежит на севере. Это недалеко.

Седревир усадил девушку перед собой на круп лошади. Она была стройной и безмолвной, и не было бы проблем, если бы не её красота... Потому что красота её была весьма своеобразной, словно дым.

Девушка не имела не малейшего представления, где её дом. К тому же она так и не сообщила, из какого она королевства. «Севернее», — сказала она, вот они и поехали на север, так что она была довольна. А больше они с рыцарем ни о чем не говорили. Ночью они спали на земле, но нежная Меласинд не жаловалась. Она завернулась в его плащ и легла на землю. Её щека покоилась у него на руке. Её сон был спокойным, но волосы сбились в колтуны. Она была невестой дракона, и с трудом сдерживала желания — её женственность буквально жгла её...

Днем небо было высоким... Местность — пустынной, вокруг простиралась голая равнина, где тут и там из земли торчали скалы. Нигде не росло ни деревца. Вода, в небольших озерцах, разбросанных тут и там, имела вкус металла, гранита или золы... А когда наступил вечер, девушка обратилась к рыцарю:

— Не останавливайтесь здесь. Еще один час пути приведет нас к королевству, о котором я вам говорила.

Седревир выпрямился в седле и посмотрел на север. Он увидел тускло освещенную равнину под мрачным, нависшим небом. Впереди не было никаких признаков дороги, ни стены никакой, ни башни.

— Там?

— Там, — подтвердила она. — Там, где ярко горят звезды.

И тут Седревир заметил в небе какую-то несообразность. Над головами у путников вспыхивали новые звезды — целые созвездия, которых он раньше никогда не видел, о которых он никогда раньше не слышал. Одно из них было похоже на копье или меч, а в его центре, словно алмазы в рукояти, горело несколько особенно ярких звезд, чей блеск протянулся до самого острия, затмевая светом другие звезды в небе и даже полную луну.

Седревир ничего не сказал девице. И его спутница ничего ему не сказала. Молча, не сговариваясь, они поехали в сторону меча из звезд. Прошел ещё час, а потом дева неожиданно распорядилась:

— Натянуть поводья, — и когда он сделал это, дева потянулась вперед и закричала: — *Ex Orio per Nomine*¹⁰.

Сделав это, она покорно склонила голову, но всплеснула руками. И тут на равнине поднялся сильный ветер. Казалось, он налетал из самых отдаленных уголков мира. Осколки и пыль полетели в воздух, закрутившись в безумном хаосе. А потом Седревир увидел, как из-под земли поднимается замок. На его зубчатых стенах и башнях горели огни, и на них развивались знамена. А потом ветер неожиданно стих, и тогда трубы в замке затрубили.

— Не медите, нас ждут, — объявила Меласинд.

Они поехали вперед, и рыцарю показалось, что меч нацелен точно в главную башню замка, словно он собирался заколоть сердце замка.

¹⁰ Именем Орио (лат.).

Ворота были со сторожевыми башенками с обеих сторон. Когда Седревир подъехал, ворота открылись и навстречу ему из замка выехал рыцарь. В свете факелов казалось, что он одет в красное, его кольчуга выглядела так, словно выкована из красной меди, а восседал он на красной лошади.

— Рады приветствовать вас, — вежливо сказал он и поклонился госпоже Меласинд.

С большим удивлением Седревир услышал, как его спутница весело рассмеялась, а потом буквально рванулась из его рук. Он посмотрел и в свете факелов увидел то, чего раньше не замечал: Меласинд выглядела как девушка-ребенок то ли семи, то ли восьми лет. Она же повернулась лицом к своему спутнику и объявила:

— Во мире я мудрая дева. Но здесь, в доме моего родственника, я словно ребенок. Помогите мне спуститься на землю, сэр рыцарь.

Седревир спешил и, взяв её на руки, спустил на землю.

С опасением, однако помня о цели своих поисков, он последовал за девой в большие ворота замка, который вырос из земли.

День и ночь оставался Седревир в Замке Земли и Огня гостем неведомого хозяина. Но дневной свет с трудом пробивался через окна, больше похожие на амбразуры, закрытые стеклами, тонированными с помощью киновари. Внутри же замка постоянно горели факелы и свечи. Это было место, где всегда было тепло и по стенам прыгали здоровенные тени. Слуги замка всегда были наготове и выполняли любую прихоть Седревира, словно он находился на своей собственной земле. Вэтом, казалось, не было ничего необычного. И хотя они говорили о чем угодно — гость-рыцарь не расспрашивал их. В конце дня, когда алый закат раскрасил окна,

к Седревиру пришел рыцарь в красной кольчуге и приветствовал гостя согласно принятому этикету, а потом попросил спуститься в пиршественный зал.

Вместе они прошагали по бесчисленным широким лестницам из полированного базальта, прошли коридорами и залами, залитыми красным светом заходящего солнца, пока Седревир не решил, что они давно спустились под землю. Однако он не сделал никаких замечаний по этому поводу, а Красный рыцарь тоже так ничего и не сказал.

Наконец последняя ступенька осталась позади, и перед ними оказалась дверь, которая сама собой открылась при их приближении. А за дверью лежал сад, необычный и загадочный. Ни один лучик дневного света никогда не касался растений этого сада, сокрытого глубоко под землей. Посреди него был большой бассейн черной воды, из которой исходил странный свет. На воде покоились белые лилии, а иногда в темноте мелькали золотые плавники рыбок. Дорожки в саду были выложены опалами и бледными огненными камнями. Травы и цветы росли. Но у них не было никаких оттенков запахов. Над всем садом нависал высокий розовый куст — настоящее дерево, и все розы на нем были малиновыми. Но, когда они подошли к кусту, Седревир увидел, что розы сделаны из рубинов, гранатов и шпинелей.

А за этим деревом-кустом скрывалась еще одна дверь.

Они вышли из одного зала и встали на пороге следующего. Миллион свечей горели над столами, покрытыми тканью из золота, и их отблески играли на драпировках, отделанных кристаллами и драгоценными камнями. Но в зале никого не было, и Седревир почувствовал, что его окутывает пыль столетий. Когда он подошел ближе, черная крыса проскользнула между драпировками.

В дальнем конце комнаты на плитах сидела Меласинд. Она была одета в желто-алое платье, и её волосы украшали бесцветные цветы из сада. На коленях у неё была миска из агата и костяной нож, она плакала. Седревир подошел к ней и опустился перед ней на колени.

— Госпожа, почему вы так горько плачете? — поинтересовался он.

— Господин, род мой болен, — ответила Меласинд. — Только эта чаша, наполненная кровью девственницы, может излечить его. Видишь, я нервничаю, потому что боюсь.

Седревир нахмурился. А Красный рыцарь, стоящий у него за левым плечом, сказал:

— Это так она говорит вам. Сам Господь этого царства нанес эту печальную рану. Она не заживет. Только девственная кровь сможет заживить эту рану, и то лишь на некоторое время.

— Не спрашиваю у вас ни о характере раны, ни о том, как она была получена, — заметил Седревир. — Голос судьбы, крик или шёпот, всегда будет услышан в таком путешествии, как моё. Моя клятва также касается целомудрия. Я никогда не имел близости с женщиной и никогда не ублажал свою плоть. Я девственник точно так же, как этот ребенок, но намного сильнее. Поэтому без опасений я могу предложить вашему господину свою кровь. Ибо моя душа под надежной защитой.

Рыцарь в красном поклонился очень низко:

— Он с благодарностью примет ваш подарок, — проговорил он. И он вышел из зала. Но девочка не сводила с Седревира взгляда.

— Вы должны проследить за мной, — сказал он. — Когда все будет сделано, возьмите шарф и перетяните его крепко. Теперь дайте мне чашу, но, если хотите, можете отвернуться и не смотреть на то, что я делаю.

Потом Седревир вскрыл вену на левой руке костяном ножом, и наполнил агатовую чашу своей кровью. Когда дело было закончено, девочка подбежала и крепко сжала его руку, не глядя на рану. А потом окунула палец в кровь.

— Вы должны вручить эту чашу сами, — объявила Меласинд. — Я отведу вас в палаты милорда.

Седревир чувствовал легкую слабость от потери крови, и вспомнил, как лежал в потоке после гибели дракона, и вновь услышал пение воды, но оно ничуть не напоминало то пение, что он слышал под озером.

— И где твой господин лежит? — спросила Седревир. — В одной из огромных башен замка?

— Нет. Он находится ниже нас, здесь.

Седревир последовал за девой, в то время как она несла чашу светлой крови, и её шаги были быстрыми и легкими, а его медленными и менее радостными.

Она повела его через узкую дверь и дальше по широким и уходящим вниз ходам, которые освещались только факелами вставленными в стены. А потом неожиданно Седревир понял, что они идут по природным пещерам, где-то глубоко под землей. Вскоре все коридоры остались позади, и вышло так, что они шли через сияющую темноту вечной ночи. Однако рыцарь не мог сказать, куда они идут, хотя странное красноватое свечение исходило от агатовой чаши.

Вскоре Меласинд перевела его через мост из кремния, под которым где-то далеко-далеко внизу с ревом неслась невидимая река. С другой стороны моста протянулась гранитная стена, в которой была прорезана дверь из тусклого металла. Сейчас она была чуть приоткрыта. Через эту щель и проскочила девушка со своей кровавой ношей, и Седревир отправился вслед за ней.

В первый момент рыцарю показалось, что он ослеп. И хотя свет не выходил из щели двери, в помещении по другую сторону её всё сверкало. Откуда идет свет, Седревир различить не мог. Но зато он отлично разглядел сокровища, которыми было завалено все помещение. Даже самые богатые из королей мира были нищими на фоне таких богатств.

— Проходите, следуйте за мной, — распорядилась Меласинд и повела рыцаря между холмами и вдоль горных склонов — груд золота, пирамид из монет, цепей и бочек с коронами, мечами и кольцами, а также всевозможной мебелью, набитой золотыми изделиями.

Они прошли, и вибрация их шагов потревожила горы сокровищ, и по горам золота заскользили серебряные потоки, загремели, скатываясь. драгоценные камни. Однако проходя мимо этих несметных богатств, Седревир даже не посмотрел на озера сапфиров, груды изумрудов, напоминающих зеленеющие сады, кучи рубинов, горящих кроваво-красным, словно кипящих и прошитых молниями. И посреди этого, как дракон, охраняющий клад, на подушках из шелка лежал человек. Он был гигант, в черной броне. Лежал он так, что пяди его олоос, затмевая золото, текли по шелку, словно огонь. Тогда Меласинд вскрикнула, побежала по озеру драгоценностей, а когда оказалась рядом с гигантом, склонилась над ним. Через мгновение она снова позвала Седревира:

— Пойдемте, сэр рыцарь.

Седревир прошел следом за ней по драгоценностям, и когда добрался до гиганта, посмотрел ему в лицо. Это было безобразное лицо, такого уродства, что ни один человек не мог посмотреть на него не содрогнувшись. Ибо дело тут было не в плотском уродстве, а во внутреннем ужасе, от которого рыцаря всего аж перевернуло. Тогда глаза чудовища открылись, и лицо превратилось

в маску бесконечной агонии, которая так никогда не закончится.

— Так вы и есть тот самый рыцарь, — проговорил павший, и в его голосе не было сожаления. Камень и металл, кожа и кости, сердце и разум — все сплелось воедино в этом вздохе. — Видите, чем я обладаю. Видите, все это мое, — сказал Владыка замка Земли и Огня. — А теперь этот ребенок должен дать мое лекарство. Я благодарю вас за ваше милосердие, сэр рыцарь. Скажите, смогу ли я теперь выпить?

— Пейте, но я отвернусь, — объявил Седревир и, опершись на рукоять булавы, выступающую из озера драгоценных камней, он прикрыл глаза рукой.

Через некоторое время ужасный голос снова прошептал:

— Ваш подарок хорошо воздействует на меня. В вас сокрыта могучая жизненная сила. Так кому вы служите?

— Только своему Братству, — ответил Седревир. — И Богу!

Лежащий гигант снова принялся пить. Вскоре чаша оказалась пуста. Тогда лежавший гигант сказал:

— Я никому не служу. И не стану служить, и поэтому всегда буду свободным. Как вы думаете, мое наказание длилось достаточно долго? Нет, я не был наказан. Мне нужно лишь однажды воскликнуть «*Ut Libet*»¹¹. Но я не стану этого делать. Моя гордость, а не Бог связывает меня. *Ut libet. Nunquam. Ut qui libentum*¹².

Седревир не в силах удержаться, постарался не смотреть в лицо павшего дракона.

— Теперь ступайте, — слова сорвались с тех же уст, что только что выпили кровь. — Идите и получите награду от этой девицы. Ибо я не хотел, чтобы вы потратили свою особую добродетель напрасно, после того как я вкусил от неё...

¹¹Это радует (лат.).

¹²Это радует. Всегда. Тех, кто охотно делает это (лат.).

— Господин, — ответил Седревир. — Вы знаете, я не смогу принять то удовольствие, которое может доставить мне дева.

— Это твой выбор...

А потом его золотые глаза разом вспыхнули, словно два мертвых солнца, разгорающихся под землей, и все черты лица разом скривились, а потом потекли. Словно воск тающий в пламени, и существо взревело. И вся пещера, казалось, разверзлась, и драгоценности обрушились на людей, словно волны, поднятые морской бурей.

Меласинд бросилась к рыцарю, схватила его за руку, потянула Седревира следом за собой. И переполненный ужасом, с которым не может сравниться ни один страх в мире, он позволил девочке сделать это. Вместе они покинули пещеру сокровищ и направились вверх по каменным коридорам, потом назад в банкетный зал, где теперь не осталось ни одного гостя. Оттуда они пробежали в подземный сад. Вот двери хлопнули у них за спиной — и наступила мертвая тишина.

Седревир потянулся к воде и, остановившись на краю бассейна с лилиями, смочил водой лоб и губы. По мере того как разошлись волны по бассейну, он увидел отражение между белыми чашечками цветов. Теперь Меласинд больше не была ребенком, стала опять красавицей с манящей высокой грудью, алыми устами и волосами, достигающими до бедер...

И тут Седревир выхватил меч и рассек свое отражение в воде. Девица рассмеялась.

— Но он ничего не дал мне для вас, — вздохнула она. — Теперь мы тут, словно пленники этого сада... Кто нас увидит?

— Я, — ответил Седревир. — Я, как воин и священник, не стану нарушать данные обеты. Они со мной и в воде, и в огне, и у наковальне, где выкован этот меч.

— Увы. — только и сказала Меласинд и поспешила к нему двигаясь быстро и плавно, словно змея. Она обняла его и стал искать своими губами его. Но он ещё помнил ребенка, которым она только что была — невинным и бесполом. И всякое желание оставило его, и он отпустил её, хотя тепло её тела жгло его желанием... В руке у него осталась лишь кроваво-красная колючка. Подняв голос, он закричал, так, словно они были на ночной равнине: — *Ex Orio per Nomine!*

С визгом и громом, Замок Земли и Огня словно взорвался. Ужасный вихрь подхватил сад и Седревира, и швырнул рыцаря через груды камня и железа, и огонь на поверхность земли. И пока он лежал на гряде чернозема, равнина затряслась, и её до самого горизонта рассекла огненная трещина в форме змеи, а потом трещина закрылась, и наступила темная ночь, в которой не горел ни один маяк. В небе не было звезд.

Но острый кроваво-красный шип пронзил ладонь рыцаря даже сквозь стальную перчатку. И когда он выдернул его, не осталось никакого следа. И порез, из которого он заполнил агатовую чашу, тоже исчез. Остался только шрам — разорванный крут, чем-то напоминающий серп месяца. Он уснул, а потом услышал, как кто-то запел:

*Сначала меч нарисовать,
А во-вторых короновать,
Ну потом, забрав Грааль...*

Так пели в Замке Башни, и голоса неведомых певцов звучали нежно, словно серебряные колокольчики. После он услышал голос госпожи Марисм:

— Королевство Воздуха ближе всего лежит к Богу...

Когда рыцарь проснулся, Земля изменилась, словно выметенная гигантской метлой, которая расшвыряла

по земле огромные валуны и растерзала тучи в небе, превратив их в перистые облака. На горизонте возвышались горы. Частично они казались полупрозрачными, частично сложенными из обломков кованной стали. Перед горами раскинулся огромный лес. Он стлался по земле, словно дым старого пожара.

Скорее всего, это был Лес Старого Сердца, и чем больше Седревир смотрел на него, тем больше убеждался, что прав. Рыцарь позвал своего скакуна, который бродил по равнине, оседлал его и поскакал в сторону леса, а через несколько часов въехал под сень спутанных ветвей.

Судя по рассказам, огромные деревья этого безлистного леса, в который въехал Седревир, были давно мертвы. Но они, казалось, пульсировали будто бы в такт биению сердца леса; корни деревьев повсюду торчали из земли, которая больше напоминала смесь пыли и камней. И даже те деревья, что, казалось, давно уже пали, были вновь оживлены страшной силой, и вновь вогнали свои корни в эту неестественную землю. Тут не было птиц и ни одного по-настоящему живого существа, которое Седревир мог бы увидеть и на кого смог бы поохотиться, чтобы разжиться едой. Но, как любой рыцарь братства, он был совершенно неприхотлив в еде. Однако, по мере того как проходили дни и ночи, его мысли становились более безупречными, отточенными, а конь иногда жевал смолу, выступавшая на стволах деревьев. В воде не было недостатка, ибо ночь приносила и холод, и мороз, а восход, растопив ночной иней, заставлял лес плакать ледяными слезами, которые собирались в лужи среди камней. И единственными цветами в этом лесу были солнце и луна. А в небе сверкали звезды, в том числе созвездие крылатого меча. А возможно, всему этому виной было колдовство.

Как-то на рассвете рыцаря разбудил звон колоколов. На расстоянии длины копья какое-то существо пило из лужи. Это был олень, белый, словно лед, но между его рогов на лбу была золотая отметина. И тогда Седревир решил, что это, должно быть, волшебный зверь, порождение леса. Рыцарь осторожно поднялся и направился в сторону оленя, но тот закинул голову и убежал. Тем не менее он отбежал недалеко, только до поляны, и там снова остановился, мерцая своей белизной, как свеча, словно в ожидании рыцаря.

Седревир собрал вещи, сел в седло и подъехал к оленю, а потом трусой отправился следом за ним. Так и прошло все утро. Олень не спеша бежал впереди, а рыцарь ехал следом. Седревир отлично понимал, что стоит ему прищипорить своего коня, олень умчится вперед, и он потеряет его в лесу. Однако если Седревир начинал отставать, олень останавливался и ждал.

Когда день разгорелся над лесом, погоня по-прежнему продолжалась. Это был невеселый день; лето вроде бы уже прошло, но погода стояла сухая, прохладная. Казалось, в лесу не было никаких изменений, только чуть другим стал свет и теперь могло показаться, что с неба сквозь деревья бьют бледно-янтарные лучи... А потом стало темнеть.

И куда же олень вел его? Седревир следовал за оленем весь день, и теперь он подумал, что в самом деле нуждается во сне или отдыхе. Но олень, похоже, не нуждался ни в том, ни в другом.

Ночь воцарилась над землей. К тому времени они добрались до другой большой поляны. Здесь олень остановился и повернулся к своему преследователю. Олень смутно вырисовывался в полной темноте, но между его рогами, словно маленькое пятнышко дня, сверкало белое пятно. А потом произошла странная метаморфоза. Олень

подпрыгнул высоко в воздух, так что его ноги в какой-то миг зависли над землей, и могло даже показаться, будто он готов выпрыгнуть из собственной шкуры. А потом он превратился в белоснежного льва с седой гривой, глаза которого сверкали пламенем. И, извернувшись в воздухе, он прыгнул на Седревира, целя в горло рыцаря, — по крайней мере, тому так показалось.

Конь заржал в ужасе и отступил в сторону. Но зверь не располосовал бок коня своими огромными когтями, ни одежда рыцаря, ни кожаная попона не были даже поцарапаны. Лев повис на когтях, глядя прямо в лицо рыцаря. И черная тишина леса, ненависть и жажда крови, написанные на морде льва, пылали, как факел. Но Седревир уже высвободил свой меч. Он развернул его и обрушил вниз, по самую рукоять вогнал в пасть льва, так что гарда уперлась в клыки зверя. И глаза льва превратились в почерневшие угли. А потом зверь словно сдулся, и Седревир увидел, что на земле осталась лишь шкура без сухожилий, плоти и костей. Седревир ничему не удивлялся, потому что его охватило состояние чудесного. Он вновь опустил голову и вознес молитву Богу, а потом, подняв взгляд, увидел светлячков в лесу, только это были вовсе не светлячки, а мужчины и женщины со свечами, которые, блуждая по лесу, один за другим выходили на поляну. Когда они приблизились, рыцарь разглядел, что мужчины одеты как священники, а женщины — как монахини. Достигнув места, где «развалился» лев, двое из священников подобрали его и понесли. Они прошли мимо Седревира, даже не взглянув на него, распевая какой-то церковный гимн, который рыцарь не мог распознать.

Седревир потянулся, все еще оставаясь в седле. Он поймал за мантию одну из монахинь.

— Куда это направляется ваша таинственная компания?

— Земля исчезает. Небо скоро упадет. Вы можете последовать за нами, если захотите.

— Ну и где ваша настоящельница?

— Какая разница. Все места как одно, когда Мир гибнет.

Вот так уклончиво ответив, хотя, может, этого ответа было более чем достаточно, она выскользнула из его захвата. И потом все они ушли и унесли с собой шкуру льва.

Седревир спешился и, ведя коня в поводу, отправился следом.

Вскоре дорога пошла в гору. Религиозная процессия двигалась все дальше, а Седревир следовал за ними. Неожиданно лес расступился. Рыцарь огляделся и увидел, что они вышли к подножию Северных скал, хотя рыцарь не мог толком разобрать, что там впереди. Лес тут не был таким уж густым, скалы впереди выглядели странно обнаженными. И только теперь он увидел конечную цель паломников. Впереди показалась полуразрушенная часовня — странное сооружение без крыши.

Откуда-то сверху лился мерцающий свет. Сначала Седревир не понял его природы, а потом, задумавшись о словах монахини, он вгляделся в небо, и странное видение открылось ему. Оно наполнило его сердце глубокой скорбью и страхом. Казалось, небо скрыто балдахином, который закрыл и луну, и звезды. Тем не менее этот балдахин был великолепно украшен. По всей его длине протянулись узоры из золота и серебра, замершие, словно нанесенные кистью неведомого художника. И пока Седревир смотрел на все это, ему стало казаться, что балдахин падает, что он медленно, дюйм за дюймом, приближается к земле. И казалось, ничего живое не могло сбежать от него, что всему, что окружало рыцаря, суждено быть раздавленным. И оно так искусно было вылеплено, словно большая

черная крышка гроба. Теперь он отчетливо видел бриллианты, искусно вделанные в металл, лилии из жемчуга, асфодель из сверкающих топазов, гиацинты из фиолетового корунда — смотреть на них не мог. В глубине своего сердца Седревир заплакал. Бог, встревоженный развращенностью человека, обрушил небо, чтобы уничтожить свое творение. Тем не менее он тоже чтит красоту небес. Ни безжалостная вода, ни всепожирающее пламя не могли бы стать упокоением для рода человеческого, а вот черный воздух с цветами из драгоценностей... Да, Седревир заплакал, переполненный жалости к Творцу, любовью и надрывным страхом, и смирением. И поэтому он последовал за процессией в часовню и увидел, как они тушат свои свечи, и теперь они были озарены только падением медленных огней с неба.

Но там, где они положили шкуру льва, на земле вспыхнул огонь. Шкура полыхнула, и пламя разделилось. Словно из неё вышел олень с золотой отметиной на лбу. Мгновение он был совершенно отчетливо виден, а потом растаял во тьме, и огонь угас, словно его и вовсе не было.

Через часовню, среди молчаливых наблюдателей пронёсся ветерок. Он был резким, но пока ещё слишком слабым — ветер всех ветров, собравшихся под крышкой неба. Когда ветер стих, могло показаться, что он зарылся в пыль, стоило ему только коснуться земли.

Взглянув через стены без крыши, Седревир увидел, что балдахин уже совсем близко, а в центре каждого из цветка драгоценных камней был глаз. И тогда рыцарь опустил голову. И обрушились небеса...

Не было ни тепло, ни холодно. Не было слышно никаких звуков, ничего не было видно. Ни одной мысли не осталось в голове рыцаря. Нечто поглотило весь мир, пожрав абсолютно все. А после темноты был

свет. После смерти сна — новое пробуждение. И оказалось, что рыцарь Седревир, в доспехах, в одинокую, стоит на горном склоне. Где-то далеко внизу лежал бескрайний мир, и теперь его можно было рассмотреть во всех деталях — словно у ног рыцаря раскинулось бескрайнее море. А вокруг было небо — розовато-синее со стороны рассвета. Облака опускались все ниже, двигаясь неторопливо, словно лебеди утром на пруду. И небо тоже было полно золотых и серебряных цветов, как и рухнувшая крышка гроба. Но эти цветы напоминали больше узоры, вытканные на гобелене. И когда рыцарь распрямился, ему показалось, что они коснулись его лица и плеч. Они мягко касались его, не ломаясь и не падая.

А впереди ещё выше, среди скал был замок, который будто вырастал из горы, и казалось, он был из золота. А под ногами рыцаря была дорога, вымощенная лазуритами и сапфирами. На обочине дороги у подножия скал примостились деревья. И хоть ветви их были в цветах, на них висели плоды, которые сверкали, как маленькие зеркала, и источали аромат, подобного которому не было ни у одного плода и ни у одного цветка на Земле. Случайно или по замыслу, невозможно было прийти сюда, но вера и воля могли сделать невозможное.

Вот так Седревир вступил в Королевство Воздуха, и перед ним встал Замок Кости, ослепив рыцаря своей славой.

Тогда он подошел к воротам и протрубил в рог, издавший длинную, вибрирующую ноту, дверь в воротах открылась без единого звука. Перед рыцарем открылся двор замка. Он был вымощен мрамором, и башни поднимались одна над другой, как языки пламени, вершины которых было не разглядеть. В центре двора росла бурая ива, искривленный ствол которой искрился серебром. На её

ветвях висели мечи, копья и щиты, раскрашенные в цвета многих десятков рыцарей, так что дерево это выглядело весьма своеобразно. Под ним рыцаря ожидала девица, одетая в мешковину. Её волосы были белыми как соль, а её глаза — мертвенно-бледными, зеленоватыми, как потертое стекло. Но она была прекрасна.

— Постой, рыцарь, ты должен оставить тут свое оружие и доспехи.

— Точно так же, как остальные? — заметил Седревир.

— Да. Но не все вернулись за ними — это правда. Но вы вошли в Королевство Воздуха и должны соблюдать его законы.

Седревир обнажил меч и снял щит с плеча, а потом отдал ей вместе со своим шлемом. И дева подняла все это железо, словно то и вовсе ничего не весило.

— Кто охраняет вас, госпожа? — спросил он тогда её. — Вы одна, и почему вы выдвигаете то суровое требование любому человеку, который приходит сюда?

— У меня есть защита, пусть и невидимая. Я — Моргаинор, и я сама охраняю это место и сокровища, которые вы ищете.

— Охраняете от таких, как я... — тихо добавил он низким голосом.

— Заходите в башню, самую высокую, и поднимайтесь вверх по лестнице.

При этих словах Седревир побледнел, и сердце его забилося очень сильно.

— А нет другого способа?

— Это можно будет сделать лишь подобным образом.

И вот, оставив деву, которая назвалась Моргаинор, рыцарь пересек двор и подошел к двери самой высокой башни, которая открылась при его приближении. За дверью он увидел лестницу, уходящую в небеса. Она

была из полированного черного дерева, инкрустированного слоновой костью. И еще внутри башни в воздухе тоже висели цветы из золота и серебра, и они задевали его лицо и плечи, когда он начал подниматься на башню. Двигался он с лихорадочной легкостью. Слезы стояли в его глазах...

Теперь, когда он начал подниматься по лестнице из черного дерева и слоновой кости, та словно сама начала помогать рыцарю идти, а под ноги ему падали цветки, которые он видел и чувствовал, и воздух стал гуще, словно от чьего-то невидимого присутствия. Иногда чьи-то прикосновения щекотали его, словно его касались то ли невидимые драпировки, то ли крылья. И ещё, там, где лестница поворачивала, звучали голоса, мягкие и мелодичные, говорившие на языке, который раньше он никогда не слышал.

Наконец, он снова увидел свет небес. Но, когда лестница закончилась, перед рыцарем оказался палисад в три человеческих роста, сложенный из человеческих костей. И лучи света били сквозь него и из дыр безглазых черепов, которые были слишком белыми, словно вылепленными из алебаstra. Но они были из кости, самые что ни на есть настоящие.

Эта дверь не открылась для Седревира. Он прошелся перед ней, в лучах просачивающегося снаружи тускло-госвета.

Тогда шевельнулась тень у двери. Там оказалась сутулая, полная женщина, одетая в мешковину. Её светлые волосы слиплись, и лицо её выглядело очень некрасивым, хотя её взгляд был точно такой же, как у девы во дворе.

— Вы должны сделать мне подарок, — сказала она. — Или я не смогу открыть вам дорогу.

— И что я могу вам дать? У меня ничего нет.

— Дайте мне черную ракушку и кроваво-красную колючку, — попросила она.

Он оставался верен себе и своим обетам и в замке под озером, и в замке Земли и Огня. Ракушка и колючка — все, что у него оставалось в память об этом. Вытащив из-за пояса свои трофеи, он положил их на ладонь уродливой женщины.

При этом она улыбнулась, покачала головой и закрыла ладонь рукой.

— Я — Моргаинор, — повторила она. — Помните? Мы встречались раньше.

— Вы — Моргаинор, и я отдал вам все, что вы просили.

— Твое сердце без пятнышка и без каких-то изъянов, — объявила она. — Неужели эти вещи ничего для вас не значат? Вы ведь отдаете их с такой легкостью?

— Это всего лишь ракушка и колючка, — ответил он.

— Тогда, рыцарь, я дам тебе одну вещь в обмен, а потом открою Врата Кости. — И она протянула рыцарю руку. На ладони у неё лежала золотая игла. И как только он забрал иглу, дверь в центре распахнулась — достаточно широко для того, чтобы рыцарь мог пройти. Когда же дверь распахнулась, рыцарь буквально ослеп от яркого солнечного света.

Воздух тут был прозрачным, как шелк, душистым и холодным. Эта было самое высокое место в башне. Практически её крыша. Столь высокое место, что замок отсюда терялся в одеяле облаков. Мостовая протянулась в обе стороны — округлое пространство без стен. В центре площадки был круг из белых камней, каждый выдавался из пола, доходя до пояса человека. Солнечные лучи сверкали на камнях мостовой, и башня казалось золотой — все вокруг тонуло в блестящей дымке.

А потом среди этого блеска стали формироваться фигуры... Сначала Седревир просто стоял неподвижно, а затем опустился на колени. Хотя полностью рассмотреть их не смог, ему все же показалось, что они больше всего напоминали ангелов, блестящих, одетых в мантии из парчи, с большими крыльями. И у каждого над головой сверкал нимб. И эти странные эфирные существа буквально парили над землей. Но ни одно из них не вошло в круг камней.

Страшно устав, Седревир встал на колени и молился, потому что ему тяжело было взирать на спящее солнце и ангельские существа. Когда он молился, каждый крошечный грех, каждая слабость, которую он давал в жизни, всплывало в его памяти, и ему становилось стыдно. Он начал верить, что, как и другие, чье оружие и доспехи остались на дереве ивы, он тоже высохнет в этой ванне света и умрет. Недостаток его как человека, так и священника-воина, был в том, что он не мог вынести несравненную красоту, которая его окружала.

Потом он услышал звон колоколов и, вздрогнув, поднял голову. В небе на востоке ему открылось видение. По воздуху плыл сверкающий корабль. У него был поставлен парус, который сиял, словно алая бронза, и на носу корабля был вырезан орел. Группа рыцарей гребла позолоченными веслами, гоня судно через эфир. А молодые девушки стояли на корме, звонили в колокола и жалобно пели.

Все ниже и ниже спускался корабль. Вот он проскользнул над кругом камней и опустился на край башни. Когда судно приземлилось, рыцари подняли весла. Один из них, одетый в белое, спустился с палубы. С ним была старуха-калека, одетая в мешковину с капюшоном, который закрывал лицо. Они подошли, и в то время

как Белый рыцарь отошел в сторону, старуха шагнула к Седревиру.

— Я — Моргаинор. Мы встречаемся в третий раз. Теперь отдай мне золотую иглу, и тогда я открою тебе одну важную тайну.

Седревир поднялся с колен. Он посмотрел на Белого рыцаря, чье лицо было прекрасно, как восход солнца. Седревир посмотрел на ведьму, которая выглядела безобразно, несмотря на её лазурно-зеленые глаза.

— Госпожа, перед тем как я попал сюда, вы предупредили меня, что я слишком легко отдал вам раковину и колючку. Может, мне не стоит с такой же легкостью отдавать вам иглу?

— Вы должны. А так как вы должны, вы так и делаете.

— Думаю, что сначала я должен разгадать загадку, — объявил Седревир. А потом, опустив взгляд, продолжил: — Раковина была символом Грааля, а символ шипа — Терновый Венец. Игла — копье Боли. Я недостойн видений, которые были посланы мне и, случайно, тем не менее, в соответствии с замыслом Бога, являются ключом к этим святыням. Я пока подержу у себя эту иглу, и не оставляю её, пока не увижу копья. Или я приму смерть на копье рыцаря более достойного, чем я, вроде воина, который стоит рядом с вами.

И тогда старуха снова заговорила:

— Седревир, вы не должны строить предположения. Если Бог выбрал вас, как вы смеее судить? Что все ваши знания в сравнении с Его знанием? Загляните в свое сердце, но он видит много больше — видит вашу душу. Он видит, что бы вы там ни говорили, что бы вы не говорили и не потеряли. Разве все ваши ощущения имеют значение? Разве Христос не обещал Небеса убогому вору?

Глубоко вздохнув Седревир, ответил ей:

— Я нахожусь в руках Божьих.

И с этими словами рыцарь протянул иглу старухе. Та забрала иглу и распорядилась:

— Ступайте на корабль. Это и есть тайна, и последнее испытание. Больше говорить не о чем.

Седревир направился к летающему кораблю, и Белый рыцарь в какой-то момент присоединился к нему, пошел рядом.

— На борту корабля проклятая, но вы сможете освободить её, — голос рыцаря звучал издалика, словно отдаленная музыка.

— Что за проклятие такое? — поинтересовался Седревир невыразительным голосом — сердце его болело, потому что слова карги Моргаинор вызывали сомнения. Но он был усталым. Его рвение разом иссякло.

— Вы увидите саму природу проклятий. Разрушить его само по себе не так уж сложно. Оно лежит на борту этого корабля... Воспользуйтесь случаем, поцелуйте её в губы. Все должно закончиться хорошо.

— Но я не смогу этого сделать, — мрачным голосом ответил Седревир. — Любое близкое общение с женщинами запрещено мне.

Они уже достигли корабля. Нос его был высоко задран, и лучи солнца били сквозь парус. На корме опустив головы, стояли девушки. Они сложили руки на груди. Рыцари не двигались. Лестница-трап вела на среднюю палубу судна, и Седревир прошел по нему и ступил на корабль. Посреди палубы стояли носилки, укрытые балдахином из синего шелка.

— Здесь, я бессилён, ничего не смогу сделать, — сообщил Седревир Белому рыцарю.

— Но... Хотя бы взгляните на неё. Может, вы все-таки решите это сделать.

Под пристальным взглядом рыцаря Седревир подошел к носилкам и приподнял край балдахина. А потом он отпрянул, не в силах сдержать стон сильнейшего омерзения. И все же, не веря самому себе, он смотрел и не смог отвести взгляд в сторону.

На носилках лежало странное, бесформенное существо. Если это и была женщина, то страшнее её явно не существовало в мире, кроме того, она отчасти была рептилией. Её тело вздымалось волнами плоти, бесформенными под шелковыми одеждами. Руки напоминали цепкие руки ящерицы, покрытые узором тусклых металлических чешуек. А ниже талии это была и вовсе змея, покрытая отвратительной слизью. И вокруг всего этого создания скользили волосы, больше напоминающие откормленных червей, — змеи-волосы, как у Медузы Горгоны. Голова-грудь с лицом старухи, древней, как мумия, вся была покрыта трещинами, гофрированная, беззубая и безгубая. Однако у неё было четыре длинных клыка, как у змеи, но сломанные и бесцветные. Отвратительная вонь исходила от чудовища. Этот запах смог бы поднять мертвого из могилы. И, наконец, Седревир с трудом смог отвести взгляд от него, и только тогда создание заговорило:

— Вы ранены от одного моего вида, — произнесла она. — А я существую в этом облике.

И это был голос потерянного ребенка, которому, казалось, вырвали сердце.

— Это не вызывает сомнения, госпожа, — ответил он.

— Но вы... вы одним поцелуем сможете освободить меня. И сколько будет длиться этот краткий поцелуй? Сколько без него продлится моя жизнь?

Затем Седревир снова уставился на чудовище. Его желудок подкатил к горлу, но теперь он увидел её глаза. Они казались бесцветными и слепыми, но взгляд их был

полон слез и отчаяния. Сто веков ужасного страдания. Возможно, больше ста, но он должен принести искупление за эти страдания. Ведь в его поцелуе не будет ни вожделения, ни желания, а только спасение от ужасной смерти, и не было в этом никакого греха.

Так, Седревир, широко раскрыв глаза, уставившись на неё, склонился в облако вони и мерцающие тени. Он подsunул руку под голову чудовища, утопил руку в гуще волос-червей, а потом прикоснулся к лицу чудовища, прижал свои губы к её змеиному рту и поцеловал, вложив в этот поцелуй всю свою любовь и желание, которое раньше не даровал ни одной женщине. Ощущение было такое, словно он хватился за молнию или очертя голову бросился в море. А потом рыцарь еще шире открыл глаза, потому что увидел, что в руках у него девица, которая так прекрасна, что даже красота Замка Воздуха не могла затмить её. Волосы, струящиеся по его рукам, теперь больше напоминали нити дикого льна, сверкающие на солнце, её глаза стали омутами морской бирюзы, её губы — алым цветком, а кожа чистая, белая... И несмотря на всю свою воздушность, она была человеком. Но дамой столь совершенной... И вот её нежные пальцы коснулись его лба, словно лепестки. Рыцарь ощутил её дыхание, больше напоминающее свежий майский ветерок.

— Поцелуй меня ещё раз, — попросила она.

И в этот миг рыцарь не смог остаться самим собой, и поцеловал её, окунувшись в её красоту с неутолимой жаждой.

— Я тоже Моргаинор, — услышал он её шёпот. — Вот теперь вы отдали мне все...

И не было никакого грома и грохота камней, но свет неожиданно потух. Все пропало. Башня, небо, красавица, рыцари и девы, и корабль. Моргаинор растворилась,

выскользнула из рук рыцаря — утекла, как вода. И Седревир остался во тьме. Сердце его было переполнено болью. Но ненадолго. Вот вспыхнула новая лампа.словно солнце взошло в небо после шторма. Седревир замер, переполненный отчаянием, почти с удовольствием готовый понести наказание за содеянное.

Далее через облака дыма Седревир увидел нечто похожее на золото, потом на серебро, а дальше — малиновый рубин, и потом настала очередь чего-то зеленого. Отбросив в сторону якоря, судно скользнуло куда-то вверх. Рыцарь видел предметы его поисков, висящие в темноте: копье, терновый венец и Грааль. И Седревир, словно в агонии, закрыл лицо и громко зарыдал, потому что только теперь понял, что ему никогда не достичь цели, которую поставил перед собой, — он никогда не добудет ни один из артефактов, за которыми охотился. И пока эти мысли клубились в голове рыцаря, налетел горький, жгучий ветер. А потом снова стало темно. И из тьмы, из-за правого плеча Седревира раздался голос. Рыцарь слышал его однажды, когда перед ними вставало видение в ночь Летнего равноденствия.

— Седревир, разве ты не был предупрежден, разве ты не слышал? Именно твои сомнения не дадут тебе получить положенный приз.

— Господи, это мой грех, — пробормотал рыцарь.

— Кто ты такой, чтобы, стоя перед Богом, судить себя или свои грехи? Ступай. Ты потерял возможность завершить свои поиски не в тот миг, когда обнял деву во второй раз, а в тот миг, когда мысленно обвинил себя в падении и проклял себя.

— Павший и проклятый. Мои обеты были нарушены.

— А кто ты такой, чтобы утверждать, что раньше ты никогда не грешил? Разве ты не простой человек? Или, быть может, ты считаешь себя богом, который безгрешен?

— Я человек. Грешник, отвернувшийся от благодати.

— Но ты был совершенным лишь в собственных глазах, рыцарь, и сам лишил себя этой благодати. И не твое дело, как Бог взирает на тебя, — как на непорочного или грешного. Но, будь уверен, даже Король всего Сущего не сможет вручить тебе то, что ты принципиально отказываешься брать. Иди, рыцарь. Ступай назад, на землю. Поверь, тебе простили твой грех, ибо только безгрешный человек может сказать: «Прости меня за грехи и защити меня от них». Но ты слишком гордый. Зря ты говоришь, что твое сердце ближе к Богу. И ты сам говоришь: «Я не могу себя простить. Я не прощусь».

После этого голос умолк, наступили тусклые сумерки, и Седревир, спотыкаясь, начал спускаться по лестнице из черного дерева и слоновой кости, и вскоре наступила тьма, но она была не такой уж темной. Потому как это была всего лишь ночь, сомкнувшая над миром свои крыла...

Ветви ивы каскадом спускались к земле, и где-то на её ветвях висели оружие и доспехи, которые он оставил, входя в замок. Рядом никого не было, лишь серебристая змея, тело которой трижды обернулась вокруг ствола ивы. При приближении рыцаря змея зашипела. И тогда шлем, щит и меч Седревира сами упали на мраморные плиты. Рыцарь подошел и забрал свои вещи, а потом, сгорбившись под тяжестью обрушившегося на него, он вышел из замка и начал спускаться с горы.

Седревир шел день и ночь, почти не сознавая, что он делает, и в конце концов он заблудился, какое-то время блуждал. Люди нашли его в одной из долин. Они привели ему коня — его скакуна, худого и грустного. До этого тот оседланным в одиночестве бродил по долине. В лесу, куда потом попал рыцарь, не было никаких следов дикого оленя. Только теперь туда, где раньше раскинулись и цвели сады, пришла зима.

Седревир ехал на юг, по снегу, который покрыл землю белым плащом. Но еще несколько дней, повернув голову, он мог видеть снежные вершины, сияющие в небе, словно маленькие кусочки зимней Луны. За все это время одинокий странник не видел ничего интересного, с ним не случилось никаких необычных приключений. Седревир возвращался, осознавая, что его поиски провалились. И это, пожалуй, было даже хуже, чем просто смерть. А ведь он знал, что на той иве висели доспехи и оружие тех, кто прошел испытание и не был отвергнут. Но ведь ангел сказал, что он был отвергнут навсегда...

— *СКАЖИ МНЕ ТОГДА, откуда знаешь так много об этом путешествии, о горе и потере этого рыцаря?*

— *Откуда я знаю? Я тоже искал Грааль, но давным-давно. Я тоже боролся, но потерпел неудачу. Я тоже слышал эти ужасные слова — не сердцем и разумом, а в глубине души. Бог не тот, кто жесток. Но всем нам пойдет на пользу Mea culpa. Mea maxima culpa¹³. И быть может, получив его, мы потеряем себя.*

БЛУДНЫЙ СЫН

1. Бегство на восток

НОВОРОЖДЕННЫЕ, ТОЛЬКО ПОЯВИВШИСЬ на свет, умеют плакать, но не умеют смеяться. Однако, знакомясь с миром, они быстро приобретают этот навык. Так происходит сейчас, и так было тогда, в эпоху,

¹³ Покаяние. Максимальное покаяние (лат.).

когда земля была плоской. И, возможно, это врожденное знание горя и быстрое знакомство с радостью очень много говорит о том, что собой представляет школа жизни.

Конечно же, богач, слыша крики и плач своего новорожденного сына, говорит себе: «Скоро его настроение изменится». И думает о всех тех радостях, которые ждут мальчика на его жизненном пути.

И действительно, эти радости и приходят. Он живет во дворце, где ему прислуживает бесчисленная челядь. Огромные покои отданы ему для игр и прочих развлечений. А когда он вырастает, получает в распоряжение целую анфиладу комнат. Стоит ему захотеть чего-нибудь — желание тотчас исполняется. Он вступает в юность, а на конюшне уже дожидаются белоснежные скакуны, на псарне — гончие, в птичнике — соколы с серебряными колокольчиками. Стоит ему назвать какое-нибудь редкое блюдо или вино — и ему тут же доставляют его. А чтобы утолить другие желания барчука, к нему в сумерках приводят прекрасных женщин с волосами, умащенными кедровым маслом. Он получает княжеское образование.

Отец часто отсутствует. Однако, когда он дома и не занят делами, он кидает взгляд на подрастающего мальчика и говорит себе: «Я дал ему все, что мог».

Так было и с Джайрешем. Его отец считал, что сын любит его и испытывает благодарность. Но это было не так. Мальчик, ни в чем не испытывая недостатка, начал ощущать неизъяснимую тоску, словно от него что-то утаивали, а он не мог ни назвать, ни определить предмет своего желания. Поэтому он стал превращаться в обидчивое, вялое и разочарованное существо. Он постоянно испытывал тревогу и не находил себе места. Он чувствовал, что волшебная птица его неведомой мечты улетает все дальше и

дальше. В надежде догнать ее он устраивал сумасбродные пиры, от которых потом по нескольку дней не мог прийти в себя, или скупал целые библиотеки и запирался с книгами на несколько недель. Он делал ставки в гонках колесниц и на лошадиных бегах, он играл в кости и не выигрывал. Он отпраиваялся охотиться на редких животных и исчезал на месяцы. Раз два он влюблялся в чужих жен и соблазнял их или сам оказывался соблазненным, а потом, устав от этих радостей, бросался в объятия самых низменных и грубых женщин, которые хотели от него только денег, как и его низменные и грубые приятели, собутыльники, знакомые по скачкам, хитрые охотники и торговцы.

В один прекрасный день Джайреша призвал к себе отец.

— Сын мой, — промолвил он, — смотрю я, чем ты занимаешься, и мне это не очень нравится. Что скажешь?

Джайреш ответил ему невозмутимым взглядом и не сдержал зевок.

Отец нахмурился.

— Я вижу, что ты разбазариваешь богатства нашей семьи, впустую тратишь состояние, которое накапливали три поколения. Однако ты должен знать, что тебе здесь не принадлежит ни гроша, пока я не умер, о чем, надеюсь, ты не очень мечтаешь.

При этих словах Джайреш опустил глаза. Его отец счел это за проявление стыда, что, впрочем, соответствовало действительности, так как юноша с некоторой неловкостью понял, что ему совершенно безразлична жизнь отца.

— А потому я решил, что разгульной и беспечной вольнице пора положить конец, и я намерен воспользоваться средствами, которые почерпнул из древних легенд и сказаний. Вот что я собираюсь сделать. Все твои глупости проистекают из моего попустительства.

До сих пор ты научился только бросать деньги на ветер. Поэтому я решил отослать тебя к моему другу и деловому партнеру. Он примет тебя в свой дом как необученного слугу, иными словами, ты займешь самое низкое положение. Днем будешь выполнять любые поручения этого человека или его управляющего — подметать пол, выносить помои. А по ночам — кормиться из общего котла и спать на полу в кухне. С рассветом тебе предстоит вставать и возвращаться к своим обязанностям. По прошествии девяти месяцев, если ты проявишь трудолюбие и усердие, мой друг вознаградит тебя и отправит домой. Если же он останется недоволен, тебя ждет жестокая порка, и ты прослужишь ему еще девять месяцев уже без всякой надежды на вознаграждение. И спать будешь на голой земле, а питаться тем, что сумеешь выпросить или украсть у скотины.

Закончив свою речь, богач сложил руки на животе. Он полагал, что избалованный сын, которого он знал не слишком хорошо, бросится ему в ноги и взмолится о снисхождении.

Однако Джайреш, от ярости едва способный говорить, сказал совсем другие слова:

— Если такова ваша воля, я спрошу лишь об одном: когда мне уйти?

Богач растерялся. Он ожидал любого ответа, кроме этого. Он и не собирался никуда отправлять юношу, однако теперь его тоже охватил гнев.

— У тебя есть три дня, — провозгласил он.

— Я не хочу обременять вас своим присутствием и отправлюсь завтра же, — вскричал Джайреш. — Где живет ваш друг?

— Тебе сообщат об этом на рассвете, — ответил богач. — И одновременно дадут осла, чтобы ты мог добраться до места назначения.

— Я дойду пешком, — объявил сын.

— Он живет не близко.

— Тогда я отправляюсь нынче же вечером, — решил Джайреш.

И в некотором замешательстве богач сел и написал письмо своему бывшему партнеру, который жил в шести днях хода, на востоке...

Вечерняя звезда начала спускаться с небосклона, когда Джайреш вышел из отчего дома. Привратник, полагая, что барчук отправляется на очередную пирушку, с сомнением поприветствовал его и удивился, что он покидает усадьбу без слуги и лошади. Джайреш двинулся на восток, навстречу восходящей луне. Та взирала на него холодно и надменно, ибо в эту ночь она была идеально кругла и под стать Джайрешу высокомерна.

Несмотря на то, что Джайреш жил в роскоши, физические нагрузки не были для него в новинку, и шестидневное пешее путешествие не пугало его. К тому же его подгонял гнев. А кроме гнева, одна странная вещь: время от времени до него долетали приглушенные звуки музыки.

Большей частью дорога проходила через возделанные поля, сады и террасы с виноградниками. На горизонте мирно раскинулись холмы, позолоченные лунным светом. И, несмотря на то, что Джайреш часто бывал в этих местах, сейчас они выглядели по-новому. Он вдыхал ароматы фруктов и прислушивался к соловьиному пению. А когда луна зашла, он лег под дикой смоковницей и задремал. Он проснулся от первых солнечных лучей, как от поцелуя, встал, искупался в пруду и нарвал смокв, — покидая родительский дом, он был в такой ярости, что даже не прихватил провизии.

Все утро он шел и остановился лишь в полдень у колодца. Там уже сидели путники; приняв Джайреша за такого же, как они сами, бродягу, они втянули его в разговор

о торговле, повадках собак и верблюдов и капризах служанок в тавернах. Джайреш, получая удовольствие от их болтовни, притворялся, что тоже принадлежит к их братству, и рассказывал байки, которые звучали почти правдоподобно. На склоне дня он пошел дальше, и на закате его догнал караван. Из раскачивающегося паланкина, занавешенного шелком, выглянула женщина с чадрой на лице и послала к Джайрешу слугу.

— Моя госпожа спрашивает, чем ты торгуешь?

— Скажи ей, что ничем, — ответил Джайреш.

Слуга вернулся к паланкину и вновь поспешил к Джайрешу.

— Тогда моя великодушная госпожа просит тебя принять это серебряное кольцо.

Джайреш рассмеялся. Удивительная легкость охватила его, и он ответил:

— Скажи своей доброй госпоже, что я не могу принять от нее такого дорогого подарка. Я выброшен из дома, как дырявый башмак, и держу путь на восток, чтобы искупить грехи.

Слуга ухмыльнулся, ибо ему были известны намерения его госпожи, но ничего не оставалось, как передать ей слова Джайреша. Занавеси тут же задернулись, и караван двинулся дальше.

Тем же вечером после захода солнца Джайреш вошел в таверну, где за хороший обед расплатился золотой пряжкой от своего ремня. Эта пряжка не была куплена на деньги отца — ее с полгода тому назад подарила юноше любовница. Затем Джайреш покинул таверну и провел ночь на голой земле под холодными звездами.

И еще четыре дня изгнанник шел на восток. Перед ним открывались то знакомые, то незнакомые виды, но и знакомые дышали новизной и свежестью. На третий вечер, когда небо покраснело от закатного солнца, он

увидел огни города, где прежде часто бывал, играл в кости, пил и занимался любовью. Но теперь, когда он знал, что не переступит околицу, город показался совсем иным. Он источал таинственность и вызывал благоговение, из самого его сердца поднималась чистейшая тьма, а за каждым горящим окном, казалось, пировали и веселились.

Джайреш делил хлеб и дикие плоды с другими путниками на обочинах дорог. Он утолял жажду водой из источников, которые бьют из-под земли для всех людей, и молоком, которое ему подносили на фермах, а однажды вечером, когда он повстречал процессию счастливого жениха, его даже угостили вином.

На пятый день Джайреш сошел с дороги и углубился в скалистые, поросшие лесом горы. Целый день он карабкался под свисающими с ветвей лианами, и птицы разлетались в стороны при его приближении, а однажды в зарослях он увидел робкую олениху. Когда солнце двинулось вниз, заливая все вокруг позолотой, а на небе появились звезды, Джайреш увидел перед собой тропинку, которая спускалась в долину. Там, среди древних темных деревьев, возвышался огромный каменный дворец. У Джайреша екнуло сердце. Здесь заканчивалось его путешествие, ибо это не могло быть не чем другим, как домом отцовского приятеля — какого-нибудь строгого и чопорного старика.

«Ну что ж, я вдоволь вкусил свободы, — подумал Джайреш. — Теперь мой удел — неволя». И он пошел к дворцу.

Размеры и архитектурное великолепие дворца затмевали не только родительский дом Джайреша, но и все виденное им ранее. Террасы крыши налегали друг на друга, а над ними высились огромные башни. Колоннады, обрамлявшие длинную широкую лестницу, поддерживали

крышу портика. За полверсты от дворца тропинка переходила в мощеную дорогу, по обеим сторонам ее стояли на мраморных постаментах изваяния зверей и птиц — львов, ибисов, журавлей и обезьян; их фигуры призрачно мерцали в угасающем вечернем свете. У подножия дворца в мрачном величии раскинулись сады с султанами пышных деревьев и гребнями водопадов. Все это тоже было позолочено заходящим солнцем, оно распадалось на тысячи осколков в бронзовых веерах хвостов разгуливавших по лужайкам павлинов. Однако в самом дворце не было видно ни огонька.

Достигнув мощеной дороги, Джайреш ощутил совсем иные чувства. Что-то в этом месте, в ароматах садов, золотых павлинах и самой тишине настораживало и зачаровывало. Все здесь отличалось от привычной атмосферы его дома. И в этот момент на дороге перед Джайрешем возникла чья-то фигура, прямая, как постамент, и облаченная в черное. Она напоминала исполинскую птицу, стоящую на одной ноге и держащую в другой тонкий жезл.

— Сообщи мне, кто ты таков и чего желаешь, — произнес незнакомец.

Джайреш ответил надменно, не упустив ни единой подробности. Он полагал, что с этого мгновения его начнут унижать, и не желал, чтобы его приняли за безвольного труса.

Посланец внимательно выслушал его, после чего издал странный звук, свидетельствовавший, возможно, об удовольствии. Джайреш с высокомерным видом пропустил его мимо ушей. Он прекрасно понимал, что, заняв самое низкое положение среди прислуги этого дома, он подвергнется всеобщим насмешкам и издевательству. И если обращать на них внимание, это лишь усугубит его положение.

— Ну что ж, если ты готов к примерной службе, пойдём, — изрек его собеседник. — Человек, которому ты будешь отныне служить, живет в этом доме.

Посланец посторонился, и Джайреш двинулся к дому, услышав за спиной троекратный удар жезлом. И внезапно во дворце зажглись все окна, озарив все вокруг таким сиянием, словно взошло солнце. На всех крышах и у всех дверей загорелись факелы. Джайреш в изумлении остановился, и в то же мгновение хлопанье крыльев над головой заставило его поднять глаза. Огромная птица, похожая на цаплю, пролетела над садом и скрылась в сверкающем дворце.

Юноша двинулся дальше, поднялся по лестнице и оказался под крышей портика. Дверь в дом была распахнута, за ней виднелись два зала, один прекраснее другого. Они были обставлены с такой изысканной роскошью, что Джайреш долго не мог прийти в себя от удивления. За украшенными позолотой и драгоценной мозаикой дверями виднелся третий зал с черным, как уголь, полом. В центре зала бил фонтан, окруженный бассейном из прозрачного зеленого стекла, в колоннах, увитых живым виноградом, резвились птицы. В глубине зала на ложе покоилось какое-то существо. Оно не спеша приподнялось и взглянуло на Джайреша.

Джайреш окаменел. Несколько мгновений он не мог решить — не то уносить ноги, не то вытащить короткий клинок и вступить в схватку, ибо на ложе восседал черный ягуар из рода пантер, с горящими, как угли, глазами. А еще через мгновение он раскрыл пасть.

— Подойди ближе, — отчетливо произнес он, обращаясь к Джайрешу. — Я уже не так молод и плохо вижу на таком расстоянии.

Джайреш в изумлении повиновался. Он остановился в нескольких шагах от ложа.

— Не бойся, — сказал ягуар. — Я уже пообедал. К тому же ты мой гость. Есть тебя будет не слишком-то вежливо.

При этих словах Джайреш рассмеялся. А ягуар наградил его явно неодобрительным взглядом.

— Прошу прощения, господин, — произнес Джайреш. — Но я еще никогда в жизни не встречал зверя, который владел бы даром человеческой речи.

— Позволю себе не поверить, — откликнулся ягуар. — Возможно, ты неоднократно встречался с такими зверями, просто они не устаивали тебя беседой.

— Не смею возражать, — ответил Джайреш. — А смех мой был вызван лишь изумлением. Ваш господин — волшебник? Это он научил вас разговаривать?

— Господин? — удивился ягуар. — Я здесь господин. Джайреш едва не рассмеялся вновь.

— Неужто ты друг и партнер моего отца? — пробормотал он. — Если так, мне придется признать, что я недооценил родителя.

— Скажу лишь одно, — ответил ягуар. — Мне известно о намерении твоего отца сделать тебя нижайшим из слуг, дабы это принесло тебе пользу. Должен добавить, что я в некоторой растерянности. Ибо в этом доме все делается с помощью волшебства, и здешние обитатели проводят свою жизнь, не обременяя себя службой. В настоящий момент я ничего не могу тебе поручить. Однако я все как следует обдумаю. Завтра мы вновь увидимся и поговорим, а пока чувствуй себя как дома. Стоит только попросить, и ты получишь все, что захочешь. За исключением женщин, в моих владениях нет людей. Тем же особам, которых ты здесь встретишь, включая моих жен, ты должен оказывать самое глубокое уважение.

— Мой повелитель, вы так великодушны, что я готов повиноваться вашей воле. Позвольте узнать лишь

одно — каких еще особ, кроме ваших жен, я могу здесь встретить, чтобы я смог к ним обратиться должным образом?

— Кроме пантер, здесь есть несколько тигриц, гиен и лисиц, одна пифия и целый гарем питона. Здесь также обитает благочестивое семейство волчиц, поклоняющихся луне, и бесчисленное количество крылатых дам, которых ты уже видел. Хочешь, здоровайся с ними, хочешь, нет. От тебя требуется лишь обычная учтивость, поскольку ты еще не сведущ в наших обычаях.

Ягуар прикрыл глаза, показывая, что аудиенция закончена. Двери тут же распахнулись, и Джайреш как во сне вышел из зала в богато убранный коридор... Миновав анфиладу комнат, чьи двери сами распахивались при его приближении, Джайреш достиг покоев, сдержанная пышность которых превосходила все, что ему когда-либо доводилось видеть. Здесь невидимые слуги нежно и тщательно вымыли Джайреша в бирюзовой ванне и умастили его тело благовониями. Потом невидимые джинны подали ему ужин на золотых блюдах. И он лег на постель божественной мягкости. Балдахин над кроватью был расшит сияющими звездами, над ними виднелось изображение луны. Когда Джайреш проснулся, и на балдахине, и в окне уже сияли солнца. Не успел он встать, как снова оказался в руках невидимой прислуги: его накормили редкими блюдами, облачили в княжескую одежду, и он, вновь пройдя сквозь анфиладу, оказался в зале ягуара.

На этот раз хозяин дома был не один — его окружала свита. На кушетках восседали и возлежали его жены в драгоценных серьгах и ожерельях, рядом стояли советники: тигры, обезьяны и старый бык, который за свою проныцательность пользовался всеобщим уважением. Повсюду в зале виднелись и другие животные, зачастую рядом

стояли представители видов, обычно не ладающих друг с другом. Львы беседовали с ягнятами, газели прогуливались с волками, а в нише лиса играла в шахматы с гусем. Огромная цапля, стоявшая у трона, трижды стукнула жезлом по полу.

Под неотрывными взглядами прекрасных звериных глаз Джайреш приблизился к ягуару и учтиво поклонился.

— Юноша, — промолвил тот, — мы обсудили твое появление и пожелание твоего отца. Я всегда стараюсь оказывать помощь, когда это в моих силах. Я посоветовался с ученым быком и решил отправить тебя к свиньям, которые живут в саду.

— Вы хотите сказать, мой господин, что поручаете мне пасти стадо свиней? — переспросил Джайреш.

Ягуар скрестил лапы.

— Не совсем. Впрочем, свиньи объяснят тебе лучше, ведь они великие философы. Можешь отправляться прямо сейчас. Цапля, мой управляющий, отведет тебя.

Было совершенно ясно, что аудиенция закончена. Звери позабыли о Джайреше и вернулись к светским беседам.

Джайреш последовал за цаплей, торжественно скакавшей на одной ноге и державший церемониальный жезл в другой, и вскоре вышел из дворца. Они пересекли сады и оказались на девственной земле. Они спустились по склонам холмов в мшистый овраг. Перед ними высились исполинские деревья, поросшие лианами, на черных стволах виднелись отметины от огромных клыков. Джайреш, пребывавший все это время словно в веселом сне, слегка растерялся.

— Подождите, господин цапля, — промолвил он. — Похоже, эти свиньи очень велики.

— Это действительно так, но тебе не о чем беспокоиться. Мы ведем здесь мирную жизнь и никому не причиняем вреда. Даже плоды и мясо, которые ты ел вчера

и которыми подкреплялся сегодня утром, не что иное, как иллюзия, хотя они и очень питательны. Мы владем могущественными чарами, а потому не испытываем необходимости в насилии. Мой господин шутил, когда вслух размышлял, нельзя ли тобой пообедать. С твоей головы не упадет ни единый волос.

Нельзя сказать, что эти слова вполне успокоили Джайреша. Он хотел задать цапле еще один вопрос, но тут в кустах раздались громкий шум и треск, и выскочили три белоснежных кабана с горящими, как расплавленное золото, глазами.

Джайреш решил, что настал его последний час, и повалился на колени.

— Он молится? — осведомился один из кабанов. — Не следует его беспокоить, пока он не закончит.

— Господин, — пролепетал Джайреш, — у меня при себе нож. Однако силы наши не равны, и поэтому я не буду сопротивляться. Так что, если вы намерены убить меня, прошу лишь об одном: сделайте это быстро. Я не хотел бы показаться вам трусом, а надолго мужества у меня неостанет.

Цапля многозначительно ухнула, говоривший кабан приблизился к Джайрешу и заглянул ему в лицо.

— Мы не причиним тебе вреда.

— Но я же охотился на ваших братьев, убивал их, — невольно вырвалось у Джайреша, — хотя, должен признать, они были гораздо меньше и не разговаривали со мной.

— Вашему роду свойственно убивать, вы расправляетесь даже с теми, кто умеет говорить, — ответил кабан. — Однако вставай. Благочестивые волчицы принесли нам послание от нашего господина ягуара, которое было доставлено им зябликами. Тебя препоручили нашей заботе. Поэтому пойдем.

Джайреш, изумляясь происходящему и снова глуповато улыбаясь, встал и пошел за тремя белоснежными кабанами в заросли к югу от сада.

Они шли все утро. К полудню достигли густого древнего леса, росшего во владениях ягуара, и вышли на берег виноградно-зеленой реки, где жило стадо свиной — кабаны со своими женами и многочисленным потомством. Пока они подходили к берегу, Джайреш обратил внимание на странную противоестественность. Все стадо было белоснежным и золотоглазым. Чистые, опрятные, блестящие свиньи прохаживались или отдыхали под лучами полуденного солнца, пробивавшегося сквозь кроны деревьев, и тихими приятными голосами вели мирные беседы.

«Нет, это точно не сон», — подумал Джайреш, и смущение, смешливость, а вместе с ними и страх наконец покинули его. Какой бы странной ни была реальность, она рано или поздно становится очевидной.

Свиньи поприветствовали его с легким оживлением и совсем не в той манере, что придворные.

— Кажется, твой отец хотел, чтобы ты спал на голый земле и вел простую жизнь, — промолвил кабан, который первым заговорил с Джайрешем. — По крайней мере, здесь тебе не придется подметать полы, это делает ветер. Не надо и выносить помой, так как грязь разводит только людской род, а также звери, которых люди держат в плену. Но жизнь твоя действительно будет простой, ты сможешь делить с нами все, что мы имеем, включая нашу долю чар. Точно так же, как придворные нашего господина ягуара, мы — волшебники, а кроме того, владеем человеческой речью и некоторыми человеческими манерами.

Джайреш устроился на земле среди свиной, которые любезно сотворили для него из воздуха вкусную пищу

и свежую воду, и начал расспрашивать их о том о сем. Свиньи отвечали спокойно и охотно. Таким образом он познакомился с забавными сторонами их жизни.

Они сообщили, что в царствах зверей, как и в царствах людей, есть свои боги, только боги животных с любовью относятся к своим творениям. (Следует вспомнить, что боги Плоской Земли давно уже отвернулись от людей. Поскольку Джайрешу ничего не было известно об этом, он не спорил. К тому же он был молод, и боги человечества еще мало тревожили его.)

Большинство зверей на земле рождались, жили и умирали самым естественным образом. В отличие от людей, эти звери не обладали индивидуальными душами, но были частью одной общей души, то есть самого бога, который выпускал из себя бесчисленное количество тварей, существовавших отдельно, но связанных с животворным источником психическими нитями. Таким образом, звериные боги, которых было столько же, сколько видов зверей на земле, включая птиц, рыб, рептилий и насекомых, могли ощущать в каждое мгновение бесчисленное количество земных жизней и одновременно свою собственную вечную жизнь.

Однако время от времени звериное божество производило на свет создание, исключительно одаренное духом. Такое животное отличалось от всех остальных представителей своего рода. И, поскольку звериные боги по своей божественной сути обладали даром человеческого разума, эти высшие животные, стоящие недалеко от них, выделялись как гении в обществе людей. Они умели разговаривать и мыслить, они становились философами, художниками, магами и чародеями. Одновременно они утрачивали всю звериную свирепость и свойственное людям варварство. Они вели чистый, хотя иногда и фривольный образ жизни и, подражая людям, объединялись в

сообщества, в которых бытовала своя система правосудия и которыми правил избранный ими повелитель. Иногда они даже облачались в человеческие одеяния, соблюдали человеческие обряды и исповедывали человеческую веру, как, например, поклонявшиеся луне волчицы, считающие ее белым волком. Другие, в свою очередь, становились отшельниками, как семь сов, обитавших в лесу и не произносящих ни слова. Из ночи в ночь они занимались лишь тем, что составляли воображаемые карты движения звезд, которые на самом деле были неподвижными в силу плоской конфигурации земли.

Эти разнообразные и эксцентричные занятия также высоко ценились звериными богами, хотя после своей смерти высокоморальное существо вновь поглощалось создателем наравне с низшими представителями его рода.

Все это Джайрешу рассказали свиньи, пока он сидел с ними на берегу виноградно-зеленой реки, и он всему поверил. И пока они говорили, юноша вдруг ощутил, как отличаются от них души людей, и почувствовал страстную тягу к грубой звериной простоте. Ему захотелось стать котом, гончей, лошадью или молочно-белым кабаном...

— Считается, — добавил кабан, обратившийся к Джайрешу первым, — что люди на короткое время могут вселяться в тела зверей. Не с помощью магических средств, как это делает перевоплощающийся чародей, но после смерти, чтобы приобрести новый опыт и знания. Точно так же, как иногда после умершего на земле остается его призрак. Однако мы в это не верим...

Так, блудный сын богача прожил несколько месяцев в лесу со свиньями-философами.

Туманная зелень лета начала медленно сменяться багрянцем, а река потемнела, как солод, от отражений, глядящихся в нее с берегов черных и пурпурных ирисов. Холодало, изморозь дымкой покрыла лес, как выдыхаемый

пар замутняет зеркало. Свиньи переместились в высокие сводчатые пещеры на берегу реки. С помощью чар они создали жаровни, в которых полыхали ароматные поленья, и меховую накидку для Джайреша. Мороз окостенил землю, сковал нежные цветы. И свиньи согревали друг друга и Джайреша теплотой своих сердец и огнем жаровен. Они рассказывали красивые истории о князьях и благородных дамах своего племени, но, поскольку им было чуждо насилие и тщеславие, и они относились к любви как к неизбежному факту, а не как к проявлению судьбы, их рассказы не захватывали воображение.

И юноша начал подумывать о том, что настанет день и он вернется в реальный мир, и будет там любить и ненавидеть, грешить и раскаиваться. Пока же он ложился и засыпал рядом со своим другом, белым кабаном, опустив голову ему на бок. Холодный ветер поднимал на реке барашки, а Джайреш ощущал в своей душе такой невозмутимый покой, какого он не испытывал ни с одним человеком.

2. Служба Шарака

НЕТ НЕОБХОДИМОСТИ УПОМИНАТЬ о том, что ягуар вовсе не являлся старинным приятелем богача, к которому тот намеревался отправить своего сына. Путаница произошла из-за туманности объяснений и сходства пейзажа.

Посланец верхом и с более точными указаниями двинулся по другой дороге и через четыре дня достиг дома зажиточного купца Шарака.

Шарак действительно некоторое время вел дела с отцом Джайреша, однако они уже давно не переписывались. Получив письмо от взмыленного гонца, он начал

судорожно копаться в памяти. А прочитав это нелепое письмо, как и можно предположить, купец не особенно обрадовался. В отличие от говорящих зверей из дворца ягуара, узнавших о наказании, наложенном на Джай-реша, из его собственных уст, Шарак счел себя оскорбленным.

— Что это за болван хочет взвалить на меня свою обузу, полагая, что ему дают на это право наши милостивые деловые связи?! Что за идиотская затея? Неужто мне больше не на что тратить время? Однако мне ничего не известно о его нынешнем местонахождении, придется смириться и принять молодого бездельника. Да будут оба прокляты!

И он дал указания управляющим, чтобы поджидали незнакомца — молодого человека из хорошей семьи, который должен прийти пешком.

На следующий день слуга подозвал своего господина к окну. Внизу, на тропинке, вившейся вдоль виноградника, виднелась человеческая фигура в мужском костюме.

Купец поднес к глазам подзорную трубу.

— Что за женственный юнец! — вскричал он, заранее готовясь увидеть в пришельце недостатки и, естественно, находя их. — Только посмотри, какие он отрастил патлы, они свисают из-под головной повязки! К тому же он брюнет, а моя старая няня всегда говорила, что это свидетельствует о дурном нраве. Одежда же, напротив, бела, что совсем не подходит для длительного путешествия. Он еще и бос — что за прихоть! Спускайся, — велел он слуге. — Прими его и проводи ко мне. Он нуждается в строгом обращении.

Слуга вышел из дома, пересек виноградник и добрался до дороги.

— Стой! — распорядился он. — Тебя уже поджидают. Следуй за мной, я отведу тебя к своему господину —

купцу Шараку, которому ты выразишь признательность в благодарность за внимание.

Тропинку заливал солнечный свет, отчего воздух колебался легким маревом, и казалось, что приближающийся юноша тоже лучится и сияет, и пульсирует на ходу, словно бесплотный призрак.

Затем он вошел в тень виноградника и остановился, глядя на слугу, и тот ощутил странную неловкость.

— Такие манеры не доведут тебя до добра. Ты — ничемный мот Джайреш, и отец прислал тебя в этот дом на перевоспитание. Видишь, мне все известно. Так что води себя поскромнее или пеняй на себя.

— Правда? — поинтересовался юноша. И какой у него был голос! Мягкий как пух и нежный как шелк, и угрозой от него веяло сильнее, чем от подколенной змеи.

— Следуй за мной, — приказал слуга. — Или спущу на тебя собак.

Юноша издал злоеший смешок, и волосы встали дыбом у слуги. Однако, когда он повернул к дому, белоснежный юноша бесшумно и крадучись, как кот, последовал за ним. Слуга покрылся мурашками — он ничего не мог понять: шевелюра у этого Джайреша была злоеще черной, а глаза — такими голубыми, что в них было больно смотреть.

Они вошли в дом и добрались до нужной комнаты. Шарак возлежал на подушках, пил вино и вертел в пальцах письмо. Он не сразу обратил внимание на гостя, и тот неподвижно простоял несколько минут. Слуга же переминался с ноги на ногу.

— Вот что интересно, — наконец промолвил Шарак, — чем это отпрыск мог так раздосадовать своего родителя. Твой опечаленный отец просит меня, чтобы я сделал тебя нижайшим из своих слуг. Твой опечаленный отец просит,

чтобы я заставил тебя трудиться в поте лица, а по прошествии девяти месяцев выпорол, если тебе не удастся меня удовлетворить. Что скажешь?

— Скажу, что ты не знаешь моего отца, — ответил юноша таким тоном, что слуга выронил жезл, и тот со стуком упал на пол. Грохот испугал птиц, певших в клетке на окне, и они попрятались за чашку с водой. В комнате наступила гробовая тишина. Можно было даже различить шорох, с которым по полу катился клочок пуха. Даже Шарак отвлекся от письма и поднял глаза.

«Как красив этот мальчик, — изумился он. — Воистину прекрасен. Его можно было бы принять за девушку, если бы не одежда, высокомерная поза и надменный взгляд».

— Я действительно давно не видел твоего отца, — ответил Шарак, смущенно отводя взгляд. — Но вот его письмо, а вот ты, дерзкий мот Джайреш. И ты не покинешь этот дом, пока не получишь жестокий урок.

— Да будет так.

При этих словах птицы нырнули в чашу с водой, а бокал с вином разлетелся вдребезги в руках Шарака, забрызгав его одеяние.

— Убирайся вон вместе с моим слугой! — в ярости вскричал купец. — Прочь с глаз, и да будет твой труд тяжелым и унижительным!

Так приняли дочь князя Демонов Азрину-Соваз...

После горькой разлуки со своим возлюбленным Соваз в печали и гневe исходила много земель в его поисках, и боль не покидала ее. Однако она была неземным существом, и, хотя ее чувства походили на переживания обычной женщины, все же они были совсем иными. Существует несколько рассказов о ее скитаниях.

Известно, что она случайно набрела на поместье Шарака, ибо Судьба была ее близкой родственницей. Она

шла меж пыльными виноградниками, в то время как мысли ее блуждали совсем в иных местах. Затем, принятая за другого, она накинула на себя магический покров и уподобилась смертному юноше. Такова была ее прихоть, ибо она была не менее капризна, чем ее настоящий отец, Владыка Тьмы Азрарн. Вот, пожалуй, и все, что следует упомянуть. Она была дочерью Зла, демонессой, и ей пришлось выполнять самую грязную работу в доме купца. К тому же ее обещали выпороть, если она не проявит усердия.

Слуга, боявшийся прищельца, поспешил покинуть его, как только проводил во двор. Он бросил Джайреша среди разъяренных кухарок, завистливых служанок и злобных мальчиков на побегушках в клокочущем мире кухни. И обитатели этого мира поспешили тут же наброситься на свою новую жертву. Еще бы — миловидный высокородный юноша, низведенный до положения слуги! Он же не обращал никакого внимания на окруживших его челядинцев, хотя они и являлись необходимыми винтиками сложного механизма, без которых в этой усадьбе прекратилась бы жизнь. Они были крысами, они питались отбросами, они крали то, что сами же создавали.

— Какой милашка! — закричали они наперебой, увидев то же, что и Шарак, обитавший над их головами в раю, созданном их руками. (Стоит ли говорить, что они плевали в пироги и бормотали заклятия, замешивая тесто для хлебов? А по ночам, когда небо усеивали звезды, которые тоже, казалось, принадлежали Шараку, слуги совокуплялись в его виноградниках и производили для него на свет новых слуг, которые так же ненавидели его, как и родители.)

Со смехом они показывали пальцами на красивого и опрятного юношу, низвергнутого с небес в их преисподнюю, во двор, смердящий кровью и навозом после недавнего забоя скота.

— Ну-ка, убери здесь все! Да смотри, не испачкай чистенькие башмаки! — кричали они.

Юноша вышел во двор, и тут же наступила тишина, словно все затопило пролившееся с небес жидкое стекло. Тишина сгущалась все больше и больше, так что начала сворачиваться пролитая мясником кровь. Двор вдруг покрылся блестящей янтарной плиткой, украшенной глазурью, и все засияло чистотой. А Ажеджайреш, не пошевеливший пальцем, стоял на месте в своем белоснежном костюме.

Волшебник? Обитатели кухни быстрее своего господина догадались об этом и бросились врассыпную от чужака. Презрительный смех уступил осторожной хитрости и леденящему ужасу.

— Что еще? — осведомился Ажеджайреш.

— Управляющий сказал...

— Управляющий велел тебе...

— Что?

Пальцы указали на отхожее место. Какими драгоценностями ты украсишь его?

Юноша лишь обернулся и моргнул сапфировыми глазами, и воздух наполнился ароматом роз, который исходил из выгребной ямы.

Прислуга бросилась обратно в кухню. Полы там были выметены, хотя никто и не думал браться за метлу. Более того, они оказались выложены разноцветными камнями, и грязь исчезала в тот же миг, что и появлялась. На столах, приготовленных к полуденной трапезе Шарака, возвышались пиршественные блюда, которые никто не готовил ни на сковородах, ни на противнях.

— Отнесите ему, — спокойно промолвил кудесник. — И пусть отведает. Сами же ни к чему не прикасайтесь. Вы будете пировать после.

В полном изумлении слуги подняли тяжелые блюда и двинулись прочь, упиваясь изысканными ароматами, которые вдохнул в яства волшебник. Шли, боясь уронить подносы, шли, увенчанные цветами и разодетые как князья.

— Да пребудут с вами благословения, господин, — провыли они, дико поводя безумными глазами, ибо радость в них соседствовала с ужасом и злобой, ведь они опасались расплаты за такое благодеяния.

— Да снизойдет благодать на вашу голову... — подхватили другие, сбиваясь в кучу и словно прося, чтобы и на них снизошло это дивное изобилие. И в мгновение ока получили его. Так, крича на разные лады, они стояли перед крыльцом.

Шарак, чувствуя беспричинное беспокойство, ходил в верхних покоях, и вдруг к нему ворвалась толпа пышно разодетых слуг. Они были пьяны от прихоти демона, они упились его сладостным дыханием. Крича и улюлюкая, они расставляли блюда для своего господина. Он смотрел на них в изумлении, едва узнавая лица.

— Что все это значит? — наконец истошно проревел он.

— Мы не знаем! — визгливо прокричал мальчик, сгибавшийся под тяжестью хлебных подносов.

— Мне это подарил пришлый бродяга, — выскочила вперед пигалица, прежде никем не замечаемая, а теперь разодетая как принцесса, и закрутила перед носом у Шарака бриллиантовое кольцо, — а вам он послал угощение. Ешьте, господин!

— Ешьте! Ешьте! — подхватили все нестройным хором, отступая к дверям и оставляя Шарака в одиночестве в окружении рассыпанных цветочных лепестков и золотой пыли, от которой у него уже кружилась голова.

Шарак сел как громом пораженный и, не зная, что предпринять, протянул руку к графину с вином.

О, ужас! От графина разлило зловонием — он был полон гнилого винограда и грязи. Хлеб на глазах покрывался плесенью, творог протух, все изысканные блюда портились и разлагались с невероятной скоростью. С шумом треснула корка пирога, наружу выскочили мыши; черви, гусеницы и жуки посыпались из вазы с фруктами, а жаркое загорелось.

Заслышав крики господина, толпящиеся в коридорах слуги украдкой двинулись к двери — посмотреть, что происходит. Теснясь и толкаясь, они заглядывали в покои, а когда мимо промчался управляющий, они с хихиканьем бросились вниз по лестнице.

В сияющей кухне, украшенной мозаикой и мрамором, их дожидалась полуденная трапеза. Они с опаской прикасались к пище, но с ней ничего не происходило. (Сверху доносились вопли господина и приглушенные соболезнования управляющего). Может, пища и была отравлена волшебством, но слуги уже не могли совладать с ноющими от голода животами и ртами, полными слюны. Никогда в жизни им не доводилось вкушать такую еду. За нее можно было умереть, чего не заслуживали ни голод, ни воровство.

И пока они глотали и давились, грызли и обсасывали, опорожненные горшки сами собой наполнялись, вертела сами собой вращались и мясо не подгорало. В каморках и у очага, где слуги обычно проводили ночи, раскинулись горы циновок и бархатных подушек. Очаг не нуждался в дровах. Фитили в серебряных лампадах сами следили за собой. И в кухне было светло ночью и тепло в мороз. Фрукты и масла, вино и пироги — все появлялось по волшебству. Райская жизнь наступила на этой кухне. Надолго ли? Кого, впрочем, волнует, сколько продлится жизнь? А гадать — дело пустое.

Что же до драгоценного господина Шарака, то он был очень занят.

В течение нескольких дней и ночей слуги поднимались к нему, когда он их звал, и прокрадывались, чтобы подглядеть на него, когда он их не звал. И замечали, что с Шаракom и верхними покоем, как и с ними самими, происходят странные вещи.

Драпировки на стенах сгнили и разлетелись в прах, мебель сломалась, из картин выскакивали лягушки и жабы, расплозились мыши и вши, выпрыгивали ласки и крысы. Одежда на теле Шарака рвалась и лезла по швам. Вокруг него вились целые тучи моли. Все металлы ржавели и разжигались. Он с воем блуждал по дому дни и ночи напролет и забывался сном на голых досках. Порой он забредал на кухню и оглядывал ее изумленными глазами. Порой требовал, чтобы его покормили, и слуги с непривычной поспешностью бросались выполнять его распоряжения. Но, стоило Шаракy протянуть руку, как дары небес превращались в гниль и плесень. И тогда он вопил и бился головой о стены. И слуги взирали на него с изумлением и жалостью. Как им нравилось испытывать эту жалость!

Лишь управляющий не получил ни парчового одеяния, ни единой драгоценности в отличие от обычных слуг, которые награждались сокровищами, как только пересекали порог кухни. Однако ему было позволено есть и пить на кухне, если он молил об этом, стоя на коленях.

— Где кудесник? — вопрошал он, опускаясь на колени перед разодетым в багрец поваренком и моля его о крохотном кусочке мяса.

Слуги неизменно были любезны с управляющим, как и с его полубезумным господином, гораздо любезнее, чем прежде, ибо теперь они могли позволить себе великодушные.

— Мы думаем, что он ушел, господин управляющий.

— Ушел? Вы уверены?

Видимо, так оно и было, ибо день за днем и ночь за ночью по дому метался Шарак с ржавым мечом в руках, исхудавший как жердь и полуобезумевший от голода, жажды, паразитов и разрушений. Он жаждал мести и не находил своего обидчика, а между тем рядом опалили последние шпалеры и последнее золото превращалось в шлак. Крыша кусок за куском обваливалась, пока в одну прекрасную ночь Шарак не оказался под открытым небом, усеянным звездами, которые, казалось, когда-то принадлежали ему.

Куда девалось время? И что с ним стало? Все смешалось. Сколько он прожил в таком состоянии, бродя в лохмотьях по руинам с прилипшим к позвоночнику животом и прислушиваясь к отдаленным и недостижимым звукам пиров?

— Месяц, не более того, — ответил ему кто-то. — А тебе кажется дольше?

Глаза Шарака вспыхнули огнем.

— Где ты, мальчик? — прохрипел он. — Подойди ближе, ближе...

И перед ним послушно возник прекрасный юноша с черными распущенными волосами и еще больше похожий на девушку, чем прежде. И обезумевший Шарак поднял на него меч. И он разлетелся на куски, поранив своего хозяина, и тогда Шарак разрыдался от ярости и отчаяния.

— Ты лишил меня дома. Кто меня приютит? Когда на богатого человека падает такое проклятие, друзья его оставляют. Неудивительно, что это чудовище — твой отец — отправил тебя ко мне.

— Мне предстоит служить тебе еще восемь месяцев, — промолвил Ажеджайреш, чья фигура смутно мерцала в

темном коридоре. — А потом, если останешься недоволен мною, ты меня выпорешь. — И снова раздался его ужасный смешок.

— Смилуйся! — вскричал Шарак. — Назови цену моего избавления.

— Милость? А что это такое? Ты сам определил свою судьбу, сказав о жестоком уроке.

— О, я уже все понял, — застонал Шарак, падая на пол.

— Ты наскучил мне, утомил своими выходками, — промолвил юный кудесник. — Похоже, твои неприятности следует растянуть на девять лет, а не на девять месяцев. Ну, да ладно. Я положу им конец. С восходом солнца ты избавишься от своего горя.

— О, позволь облобызать подол твоего платья, добрый, мудрый Джайреш.

Но прелестное видение уже исчезло. Исчезло насовсем, чтобы пойти дальше навстречу своим бедам. Всю ночь Шарак пролежал на полу, молясь богам, чтобы исполнилось обещание всемогущего юноши.

Встало солнце, и первые его лучи разбудили Шарака в гряде развалин, в которые превратились верхние покои. И вдруг он увидел, что все разрушения исчезли. Шарак снова находился в роскошном особняке. Цветочные ковры купались в солнечном свете, и тот разгорался еще ярче, отражаясь от позолоты.

Шарак, бормоча что-то под нос, перебежал из комнаты в комнату. Он ощупывал убранство и орнаменты, словно они принадлежали не ему, воровато оглядываясь и, как нищий, топтался в дверях, пожирал глазами пищу на столе. Наконец голод взял свое. Купец вонзил зубы в белый хлеб, как изможденная собака, и с хлебом ничего не произошло, только хрустнула ароматная корочка, и язык ощутил медовую мякоть... Все обратилось вспять. И хотя

Шарак чуть не лишился чувств от счастья, он ощутил чистоту своего тела, облаченного в тонкие ткани, и тяжесть перстней на пальцах, которые еще недавно обжигали его, плавясь и стекая...

И вот Шарак поднял сияющую руку и позвонил в серебряный колокольчик. По этому знаку к нему всегда вбегал слуга, дожидавшийся его распоряжений за дверью.

Однако теперь почему-то никто не появился, лишь тишина была ответом Шараку.

Он приоткрыл отяжелевшие веки. Дверь наконец отворилась, и на пороге появился привычный слуга. Его голова была украшена ветками жасмина, он был облачен в малиновое платье, на запястьях и на щиколотках позвякивали золотые браслеты. Он наградил Шарака таким долгим, таким высокомерным взглядом, что у купца екнуло сердце. Затем слуга склонился с княжеским достоинством, и Шарак ощутил в этом поклоне убийственную насмешку над собой.

— Да, господин?

— На колени, ты, тварь! Или будешь избит до полу-смерти!

Слуга рассмеялся.

— У нас на кухне говорят, — произнес он таким тоном, словно хотел сказать «в нашей стране говорят», — что кнуты и палки превращаются в букеты цветов, прикасаясь к нашим спинам. А знаете, почему? Потому что в кухне воцарился рай, и все мы находимся во власти его чар. Так ударьте же меня, господин.

Шарак бросился вперед, нанес удар. Слуга просиял и залепетал что-то о летней траве и прозрачных источниках.

Тогда Шарак попытался убить слугу. Он душил его и колот ножом, но это не причиняло юноше никакого

вреда, он только пуще радовался. Наконец Шарак обессиленно повалился на пол.

— Уйди прочь с моих глаз, — прошептал он.

И слуга, поклонившись учтивее, вышел из комнаты. И тут же внизу раздалась музыка и пение, и звуки поднимались все выше и выше, как набегающая волна.

— Будь проклят этот кудесник, — пробормотал Шарак. — Я погублен навеки. — Хотя он не смог бы сказать, в чем именно выражалась его гибель. Но, когда он вспоминал о своих слугах, купавшихся в роскоши и чувствовавших себя хозяевами в его доме, он не мог ни о чем думать, лишь о том, что унижен и сломлен. И снова в нем зародилась мысль о мести. «Все было бы прекрасно, если бы не отец этого выродка. Негодяй, это он навлек на меня все несчастья, он заставил меня разозлить свое отродье и тем самым нарушил мой покой, зная, что я не смогу справиться с Джайрешем».

Это слегка успокоило Шарака, он опустился на ложе и замер. Он больше не звал слуг, не требовал от них ни питья, ни пищи. Он просто сидел, наблюдая за тем, как тени то укорачиваются, а то снова растут. словно его собственная душа распространяла вокруг себя мрак.

3. Дар ягуара

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ В лесу к югу от восточных садов прошло девять месяцев. Плодоносная осень и листопад сменились морозами и студеной стылостью, а затем наступило беззвучное ожидание, когда, казалось, все застыло. Но вскоре побежали ручьи, и на кустах высыпали звезды цветов. Свиньи выскочили из пещер тереться о стволы деревьев. Молодняк бросился в реку и замелькал белым янтарем под тонким яшмовым покровом воды.

Искупавшийся Джайреш вышел на берег и увидел перед собой цаплю, которая стояла на одной ноге, а в другой держала церемониальный жезл.

— Пора прощаться, — молвила она.

— И я не могу остаться?! — воскликнул Джайреш.

— Мы должны выполнить пожелания твоего отца, — ответила цапля. — Он хотел, чтобы ты по прошествии девяти месяцев получил вознаграждение и вернулся домой.

— Но я не мог удовлетворить твоего господина. Я — отщепенец и изгой. Поэтому я останусь со свиньями.

— Ничего не поделаешь, эту книгу слагает Судьба, — промолвил подошедший белый кабан. — И из нее невозможно вычеркнуть ни единой строки.

И тогда Джайреш поднял руку, прощаясь с кабаном.

— Ну что ж, обратно в мир, — произнес он, — где мне никогда не обрести такого покоя и отдохновения, как здесь. И если я расскажу там о стаде свиней, приютившем меня, люди разве что поднимут меня на смех.

— Тогда ничего не рассказывай. К чему навлекать на свою голову неприятности? Просто знай, что это с тобой было.

— Да, но я начну думать, что то был сон.

— Вся жизнь — сон.

Друзья редко сопровождают свои разлуки обилием слов и потоками чувств.

И цапля повела Джайреша обратно через лес. Он шел, опустив голову, то улыбаясь, то погружаясь в задумчивость. С видом мечтателя он и вошел к господину ягуару.

— Ты сослужил хорошую службу и я доволен тобой, — промолвил тот, глядя на Джайреша горящими глазами. — Получи причитающееся вознаграждение.

И он указал на необыкновенный букет, лежавший на столике рядом с престолом. Он состоял из шипообразного когтя, пучка коричневой шерсти и белоснежного клыка, похожего на кинжал.

— Вот это? — переспросил Джайреш.

— Да.

— А что это такое, мой господин?

— Ключ, — ответил ягуар. Он закрыл глаза, и придворные вокруг зашумели, прикрывшись веерами.

— Но, мой господин, это совсем не похоже на ключ.

— Ты так думаешь? — промурлыкал ягуар и чуть-чуть приоткрыл один глаз.

Цапля отвела Джайреша в сторону.

— Послушай, тебе пора отправляться домой. На обратном пути увидишь прекрасную гробницу, которую узнаешь по восседающей на ней сине-черной вороне. Она скажет тебе...

— Да?

— А шерсть, коготь и клык — это ключ от той гробницы.

— Зачем она мне?

— В ней покоится огромное богатство.

— Я не граблю могилы, — промолвил Джайреш, и взгляд его еще больше затуманился. Он снова мыслями вернулся в лес, к тем дням, когда ему не нужно было ничего.

— Как бы там ни было, возьми его, — велела цапля и, захлопав огромными крыльями, издала громкий крик.

И тут же поднялся страшный шум. Тигры метнулись со своих лож, и олени шарахнулись, опрокидывая шахматы. Бык ринулся в стаю обезьян. Заметались гуси и закричали птицы. Гиены зашлись истерическим визгом. Все заголосило на разные лады. Отовсюду доносился рев, рычание, лай, писк и шипение.

Джайреш замер.

— Это же звери! — вскричал он. — Это же птицы! — И огромный удав подполз к его ногам. — И змеи! — И Джайреш выхватил нож.

И тут все исчезло, как дым, как утренний туман. Все растворилось, и он оказался один в тени старых деревьев на высоком утесе в лучах заходящего солнца. Сон кончился, и спящий пробудился. Хотя, в отличие от обычного сна, из которого возвращаешься лишь с собственной душой, в руках он по-прежнему сжимал коготь, шерсть и клык...

Блудный сын Джайреш возвращался домой, на запад, пересекая дороги и холмы, мимо голых пастбищ и пустых террас, вдыхая сверкающий весенний воздух. Он не спешил, то и дело сходил с дороги и блуждал по полям и лесам, где временами встречал себе подобных. Джайреш приветствовал их с невероятным интересом и заботой, словно они представляли чуждый, но крайне симпатичный ему род. Таким образом, он то и дело сбивался с пути, но и это его не тревожило. Ибо по вечерам, когда солнце касалось окоема, он снова находил дорогу на запад.

К концу седьмого дня затянувшегося путешествия Джайреш, бродя в терпком вине сумерек, вышел к роще, за которой виднелось кладбище. На фоне испепеляюще багрового заката виднелись темные деревья и надгробия, с них то и дело поднимались в небо крылатые сгустки тьмы.

Джайреш тут же нащупал дар ягуара на поясе. Со странными предчувствиями он двинулся между закрытыми и безмолвными домами усопших.

Наконец он увидел перед собой огромное надгробие, вырезанное из камня такой белизны, что оно блестело, словно смоченное водой. Сверху на нем сидела иссиня

черная ворона, она повернула голову и приветливо изрекла:

— Приветствую тебя, сын мой. Это здесь.

Джайреш взглянул на ворону и ответил:

— Я бы предпочел пройти мимо.

— Судьбой предписано тебе иное.

— Да и как я попаду туда? Не с помощью же этого ключа из меха?

— Дверь уже отперта.

— Так, значит, кто-то побывал тут до меня?

Но ворона вместо ответа взлетела и исчезла вдали. И в то же мгновение солнце село, и на остывающее небо высыпали звезды. Белое надгробие потемнело, словно всосав собственную тень.

«Ну что ж, — подумал юноша, — раз такова моя судьба, я должен избыть ее».

И он толкнул железную дверцу, которая тут же подалась под рукой.

Внутри царила крошечная тьма. И Джайреш сразу вспомнил все детские предрассудки, и все рассказы о привидениях, и все предостережения, которые существовали на Плоской Земле. Ему было страшно, и он оглядывался по сторонам, намереваясь сбежать. Следует заметить, что в этих краях, как и во многих других, был обычай хоронить усопших вместе со всеми их богатствами, особенно, если у них не было наследников. Кроме того, мавзолеи состояли из двух покоев — внутреннего и внешнего, который был обставлен как гостиная. Поэтому Джайреш, осторожно продвигаясь вперед, вскоре обнаружил и зажег лампаду.

Свет залил пространство, и Джайреш произвольно вскрикнул при виде пышного убранства комнаты и высоких сундуков с золотыми ручками, которые стояли вдоль расписных стен. Тяжелые занавеси скрывали

вход во внутреннее помещение, где должен был находиться покойник. А перед входом в резном кресле восседала Смерть.

В этом не приходилось сомневаться, ибо Джайреш слышал много рассказов о ней. И все совпадало вплоть до малейших деталей. Она была такого же цвета, как ворона, и казалось, ее одеяние соткано из ее собственной кожи. Волосы клубились как кровавые аметисты. И из полупрозрачного ступка бесплотного тела на Джайреша смотрели два жгуче-желтых неподвижных глаза.

Через несколько мгновений Джайреш пришел в себя и, дрожа, учтиво поклонился.

— Ваше величество, — промолвил он, — мне было приказано явиться сюда. Я не хотел тревожить вас.

Смерть не шелохнулась. Глаза горели.

— А поэтому, если вы считаете, что я поступил невежливо, я сейчас же уйду, — добавил Джайреш.

— Нет, — ответила Смерть, — ты останешься здесь, раз пришел.

Джайреш побледнел.

— Надолго ли, ваше величество?

И королева Смерть рассмеялась. Ее смех не предвещал ничего хорошего. Она выпростала руку из-под одеяния и принялась играть своим аметистовым локоном; и эта рука, как и утверждали легенды, состояла из одних костей.

— Посмотрим, на сколько тебе придется остаться, — рекла она. — Что до меня, то мои владения лежат в глубине земли, а рядом с тобой лишь мой образ. И все же мыслями и делами своими я нахожусь здесь. Я явилась, чтобы отобрать сокровища с помощью чар, дарованных мне моим королевским положением и моими познаниями. В этой усыпальнице находятся очень нужные мне вещи. Похоже, они нужны и тебе.

— Это не так, — возразил Джайреш. — Я не хочу утомлять вас своей историей, достаточно сказать, что я служил волшебнику, и он в награду дал мне вещь, которую назвал ключом, и послал меня в этот мавзолей.

Смерть нахмурилась.

— Да. От тебя разит волшебством. Покажи ключ.

Джайреш поспешил найти коготь, мех и клык.

Однако достать не успел. Вся усыпальница задрожала от страшного гула. Послышалось жуткое рычание, глаза королевы расширились, и в комнату влетел вихрь, вырвавший из рук Джайреша и швырнувший на пол дар ягуара.

А затем произошло настоящее чудо. Из-под земли полезла какая-то тварь, она росла все выше и выше, пока голова не достигла потолка. Этот некто был невидимым, но вся гробница заполнилась его резким запахом, плотоядным и кровожадным и в то же время чистым, как звездный свет. Тварь была повсюду, так что Джайреш оказался вжат в крохотное углубление в стене. Но и этого было мало животному духу — казалось, он заполнил всю землю.

Джайреш уже не видел Смерть. Даже ее оттеснили, и ее призрачное земное тело сморщилось, искривилось, как выжатое белье.

И наконец Существо заговорило человеческим голосом, низким и глубоким, словно отдаленный гром, и невесомым, как пыль. И от этого гласа гробница содрогнулась до самого основания.

— Смерть, — произнесло оно, — когда-то выглядела иначе. Когда-то ты была смертной женщиной и охотилась на леопардов. Ты носила леопардовые шкуры, и за это тебя прозвали Леопардовой королевой. До сих пор твои глаза горят их огнем, и до сих пор ты держишь при себе этих огромных кошек и забавляешься охотой на

них в своем призрачном подземном чертоге. И потому ты ощущаешь меня. Ибо я кровь и плоть, сердце и душа всех леопардов. Ибо я их бог. Я — бог всех кошачьих от крохотного котенка, греющегося у деревенского очага, до золотисто-черных и жгуче-рыжих гигантов, полосатых, крапчатых и пятнистых хищников, чьи гривы развеваются, как подсолнухи на ветру. Я — бог обитателей ночи, оставляющих кровавые лепестки следов. И по этому праву, и в силу талисмана, данного мною этому человеку, я говорю тебе, королева Смерть, Смерть леопардов: на этот раз уйди. Тебе придется уступить свои сокровища. Они принадлежат ему. Я их отдал ему. Повинуйся.

И Смерть задрожала, и образ ее проступил явственней. Она поднялась со своего кресла и кивнула Кошачьему Богу.

— Немногие помнят о том, что когда-то я охотилась на леопардов и сама была леопардом в душе, — промолвила она. — Сейчас люди говорят: «Смерть как леопард», но они не знают меня. — Она посмотрела на Джайреша сквозь пульсирующий сгусток, разделявший их. — Ну что ж, бери сокровища гробницы.

— Госпожа, я все равно не хотел бы ссориться с вами, — невозмутимо ответил Джайреш.

— Я все равно враг тебе, как и всем остальным, — парировала Смерть. — И к тому же непобедимый враг. Но похоже, у тебя есть могущественные друзья. Так что можешь не бояться меня до конца своей жизни, да и тогда не слишком бойся. — И, произнеся это, она исчезла, как исчезает свет затухающей лампы.

И вся гробница словно растворилась в воздухе.

Джайреш почувствовал, что его тоже куда-то несет, и ощутил прикосновение тяжелой лапы, которая легла на него сверху и отшвырнула обратно в усыпальницу.

Его заставили открыть сундуки и вынуть из них огромные мешки и звенящие сосуды. Его взору предстали россыпи золотых монет и колец, рукописи в позолоченных шкатулках, связки ключей на серебряных цепочках, изысканные наряды и утварь, сосуды с благовониями и драгоценные фолианты, и нитки камней. Наконец он увидел черное мерцающее небо, и чистый ночной воздух омыл его лицо.

Почувствовав свободу, Джайреш бросился бежать. Он мчался, как заправский грабитель могил, пока наконец не добрался до леса и не упал в полночную траву, рассыпая мешки и шкатулки. Он тут же погрузился в сон, и ему приснились девять огромных черных леопардов, которые охраняли его до самого рассвета...

Проснувшись утром, Джайреш убедился, что сокровища гробницы все еще при нем. Он расстелил плащ и неумело собрал все в узел, который закинул себе за спину. Застонав от тяжести, он снова двинулся на запад.

«Воистину, древние философы были правы, когда говорили, что богатство — тяжелая обуза, — заметил Джайреш про себя. — К тому же я попал в немилость к госпоже Смерти, и теперь мне на каждом шагу надо остерегаться ее. Мало того — любой бродяга, увидев за моей спиной эту звонкую гору, заподозрит истину, бросится на меня и перережет горло. Как пить дать, меня убьют и обкрадут еще до наступления нового дня. Спасибо за это ягуару и его щедрому подарку».

Отведя таким образом душу, Джайреш пошел дальше, с завистью вторя свистом беззаботным птичкам и любуясь первыми весенними цветами. Выйдя из леса, он от неожиданности остановился.

В долине виднелись отцовские угодья и поблескивали крыши родного дома. Блудный сын, покружив в мыслях и в пространстве, вернулся домой.

Джайреш отпрыгнул и погрузился в размышления.

— Отец изгнал меня в крайнем раздражении, которое теперь мне понятно, — обратился он к пичуге, сидевшей на ветке, ибо привык к тому, что птицы понимали его болтовню и отвечали. — Он считал, что ничего хорошего меня не ждет, и считал несправедливо; возможно, это доставляло ему боль. И, поскольку я обременен этим добром, не украситься ли, чтобы удивить отца моим благополучием?

Джайрешу понравилась эта мысль. Поэтому он отыскал источник и искупался, а затем умастился дорогими благовониями из сундуков усыпальницы. Он надел платье, достойное князя, обулся в башмаки из белой кожи, унизал руки перстнями, а в ухо продел огромную розовую жемчужину. Затем наполнил расшитый кошель монетами и приторочил к дорогому поясу. Остатки добра он спрятал под деревом и привалил камнем.

— Ну, а если моя судьба — быть обокраденным, то пусть так и будет, — пояснил Джайреш давешней птице, которая сидела на суку и внимательно следила за его действиями. — К тому же я собираюсь скоро вернуться в усыпальницу и почтить память ее хозяина. Хотя господин ягуар и отправил меня туда, нельзя грабить ближнего, даже если бы это сделала Смерть, не приди я в гробницу. И уж если мне суждено разбогатеть, я должен отплатить за это покойнику.

Птица защебетала, и Джайреш поблагодарил ее за добрые напутствия. Затем он двинулся дальше и вскоре вошел во владения своего отца...

Он отсутствовал не более девяти месяцев. Но теперь, продвигаясь по дороге, замечал, что львиная доля угодьев невозделана, вокруг царит запустение и не видно пасущихся стад. Парк зарос высокой травой, фруктовые деревья стоят неухоженные, и плоды с осени гниют на земле.

Солнце бежало впереди, обгоняя Джайреша. Но и ослепленный его светом, он не мог не видеть, в какой упадок пришло все кругом. Сердце забилося от дурных предчувствий. Чем ближе он подходил к дому, тем тревожнее было на душе. И вот, когда перед юношей возникла усадьба, его охватил ужас. Ибо дом был сожжен и разрушен, лишь несколько самых высоких кровель держались на стропилах, поблескивая в свете угасающего солнца, — этот блеск и обманул Джайреша, когда он вышел из леса.

Джайреш замер, не зная, что предпринять. Казалось, он очнулся от грез лишь для того, чтобы провалиться в кошмар наяву. Нахлынули самые мучительные детские воспоминания. Он вспомнил, как играл с няньками в этих сожженных дотла покоях, как лазил по деревьям в саду, как выбегал навстречу возвращающемуся из поездки отцу и радостно обнимал, когда тот поднимал его к себе в седло. А потом отец состарился, а ребенок возмужал, и они отдалялись друг от друга, пока не расстались однажды вечером, и теперь некий страшный ангел огня и гибели встал между ними.

И Джайреш зарыдал. Солнце уже садилось, из-под земли выползли тени.

Они словно говорили Джайрешу:

— Убирайся. Теперь это наши владения.

И Джайреш послушно покинул развалины. В течение часа он шел на юг, пока не оказался в маленьком городке, в котором несколько месяцев назад удовлетворял свои прихоти. Он надеялся, что его никто не узнает; так и случилось. Его приняли за юного путешественника, чья внешность свидетельствовала как об аскетизме, так и о мирских увлечениях. Джайреш же решил, что должен расспросить об отце, а на такие вопросы незнакомцам отвечают легче. Однако

сердце его замутили тени, поднявшиеся из-под земли. Оно не хотело ни о чем знать и ни о чем расспрашивать. И все же Джайреш, ввязавшись в разговор с двумя торговцами в таверне, заметил:

— В нескольких милях к северу от этого города я видел большое пожарище и запущенные угодья.

Один из торговцев кивнул и сказал, что это было поместье богача. Он назвал имя отца Джайреша и добавил:

— Но странное несчастье постигло этого человека. Он погиб.

Джайреш не ощутил боли, он уже оплакал смерть отца, как только увидел развалины.

Он велел принести еще вина и попросил рассказать ему историю злосчастного помещика, сказав, что интересуется странными событиями.

И торговцы не заставили себя упрашивать...

У этого богача был один-единственный сын, который вырос никчемным прожигателем жизни и, похоже, собирался промотать все состояние отца. Поняв, что он ничего не может сделать с сыном, отец отослал его к своему знакомому, купцу по имени Шарак, с просьбой, чтобы тот взял его в услужение и поручал самую унизительную работу, и наказывал побоями за нерадение. Шарак был строгим господином, он отправил юношу в свинарник доедать отбросы за свиньями. Однако Джайреш — так звали этого юнца — каким-то образом овладел магическими способностями и направил их против Шарака, причинив ему несказанные несчастья и бедствия и замыслив вовсе уничтожить его, однако свиньи, напуганные поведением волшебника, взбесились и затоптали его до смерти.

Тогда Шарак поклялся отомстить. Оставив труп юноши на съедение свиньям и не взяв с собой никого из слуг, он скакал день и ночь без остановки, пока не добрался до

усады богача. Войдя в дом, Шарак воскликнул дословно следующее, ибо при этом присутствовало множество свидетелей:

«Ты обрушил на мою голову колдовство своего сына. Я не прощу такого оскорбления. Слушай же меня внимательно. Я убил твоего выроodka и скормил его останки свиньям. А для тебя я приготовил вот что! — и с этими словами он выхватил нож и зарезал богача. Затем купец бежал, и с тех пор его никто не видел. Впрочем, говорят, что его бывшие слуги так и живут в его доме, точно короли.

Что же до богача, домочадцы нашли его в луже крови. Он умирал в слезах и оплакивал не себя, а своего сына. Только о нем и думал.

«Это я виноват в его гибели, из-за моего произвола на нас обрушились все эти несчастья. Шарак — безумец, ибо Джайреш не знал никаких заговоров, несмотря на все прочитанные им книги. Его смерть на моей совести. Как я смогу найти успокоение, зная, что единственный сын из-за меня лишился жизни? И все, что он помнил в последний момент, это мою жестокость и безрассудную глупость, а совсем не беззаветную любовь, которую я всегда к нему питал».

Затем богач призвал писца и распорядился, чтобы, после того как слуги возьмут положенное им вознаграждение, все его добро было продано и обращено в деньги и драгоценности, редчайшие манускрипты и книги, изысканную утварь и одежду. Он повелел, чтобы все это, поскольку он остался без наследника, было захоронено в его гробнице вместе с ключами от тайников, в которых также хранилось его добро. Что до особняка, то он обрек его на сожжение, а земли на разорение.

«Раз я так заблуждался, ставя их превыше любви и сострадания, пусть они будут уничтожены в пример богам и людям, — сказал он. — Лучше бы я стал нищим,

но сохранил сына, лучше бы меня трижды убили, но он остался бы в живых», — добавил он и закрыл глаза навсегда. И все было сделано в соответствии с его завещанием — дом сожжен, земля предана запустению, а добро захоронено в усыпальнице, дверь которой надежно заперта». Закончив рассказ о богаче и его блудном сыне, купцы пожелали собеседнику спокойной ночи и удалились, поскольку уже было поздно.

Джайреш встал и вышел на темную улицу.

Луна клонилась к западу. Прощально сияли звезды, как небесные цветы.

Джайреш покинул город, пересек поля, поднялся на холм, вспоминая, что содержимое гробницы поразительно совпадало с описаниями рассказчиков. Он внезапно вспомнил о дверце, которая с готовностью распахнулась при первом же его прикосновении, и об иссиня-черной вороне, сказавшей: «Приветствую тебя, сын мой».

И при мысли об этом Джайреш поднял голову и увидел перед собой на холме на фоне светлеющего на востоке неба своего отца.

Плоть его была прозрачна как дым, и сквозь рукав виднелась утренняя звезда. Он поспешно прижал к груди полы плаща, словно стараясь скрыть на ней какую-то отметину, потом посмотрел на Джайреша и сказал:

— Это я в образе вороны направил тебя в свою усыпальницу, чтобы ты забрал принадлежащее тебе по праву. Шарак солгал — ты остался в живых. И мое состояние перешло к тебе. Надеюсь, что теперь ты его не растратишь без толку.

— Отец, — ответил Джайреш, — я не знаю, что теперь делать. А ты?

— Я свободен как воздух, — ответил призрак. — Лишь одно желание привязывало меня к миру — желание взглянуть на тебя.

Джайрешу захотелось подойти к духу, обнять, но тот был бесплотен. Юноша снова повесил голову.

— Боюсь, я не растрату твое добро, но и не умножу, — промолвил он. — Я полюбил другие вещи — весь мир стал моим домом, и братство зверей и людей для меня дороже, чем пустое тщеславие и отвратительная похоть. Простишь ли ты меня, если я проведу жизнь бедняка и скитальца? Простишь ли ты меня, дорогой отец, если после всех твоих забот я оставляю твои сокровища в земле и отправляюсь скитаться налегке?

Дух улыбнулся, и уже поднявшаяся утренняя звезда заиграла на его щеке.

— Джайреш, ты видел, к чему привело мое вмешательство в твою жизнь. Ты должен избрать собственный путь. И каким бы он ни был, я пожелаю тебе только добра.

И тут в городе под холмом закричали петухи, и грянул птичий хор в полях, и небо на востоке окрасилось бледно-маковым цветом. И вместе с тьмой растаял дух богача.

Джайреш устремил взгляд на восходящее солнце. Затем снял с пояса расшитый кошель с деньгами и повесил на дикую смоковницу.

Спускаясь с холма, он стащил с себя излишки одежды, сбросил белые башмаки, кольца и сорвал с уха розовую жемчужину. И они остались валяться там, где упали. Подойдя к ручью, он встал на колени и напился, и прозрачная вода сверкала между пальцами, как бриллианты исчезнувших колец. А затем ему показалось, что он различил слова в птичьей песне:

*Одежду наземь сбросил он,
Сорвал он кольца и кулон,
Не отдался воде в полон,
Все кинул он, все отдал он!..*

ПОЧЕМУ СВЕТО?..

Глава 1

ПЕРВОЕ, ЧТО Я помню — страх перед светом.

Проход был сырым и темным, капала вода и мать несла меня, хотя в то время я уже умела ходить. Мне было три или чуть меньше. Мама боялась. Она была поглощена ужасом, дрожала, а ее кожа издавала незнакомый мне слабый металлический запах. Руки её были холодны, как лед. Я чувствовала холод даже сквозь толстый платок, в который она меня завернула. Она вновь и вновь повторяла: «Всё в порядке, детка. Всё в порядке. Всё будет хорошо. Вот увидишь. Всего минуту. Все будет в порядке».

Разумеется, я тоже испугалась. Я заплакала и едва не обмочилась, хотя с младенчества ничего подобного себе не позволяла.

Затем тоннель повернул и показались высокие железные ворота — сейчас я знаю, что они железные, а тогда мне показалось, что они из обожженного угля.

— Боже, — мать высвободила руку и толкнула створку ворот, со всхлипом и ржавым скрежетом отворив её достаточно широко, чтобы пройти.

Я ожидала увидеть огромный сад позади дома, где обычно играла. Но сада не было. Было ограниченное низкой каменной стеной высокое пустое пространство, изредка прерываемое извилистыми ветвями тополей. Очень черными, а не зелеными, какими их делали светильники в саду. Что-то случилось с небом; то, что делало тополя такими черными. Я подумала о восходе луны, но луна тогда едва нарождалась, а размыть тьму настолько сильно могло лишь полнолуние. Звезды выглядели голубовато-водянистыми и слабыми, как пламя газовой горелки.

Мать стояла у самых железных ворот, держала меня, и тряслась: «Всё в порядке. Минуту. Всего одну».

Внезапно что-то произошло.

Это было похоже на грозу — словно вспышка молнии, только очень медленная, вспухла из темноты. Небо побледнело, стало серебряным, засияло золотом. Словно триумфальная нота или вступительные аккорды прекрасного концерта.

Я выпрямилась в объятиях матери, несмотря на то, что её колотило всё сильнее. Кажется, её зубы стучали.

Но я только шире распахнула глаза. Рот приоткрылся сам собой, словно готовясь выпить внезапный свет.

Цветочное золото вскипело, неторопливо изливаясь огромными облаками оттенков меди, вина и розы. Повсюду начался шум, гам и суета, а ещё странные шорохи, поскрипывания и трели — пение птиц — тогда я его не узнала. Мать хрипло плакала. Не знаю, как ей удалось меня не удивить.

Затем они снова пустили нас внутрь, и Тифа быстро подхватила меня, когда мать рухнула на землю. Я снова перепугалась и закричала.

Створки ворот захлопнулись, укрыв нас во тьме. Минута закончилась. Я увидела рассвет.

Глава 2

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ С ПОЛОВИНОЙ лет спустя я стояла у дороги и смотрела на большой черный лимузин. Мартен загружал мои вещи в багажник. Мюзетт и Кусу тихо плакали. Ещё пара членов клана слонялись неподалёку; кажется, никто толком не понимал, как правильно реагировать. Мать до сих пор не вышла из дома.

Отец умер десятилетие назад: мне тогда было шесть, матери — сто семьдесят. Они прожили вместе сто лет, успели друг другу надоесть и обзавестись любовниками среди членов общины. Очевидно, от этого его смерть воспринималась только хуже. С тех пор она еженедельно ходила в посвящённый ему маленький храм, надгробия палец и роняла каплю крови в вазу под фотографией. Мать звали Юноной в честь римской богини, и я стала называть ее по имени с тех пор как повзрослела.

— Ей следует быть здесь, — раздраженно выдохнул Тифа. Он входил в число случайных любовников Юноны, но обычно выглядел так, будто она его раздражала. — Закрылась в этой проклятой комнате, — кисло добавил он, имея в виду святилище.

Я промолчала. Тифа спустился с террасы и начал расхаживать назад-вперёд. Высокий, сильный мужчина примерно около двухсот лет — точнее никто не знал — темноволосый, как и большинство Северинов. Его кожа была светло-коричневой — Тифа мог выдержать до нескольких солнечных часов в сутки. Мои волосы тоже черны, а кожа покрыта загаром даже зимой. Я способна переносить дневной свет весь день. День за днем. Я могу жить днем.

Мартен захлопнул багажник. Касперон сел на место водителя, оставив дверь автомобиля открытой, и завёл мотор. Громкое мурлыканье двигателя проникло до самых дальних уголков дома, включая апартаменты Юноны.

Внезапно она вышла из дома. У Юноны темно-рыжие волосы и бледная кожа. Глаза раскосые — сумрачная синева северного моря, как в иностранных фильмах с субтитрами. В детстве я её обожала. Она была моей богиней. Я умерла бы ради неё тогда, но не сейчас. Те чувства исчезли. Она прошла мимо остальных, словно их и

не было. Встала передо мной, нависая сверху. Она на дюйм выше меня, хотя я и сама немалою роста.

— Итак, — сказала она, глядя мне в лицо, холодная словно мрамор и каменно спокойная. Та самая женщина, которая дрожала, обнимая меня, и шепотом обещала, что все будет хорошо, когда мне было три года.

— Да, Юнона, — отозвалась я.

— У тебя есть всё, что нужно? — равнодушная вежливость по отношению к посетителю, который наконец-то уходит.

— Да, спасибо. Кусу помог мне упаковать вещи.

— Ты в курсе, что достаточно будет лишь позвонить, и всё остальное тебе доставят? Впрочем, — небрежно добавила она, — там ты ни в чем не будешь нуждаться.

Я не ответила. О чём говорить? Я «нуждалась» в столь многом тут и не получала ничего — по крайней мере, от тебя, мама.

— Желаю всего наилучшего, — холодно продолжила она, — в твоём новом доме. Надеюсь, все пройдёт приятно. Эта свадьба важна, как тебе известно, и они будут относиться к тебе беспристрастно.

— Да.

— Значит, пора прощаться. По крайней мере на время.

— Да.

— До свидания, Дейша.

— Пока, Юнона. Удачи с Тифой. Хорошей тебе жизни.

Я развернулась к ней спиной, пересекла террасу и села в машину. С остальными я уже попрощалась. Они заваливали меня пожеланиями удачи и всхлипываниями, пытались подбодрить рассказами о том, какой мой будущий супруг красивый и талантливый, просили написать им, отправить е-мэйл или позвонить — не терять связь — приехать в следующем году — поскорее... Наверняка они забудут обо мне через пару дней или ночей.

Для меня они уже отделились на многие мили.

Припаркованный у выхода лимузин масляно отблескивал в лучах полной луны. Внешние ворота поместья находились в часе езды. Пустой безжизненный свет фар выхватывал из темноты поля, сады и огороды, рыбные резервуары и конюшни, гаражи и мастерские — галопирующую черную лошадь, горящие лампы и летящие в воздухе красные искры — людей, вышедших поглазеть на нас, приветствующих автомобиль семьи, с любопытством, завистью, жалостью или презрением рассматривающих девушку, предназначенную в жены ради укрепления Альянса.

Последнее, что я видела в своем доме: далёкие склоны гор, голубеющие в свете луны, и озеро в лугах, похожее на упавшую с неба гигантскую виниловую пластинку, старую запись с которой Луна играет на Земле-проигрывателе.

Путешествие заняло четыре дня.

Мы проезжали через городишки с выбеленными стенами домов и через города с небоскрёбами из стекла и бетона. Порой мы ехали по широким автомагистралям с интенсивным движением. Иногда катили по сельским равнинам, и горы поднимались нам навстречу, сияя сахарной глазурью вершин. Во второй половине дня мы останавливались в отелях, чтобы дать Касперону передохнуть. Около шести или семи вечера двигались дальше. Я спала по ночам в машине, или сидела, глаза в окно.

Безусловно мне было непросто. Мне было горько, обидно, меня переполняла тусклая безнадежная злость.

«Я освобожусь от всего этого» — без конца повторяла я с середины лета, с тех пор, когда мне сообщили, что для того чтобы закрепить дружественные отношения с Дюваллями я обязана выйти замуж за их нового наследника. Разумеется, их сватовство было связано не только

с укреплением дружбы. Я обладала генами солнцержденной. А наследник Дюваллей, кажется нет. Моя превосходная светопереносимость позволила бы развить более сильную линию. Дурацкая шутка применительно к нашему виду — они нуждались в моей крови. Я была запасом крови. Я, Дейша Северин, семнадцатилетняя девушка, способная жить при свете солнца. Я была невероятно ценной. Такой желанной, как все говорили. Они утверждали, что мои черные волосы, карие глаза и кожа цвета корицы очаровательны. Наследнику — Зеэву Дюваллю — очень понравились мои фотографии. А вот я не считала его классным, хотя Мюзетт всё вздыхала: «Он такой классный, хотела бы я быть на твоём месте. Дейша, ты счастливица».

Не считая тёмных ресниц и бровей, Зеэв был снежно-белым блондином с глазами цвета светлого, блестящего металла. Его кожа тоже была бледной, чуть ли не бесцветной, как у некоторых из наших... или казалась таковой на любительской видеозаписи, которую мне прислали. Моя светлая кожа переносила дневной свет, хотя и гораздо хуже покойного отца. Я унаследовала все его способности и даже более. Но в Зеэве Дювалле на первый взгляд, не было ничего особенного. Как по мне он походил на живущего ночью. Выглядел он лет на девятнадцать или двадцать, да и на самом деле был ненамного старше. Как и я, новая молодая жизнь. Так много общего. И так мало.

Фраза: «Я освобожусь от всего этого» превратилась в мантру, причем бессмысленную. Разве я когда-либо смогла бы стать свободной? Стоит мне отказаться от этого брака без «уважительной» причины, сейчас или в будущем, и для своего вида я стану изгоем. Будучи неотличимой внешне от человека, я не смогу выжить среди людей. Я могу есть и пить то же, что и они, но мне необходима кровь. Без крови я умру.

Поэтому, сбежав от семьи и её союзников, я стану не только предательницей и воровкой, но и убийцей. Не важно, верят или не верят люди в монстра-людоеда — они убьют его сразу, как только обнаружат.

Мой прежний дом в поместье Северин был длинным и довольно низким. Двухэтажным, с высокими потолками на первом этаже. Само здание, сады и ферма вокруг него были созданы в начале девятнадцатого века.

Их особняк — замок — как бы он ни назывался, — подавлял размерами. Дювалли строились по высшему разряду. Он вздымался кручей, словно скала с наростами крытых шифером башен посреди огороженных дворишков и садов. Вокруг рос густой сосновый лес с вкраплениями других деревьев. Листва кленов уже пламенела в лучах позднелетнего заката. Я не заметила ни одной мастерской, дома или амбара.

Мы почти три часа взбирались вверх по окаймленной деревьями и усыпанной гравием дороге. Однажды Касперону даже пришлось остановиться и выйти, чтобы проверить шину, но всё оказалось в порядке и мы поехали дальше.

В какой-то момент, незадолго до того, как мы добрались до дома, я увидела водопад. Каскады воды падали в ущелье с высокого скалистого холма. В призрачном свете сумерек смотрелось красиво и мелодраматично. Задавая тон?

Когда мы наконец доехали, несколько окошек на скале здания светились янтарем. Над широкой дверью горела одинокая электрическая лампочка внутри похожей на измотанную планету круглой панели.

Никто нас не встретил. Мы вышли из машины и растерянно замерли. Фары автомобиля ярко освещали кирпичную кладку, но никто не появился. Ни один силуэт в освещенных окнах не взглянул вниз.

Касперон позвонил в висящий на двери колокол.

Стрекотавшие в округе сверчки затихли и прыснули в стороны.

Ночь была теплой и абсолютно пустынной; казалось, в округе нет ничего живого, несмотря на сверчков и окна. Я имею в виду, никого вроде меня. На мгновение я задумалась о том, не случилось ли нечто зловещее, и если да, и если бы все умерли, то освободило ли бы это меня? Но затем открылась створка двери и наружу выглянул мужчина. Касперон переговорил с ним, тот кивнул, и спустя несколько минут мне пришлось подняться по ступенькам и войти в дом. Я оказалась в некоем подобии вестибюля, слабо освещенном старыми декоративными фонарями. Далее простирался широкий вымощенный двор с цветочными клумбами и аккуратно подрезанными деревьями и еще одна лестница. Касперон отправился за моим багажом. Я последовала за жалким человечком, который впустил меня внутрь.

— Как тебя зовут? — спросила я, когда мы дошли до следующей порции здания: простой стены, украшенной только пустыми черными окнами.

— Антон.

— А где семья?

— Выше, — лаконично ответил он.

Я остановилась и спросила:

— Почему меня никто не встретил?

Он не ответил. Я нагнала его, чувствуя себя сердитой дурой.

Очередной широкий зал или вестибюль. Тёмный, пока мой провожатый не коснулся выключателя, и зажгёг мутноватые настенные светильники, придавшие каменному мешку вокруг немного цвета.

— Где, — спросила я с интонациями Юноны, — он? По-крайней мере, он должен быть здесь. Зеэв Дювалль,

мой будущий муж: — я сменила тон на официальный, — Я оскорблена. Иди сейчас же и скажи ему...

— Он еще не поднялся, — объяснил Антон таким тоном, словно разговаривал с кем-то невидимым, но доставучим, — Он не встает раньше восьми.

День в ночи. Ночь была днем Зеэва. Вот только солнце село уже больше часа назад. «Чёрт бы его побрал», — подумала я. «Чёрт бы его побрал».

Бесполезно протестовать дальше. Я ничего не сказала Касперону, когда он вернулся с сумками, потому что это не его вина. К тому же он скоро уедет. Я сама по себе. Как всегда.

Я познакомилась с Зеэвом Дюваллем за ужином. Это был безусловно ужин, а не завтрак, несмотря на их политику замены дня ночью. Он был сервирован в верхней оранжерее с открытыми, чтобы впустить воздух стеклянными панелями. Длинный стол с белоснежной скатертью, старинные зеленоватые бокалы, тарелки красного фарфора, вероятно викторианского. Присутствовало пять-шесть человек и они представились с формальной сухостью. Только одна дама лет пятидесяти на вид (и скорее всего, нескольких сотен на деле), выразила своё сожаление, о том, что не присутствовала при моем прибытии. Однако никаких извинений. Они вели себя со мной как с новым говорящим гаджетом. Куклой, способной родить детей, ага. Жуть.

К тому времени, как мы опустились на стулья с высокими спинками, с огромными апельсиновыми деревьями позади них, словно стража — сцена со съемочной площадки — я кипела от холодного гнева. Часть меня боялась. Я не могла объяснить причину страха. Словно ночные океанские волны накатывают на незнакомый берег, когда ты видишь лишь камни и пустоту и не имеешь света, чтобы разглядеть дорогу.

Северины всегда подавали на стол обычную пищу — стейки, яблоки — мы пили немного вина, кофе или чай. Но многие из нас были солнцeroжденными. Даже Юнона. Она ненавидела дневной свет, но все равно перехватывала круассан-другой. Разумеется, употребляли мы и «Надлежащее Питание». Кровь, которую всегда сцеживали понемногу, щадящим способом, у живых животных, которых хорошо кормили и за которыми ухаживали вплоть до их естественной смерти. По особому случаю была особая кровь. Её собирали с уважительной осторожностью среди проживавших в имении людских семей. Они, как и животные, не боялись сдавать кровь в обмен за щедрую награду. Насколько мне известно, такую же договоренность заключали все семьи нашего рода.

Здесь, у Дюваллей, подали черный кувшин с кровью, белый кувшин белого вина, свежий хлеб, еще теплый, на красных тарелках.

И всё.

В последней гостинице я принимала «Надлежащее Питание» из личной фляжки. И еще отхлебнула Кока-колы в пути.

Я взяла кусок хлеба и наполнила свой бокал вином.

Они все уставились на меня. Отвели взгляд. Их бокалы все отблёскивали алым. Один мужчина сказал:

— Но, юная леди, это лучше, она человеческая. Мы всегда пьём её за ужином. Попробуй.

— Нет, — отказалась я, — спасибо.

— О, но совершенно ясно, ты просто не понимаешь...

И тут заговорил он. Из дверного проема. Он только сейчас явился после долгого отдыха или чем он там занимался последние два с половиной часа, пока я принимала душ и переодевалась в отведенных мне апартаментах.

Первым, что неизбежно бросалось в глаза при виде Зеэва Дювалля, была его блондинистость, его белизна, практически сияющая на фоне полумрака освещенной свечами комнаты и темноты за стеклом. Расплавленная платина волос в тени слегка тускнела до цвета белого золота. Глаза не серые, а серо-зеленые, как хрустальные кубки. Кожа оказалась не такой уж и бледной. У неё был какой-то рыжеватый оттенок, ничем не похожий на загар. Как будто он питался тьмой и втягивал в себя. Он был красив, но это я знала и прежде. Выглядел он примерно на девятнадцать. Совершенное тело, стройное и сильное, как и у большинства вампиров: мы едим идеальную пищу и совсем немного лишних калорий, ничего избыточного или недостаточного. А ещё Зеэв оказался высоким. Выше, чем кто-либо, кого я встречала. Почти два метра ростом.

В отличие от остальных, включая меня, он не переоделся перед ужином. На нем были новые черные джинсы и потрепанная футболка с длинными рваными рукавами. От него пахло сосновой хвоей, дымом и ночью. Он спускался вниз. На одном рукаве осталось красно-коричневое пятнышко. Это кровь? Чья она?

До меня дошло, на кого он больше всего похож. На белого волка. Охотился ли этот окровавленный волк в своих обширных лесных угодьях? Кого он убил столь безжалостно — какую-нибудь белку или зайца — или оленя — что уже достаточно плохо — или еще похуже?

Я ничего не знала о людях, с которыми мне придётся иметь дело. Я была слишком оскорблена, слишком страдала от самой идеи проводить какие-либо исследования и задавать реальные вопросы. Я посмотрела краткий видеоролик про него, скривилась и подумала: «Что же, он симпатичный и почти альбинос». Я даже не поняла, что он такое, правильно.

Он был волком. Диким зверем, который охотился по ночам, как в старые времена, на беззащитных и напуганных существ.

Он заговорил опять:

— Оставь её в покое, Константин.

Затем:

— Позволь ей питаться тем, что она хочет. Она знает, что ей нравится.

Затем:

— Привет, Дейша. Я Зеэв. Если бы ты приехала сюда чуть позже, я бы смог поприветствовать тебя.

Это было нелегко, взгляд соскальзывал с зеленоватого льда его глаз, но я посмотрела ему в глаза и ответила негромко:

— Не переживай. Это не имеет значения.

Он сел за стол. Хоть он и был моложе всех, он был наследником и, следовательно, теперь их лидером. Его отец умер два года назад, когда его машина слетела с горной дороги. К счастью, его компаньон, женщина из семьи Клей, позвонила в дом. Дювалли изъяли разбитую машину и тело прежде, чем солнце успело причинить неприятности как живым, так и мертвым. Все мы знаем, что выживаем в значительной степени благодаря долголетнему накоплению богатства, благодаря которому мы можем собираться вместе и приобрести немного конфиденциальности.

Остальные вернулись к питью ужина, передавая друг другу черный кувшин. Только один из них взял хлеб, чтобы подобрать последние красные капли изнутри своего бокала. Он вытер их хлебом, словно тряпкой, а затем вложил в рот. Я потягивала вино. Зеэв, я видела его краешком левого глаза, ничего не трогал. Просто сидел. К моему облегчению, кажется, он не смотрел на меня.

Затем Константин громко сказал:

— Вам лучше поесть, Волк, иначе она подумает, что вы уже поужинали в лесу. Среди её клана так не принято.

Кое-кто тихонько хихикнул. Я подавила желание расколотить свой бокал о стену — или о чью-нибудь голову.

— Ты имеешь в виду вот это на майке? — Зеэв тоже забавлялся.

Я отложила недоеденный хлеб и встала. Быстро оглядела застолье, закончив на нём.

— Надеюсь, вы извините меня. Я устала с дороги, — почему-то было очень трудно посмотреть прямо на него. — И спокойной ночи, Зеэв. Наконец-то мы познакомились.

Он ничего не ответил. Остальные промолчали.

Я вышла из оранжереи, пересекла большую комнату и направилась в сторону лестницы.

Они даже звали его так. Волк.

— Подожди, — сказал он из-за моей спины.

Я могу двигаться почти бесшумно и очень быстро, но не так бесшумно и внезапно, как он. Не сумев удержаться, я резко обернулась в широко распахнутыми глазами. Он стоял менее чем в метре от меня. Его лицо ничего не выражало, но голос (наверняка натренированный уроками актерского мастерства) был весьма музыкальным.

— Дейша Северин, прости. Мы с тобой плохо начали.

— Ты заметил.

— Пойдем со мной в библиотеку? Мы сможем поговорить там без лишних ушей.

— Зачем нам этого хотеть? Я имею в виду, поговорить.

— Я думаю, мы должны. И, может быть, ты будешь достаточно любезна, чтобы меня порадовать.

— А может быть, я просто скажу тебе катиться ко всем чертям.

— О, даже так, — он улыбнулся. — Нет. Туда я не пойду. Слишком жарко и светло.

— Отвали, — огрызнулась я.

На седьмой ступеньке лестницы я снова обнаружила его рядом с собой. Я снова остановилась.

— Дай мне всего минуту, — попросил он.

— Мне говорили, что я должна отдать тебе всю свою жизнь, — ответила я. — И еще, чуть не забыла, я должна дать тебе детей. Детей, которые могут жить днем, как и я. Полагаю, этого достаточно, не так ли, Зеэв Дюваль? Что изменит дурацкая минута, если я должна отдать тебе всё.

Он отпустил меня.

Я побежала вверх по ступенькам.

На верхней площадке я оглянулась, испытывая нечто между восторгом и ужасом. Но он исчез. Освященная часть дома вновь выглядела абсолютно безжизненной.

Юнона. Она снилась мне в эту ночь. Мне снилась беспросветно-черная пещера, где-то в глубине капала вода, а она держала на руках мёртвого ребенка и плакала.

Ребенком была я, полагаю. То, чего она боялась больше всего, когда клан Северин заставил ее вытащить меня на наступающий рассвет, чтобы посмотреть, сколько я смогу вынести. Всего минуту. Столько же, сколько просил Зеэв. Я не предоставила её ему. Но у неё тогда — и у меня сейчас — выбора не было.

Вначале она была очень рада тому, что я пережила рассвет. Но потом, когда я начала снова и снова спрашивать: «Когда я снова увижу свет?» Ох. Тогда она начала терять меня, а я — её, мою высокую, рыжеволосую, голубоглазую маму.

Она никогда не говорила об этом, но это было очевидно. Чем дольше я проводила под светом дня, тем больше я доказывала, что я настоящая солнцeroждённая, тем

сильнее мы отдалялись друг от друга. Сама она могла выдержать два или три часа примерно раз в неделю. Она ненавидела солнце и его свет. Они приводили её в ужас, и когда я оказалась способной не только противостоять солнцу, но даже полюбить его и желать, двери её сердца закрылись передо мной.

Юнона ненавидела меня так же, как ненавидела солнечный свет. Моя мама возненавидела меня, не смогла меня переносить, ненавидит меня сейчас.

Глава 3

ПРОШЛО ОКОЛО ТРЕХ недель. Сосны потемнели, остальные деревья покрылись медью и бронзой и, словно высокие кошки, линяли мехом своей листвы. Я гуляла по усадьбе. Никто не поощрял и не отговаривал меня. Им нечего было от меня скрывать? Но я не водила машину, и потому была ограничена расстоянием, которое могла пройти пешком и вернуться обратно по вечернему морозцу. Всё равно днём активность в доме и за его пределами была минимальной. Я начала дольше спать по утрам, чтобы бодрствовать по ночам, иногда не ложась до четырех или пяти часов. Это было меньшее из того, что мне хотелось знать о происходящем в замке Дюваллей; мне причиняло дискомфорт то, что многие из них слонялись вокруг и проявляли активность, пока я сплю. Я запирала свою комнату на замок и подпирала дверную ручку спинкой стула. На самом деле, я беспокоилась не о Зеэве. Ни о ком конкретном. Просто общее ощущение и атмосфера этого места. У Северинов было несколько по большей части или целиком ночных обитателей — моя мать, например — но было и

немало таких, как я, предпочитавших жить днём, хоть и не способных вынести прямые солнечные лучи.

Несколько раз во время моих дневных экскурсий я натыкалась на домики в лесу, на виноградники, сады, поля с уже собранным урожаем. Однажды я даже видела людей со стадом овец. Ни овцы, ни люди не обратили на меня внимания. Несомненно, их предупредили, что прибыла новая Жена от Альянса, и показали им, как она выглядит.

Брак будет заключён в первую ночь следующего месяца. Краткая, простая церемония, просто легализация. Свадьбы в большинстве домов были такими: ничего особо праздничного, не говоря уж о религиозном, в церемонию не вкладывалось.

Я думала, что смирилась. Но, конечно, я этого не сделала. Что касается него, Зеэва Дювалля, я «встречалась» с ним, как правило, только за ужином — за жуткими пустыми ужинами, участвовать в которых меня заставляли хорошие манеры. Иногда мне подавали мясо — мне одной. На столе появилась хрустальная миска с фруктами — специально для меня. Я с трудом проталкивала еду в глотку среди их «привередливого» презрения. Я завела обычное забирать нарезанные фрукты в свои покои и съедать их позже. Он был вежлив. Он беззаботно и безжалостно предлагал мне хлеб и вино или воду. Иногда я пила кровь. Мне приходилось. У неё был странный привкус, но возможно, мне это просто чудилось.

Иногда по ночам я видела его в доме: играющего с кем-нибудь в шахматы, слушающего музыку, читающего в библиотеке, негромко разговаривающего по телефону. Три или четыре раза я выглядывала из верхнего окна, а он по-волчьи скользил среди деревьев. Бледные волосы сверкали, словно пучок упавших на Землю лунных лучей. Он охотился?

Я собиралась выйти замуж в черном. Одеть траур по своей жизни, как девушка из пьесы Чехова. Подготовила к завтрашнему дню платье и чёрные туфли. Никаких драгоценностей.

Также я решила не ходить на ужин. Старуха, которая читала за столом и самодовольно посмеивалась над текстом; мерзкий мужик подбирающий кровь в стакане хлебным мякишем; сменяющие друг друга лица, низкие голоса, бормочущие о былых временах и людях, известных только им. И он. Зезв. Он. В отличие от остальных, свою порцию он выпивал изящно. Воду, порой вино — обычно красное, будто изображающее кровь. По сравнению с нашей первой ночью он стал одеваться более элегантно, хотя и неброско. В тёмно-белой бархатистой рубашке с пуговицами цвета кости он выглядел прекрасно. Я могла бы убить его. Нас легко убить — автокатастрофа, пули — хотя мы можем прожить, как однажды упоминал Тифа, даже тысячу лет. Наверное, очередная ложь.

Тем не менее, сегодня вечером я туда не пошла. Я собиралась перекусить у себя, последним яблоком и сушеными вишнями.

Около половины одиннадцатого в мою дверь постучали. Я подпрыгнула, больше из-за того, что ждала чего-то подобного, чем из-за удивления. Я отложила книгу с пьесами Чехова, и спросила: «Кто там?», прекрасно зная, кто пришел.

— Можно войти? — спросил он. Формальный, мелодичный, чужой.

— Я бы предпочла, чтобы ты оставил меня в покое.

Он не обратил особого внимания на мои слова:

— Хорошо, Дейша. Я спущусь в библиотеку. Никого кроме нас. Свежий кофе. Я буду ждать до полуночи. Потом у меня дела.

Я встала, подошла к двери и высказалась с удивившим меня саму хрустящим ядом в голосе:

— Дела? Выслеживать животных в лесу и разрывать их на части, чтобы добыть правильную свежую кровь? Такие дела?

Наступила тишина. Затем он сказал:

— Я буду ждать до полуночи.

И исчез. Я знала это, хотя и не слышала, как он ушел.

Я вошла в библиотеку после одиннадцати, одетая в свадебное платье. Я рассказала ему об этом.

— Это к несчастью, — заметила я небрежно, — жениху видеть невесту в ее платье до свадьбы. Но наш брак портить уже некуда, не так ли?

Он сидел в кресле, вытянув длинные ноги к огню. На нем были джинсы, свитер и сапоги для поздней прогулки. Со спинки кресла свисала кожаная куртка.

Кофе давно остыл, но несмотря на это, он встал, налил чашку и подал мне. Ему удалось — он всегда справлялся с этим — передать её, не касаясь меня.

Затем он отошел и встал у очага, глядя на высокие книжные полки.

— Дейша, — сказал он, — я понимаю, насколько ты смущена и сердита...

— Да ну..?

— ...но я прошу тебя выслушать. Не перебивая и разрушая комнату...

— О, Бога ради...

— Дейша.

Глаза его почти добела выцвели из зеленого стекла. Он с ума сходил от ярости, но, в отличие от меня, контролировал злость. Он использовал её, как удар хлыста, молнией рассекающий комнату. И в то же время — боль на его лице. Скрытая боль, и... разочарование... или отчаяние? Только это удержало меня от того, что-

бы развернуться и уйти. Я застыла столбом, и думала: «Ему так же больно, как и мне. Почему? Кто сделал это с ним? Боже, он ненавидит идею жениться на мне так же сильно, как и я. Или... он ненавидит способ, которым его... нас... использовали.»

— Хорошо, — Я села в кресло и поставила чашку с холодным кофе на пол. — Говори. Я слушаю.

— Спасибо.

Громадные старинные часы тикали на каминной полке. Тик-так-тик-так. Щелчок в секунду. Шестьдесят. Минута, о которой он просил меня прежде. Минута, которую дрожащая Юнона держала меня на свету.

— Дейша. Я отлично понимаю, что ты не хочешь быть здесь, наедине со мной. Я надеялся, что будет иначе, но я не удивлен. Тебе пришлось оставить свой дом, знакомых людей, любовь, стабильность...

Я обещала молчать; я не возразила.

— ...Переехать в гребаный памятник старины и стать партнером какого-то парня, которого ты видела только в видеоролике. Я буду честен. Меня тянет к тебе с тех пор, как я увидел твои фото. Я тупо подумал: «Это прекрасная, сильная женщина, которую я хотел бы узнать получше. Может, мы сможем сделать что-то из этого запланированного беспорядка. В смысле, что-то для нас с тобой. Дети — последнее, о чём я думал. У нас было бы полно времени, в конце концов, чтобы прийти к этому решению. Но ты... Я готовился. Я ждал встречи с тобой. И я должен был встретить тебя. Просто кое-что произошло. Нет. Не тяга к тому, чтобы разрывать животных на части и пить их в лесу. Дейша, ты видела водопад?

— Только из машины, — удивилась я.

— Там живёт одна из наших человеческих семей. Я должен был пойти и... — он запнулся, — Люди в этом доме выключены, как компьютеры без электричества.

Я тут вырос. Это был ад. Да, то самое место, в которое ты хотела меня послать. Только не яркое или огненное, просто мертвое. Они мертвы. Живые мертвецы. Немёртвые, прямо как в легендах или этой чёртовой книге о Дракуле. Но я не мёртв. И ты тоже. Тебе не приходило в голову, — внезапно спросил он, — как звучит твоё имя? Дейша. День-ша. Красиво. Так же, как ты сама.

Он фактически предложил мне вступить в диалог, поэтому я вставила реплику:

— Но ты не выносишь свет.

— Не выношу. Но это не значит, что я не жажду света. Когда мне было два года, меня выставили наружу — папа вывел меня за руку. Он выдерживал около часа солнечного света. Я был так взволнован, ждал этого с нетерпением. Я помню первые цвета, — он закрыл глаза, затем открыл их, — Потом взошло солнце. Но я ничего не видел. Первый же луч настоящего света и я ослеп. Моя кожа. Я не всё помню. Только тьму, агонию и ужас. Одна минута. Мое тело не справилось. Я болел десять месяцев. Затем снова начал видеть. Спустя десять месяцев. Но я видел дневной свет, конечно, в фильмах и на фотографиях. Я читал о нём. И музыка: «Восход солнца» Равеля, из того балета. Можешь представить, каково это: любить дневной свет, зная, что никогда не сможешь увидеть его по-настоящему, никогда не почувствуешь тепло, не вдохнешь его запах, не услышишь звук, кроме записи с компакт-диска — никогда? Когда я увидел тебя, ты была... ты была как настоящий дневной свет. Знаешь, что я сказал отцу спустя десять месяцев, когда начал восстанавливаться после тех тридцати секунд? «Почему... — спросил я. — Почему свет мой враг, почему он хочет меня убить? Почему свет?»

Зеэв отвернулся и сказал яркому, как солнце, пламени очага:

— И ты как дневной свет, Дейша. И ты стала моим врагом. Дейша, я освобождаю тебя. Мы не поженимся. Я объясню всем, прежде всего Северинам, что это только моя вина. Им не в чем будет тебя обвинить. Итак, ты свободна. Я сожалею о тех мучениях, которые я, не желая того, эгоистично заставил тебя испытать. Прости, Дейша. А теперь, бог знает, уже поздно и мне нужно уйти. Это не грубость, и я надеюсь, сейчас ты это примешь. Пожалуйста, верь мне. Иди наверх и хорошо выспись. Завтра ты сможешь вернуться домой.

Я застыла, как бетонный блок, чувствуя себя разбитой его словами. Он надел куртку, направился к двери, и только тогда я смогла встать:

— Погоди.

— Не могу, — он не смотрел на меня, — Прости. Коекому я очень нужен. Пожалуйста, поверь. Это правда.

Я услышала собственный голос:

— Человеческая девушка?

— Что? — не понял он.

— Из человеческой семьи, с которой ты, похоже, должен быть... с водопада? Это они? Ты хочешь человеческую женщину, а не меня.

Он рассмеялся. Смех его был почти грубым, зато настоящим. Он вернулся и взял меня за руки.

— Дейша — день мой — ты сумасшедшая. Отлично. Иди со мной и сама посмотри. Нам придется поторопиться.

В руках покалывало; сердце моё уже билось в бешеном темпе.

Мы смотрели друг другу в лицо. Ночь колебалась, меняла форму. Он отпустил меня и взлетела вверх по лестнице. Содрала с себя платье, порвал рукав на плече и бросила его рядом с туфлями. Пятнадцать минут спустя мы бежали бок о бок вдоль трассы. Этому не

было никакого оправдания, никакой разумной причины. Но я увидела его, увидела, словно луч солнца стремительно рассёк темноту ночи и впервые показал его мне. Свет, который был врагом и ему и моей матери, но не мне.

Низко висящая луна ласкала струи водопада, похожего на жидкий алюминий. Его рёв заполнял пространство своего рода глухой зоной. Дом людей стоял примерно в миле оттуда, укрытый черными колоннами сосновых стволов.

Дверь открыла молодая блондинка и неприкрыто просияла при виде Зеэва:

— О, Зеэв. Ему намного лучше. Наш врач говорит, что он фантастически быстро восстанавливается. Но заходи.

Внутри была уютная комната с низким потолком и танцующим огнем в очаге. Чёрный кот с белой грудкой и «носочками» выпрямился в кресле и одарил поздних гостей хмурым взглядом умных глаз.

— Поднимешься? — спросила женщина.

— Да, — Зеэв улыбнулся и добавил, — Это Дейша Северин.

— О, так ты Дейша? Хорошо, что ты тоже выходишь.

Зеэв уже поднимался наверх. Человеческая женщина вернулась к складыванию полотенец на длинном столе.

— Разве для вас не слишком поздно? — спросила я.

— Мы допоздна не ложимся. Нам нравится ночь.

Я знала, что такое не было редкостью у Северинов. Но я никогда не разговаривала с людьми и не была уверена, что должна сказать. Над головой послышался скрип досок пола; Зеэв ходил без шума. Очевидно, там был человек, который «восстанавливался».

— Это случилось сразу после заката, — сказала женщина, укладывая синее полотенце поверх зеленого. — Ужасная авария: цепь порвалась. Боже, когда его привезли

домой, мой бедный Эмиль... — её голос дрогнул. Наверху тоже разговаривали тихими голосами, едва слышимыми даже мне. Она подняла голову, румяная и довольная, и продолжила уже спокойно. — Мы позвонили в дом, и сразу же пришёл Зеэв. Он сделал замечательную вещь. Это сработало. У него всегда работает.

Я уставилась на неё, быстро, испуганно дыша:

— Что, — спросила я, — что он сделал?

— О, но он должен был тебе рассказать, — невнятно намекнула она, — То же, что и для Джозла, и для бедняги Арреша, когда тот болел менингитом...

— Расскажи ты, — потребовала я. Она моргнула. — Пожалуйста.

— Кровь, — она извинялась за то, что смутила меня, хоть и не поняла чем, — Он дал им выпить своей крови. Кровь их исцелила, конечно же. Помню, как Зеэв сказал Джозлю: «Всё в порядке, забудь о сказках, это тебя не изменит, только вылечит». Зеэву самому тогда было всего шестнадцать. Он спас пять жизней. Но, без сомнения, он слишком скромнен, чтобы сказать тебе об этом. С Эмилем то же самое. Это шокировало, — теперь она не колебалась, — Зеэву пришлось действовать очень быстро, и он прорезал свой рукав и вену, чтобы сэкономить время.

«Кровь на рукаве, — подумала я. — Раны вампиров заживают быстро. Всё затянулось, осталась лишь маленькая ржавая пометка».

— И мой Эмиль, мой милый, он в безопасности и жив, Дейша. Благодаря твоему мужу.

Его голос отвлек меня от ревающего пламени очага:

— Дейша, поднимись на минутку.

Женщина положила оранжевое полотенце на белое, я молча поднялась по лестнице, и Зеэв сказал:

— Я попросил Эмиля, и он любезно согласился показать тебе, как это делается.

Я стояла в дверном проёме и смотрела, как Зеэв с помощью тонкого чистого ножа сцедил немного крови в кружку с котиком, похожим на умного черного кота этажом ниже. А сидящий на кровати улыбающийся мужчина в халате поднял кружку, отсалютовал Зеэву и выпил дикарское лекарство.

— МЫ МОЛОДЫ, — СКАЗАЛ он мне, — мы оба по-настоящему молоды. Тебе семнадцать, верно? Мне двадцать семь. Мы единственные действительно молодые здесь. Остальные, как я упоминал, выключились. Но мы можем что-то сделать не только для себя, но и для наших людей. Или моих людей, если хочешь. Любых людей. Разве это не справедливо, учитывая то, что они делают ради нас?

Возвращались мы неторопливо, уверенным шагом ступая по верхним террасам черной бездны оврага, ощущая себя всемогущими. Сидели на опушке леса и смотрели на серебряный водопад. У него не было выбора. Он вынужден был вечно падать в неизвестность тьмы внизу, неспособный и не желающий остановиться.

Я всё думала о мазке крови на его рукаве, о своей догадке и о том, как оказалось на самом деле. Вспомнила про Юнону, одержимо поливающую своей кровью «алтарь» мужчины, которого она перестала любить. Как перестала любить и меня. Она ненавидит меня, потому что мне передались гены солнцeroждённой и я могу жить днем. Но Зеэв, не способный вынести даже тридцати секунд солнца, не ненавидит меня за это. Он не испытывает ко мне ни капли ненависти.

— Ты вернешься к Северинам завтра? — спросил он, когда мы сидели на грани ночи.

— Нет.

— Дейша, даже если они нас поженят, прошу тебя, поверь: если ты однажды захочешь уйти, я не стану препятствовать. Я поддержу тебя.

— Тебя так мало заботит...

— Так много.

Его глаза сияли во тьме, посрашив водопад.

Когда он коснулся меня, я узнала его. Я вспомнила ту самую невероятную радость, тот жар и горение, ту вновь обретенную правильность — и упала в вечную бездну подобно сияющей воде. Прежде я не любила никого, кроме Юоны, да и та излечила меня от любви.

Он целитель. Его кровь может лечить, передавая жизненную силу вампира, но не заражая. Получившие его дар не становятся одними из нас. Они просто — живут.

Многое, много позже, когда мы расстались перед рассветом — расстались до следующей ночи, ночи нашей свадьбы — мне пришло в голову, что если он сможет исцелять, позволив людям пить его кровь, то возможно, я могу предложить ему немного своей. Потому что моя кровь может помочь ему выдержать дневной свет, хотя бы на одну единственную драгоценную минуту.

На свадьбу я надена зеленое. И стеклянное ожерелье цвета морской волны.

К концу бесконечных суток, не способная заснуть, я написала:

Когда он коснулся меня, когда он поцеловал меня, Зеэв, чье имя действительно означает «волк»[2], стал близок мне. Я не хочу верить, что ему придется прожить всю свою долгую, долгую жизнь, ни разу не увидев солнца. Он сам напомнил мне. Его тепло, его поцелуй, прикосновения его рук — моё первое воспоминание о взорвавших темноту золотых лучах. Исчез страх, который в любом случае

никогда не был моим, остались лишь знакомые волнение и счастье, лишь гостеприимно распахнувшая объятья опасность. Возможно, я ошибаюсь. Возможно, я заплачу высокую цену за обман. И за самообман тоже, потому что я понял, что он значит для меня в тот же миг, как его увидела, — зачем ещё мне было возводить вокруг себя баррикады? Зевэ — восход солнца во тьме моей до сих пор бесполезной жизни. Да. Я люблю его.

ЖЕНЩИНА-ДЕМОН

ОНА ЖДАЛА В высокой башне.

День заканчивался. Начинался другой. Она ждала.

Башня была белой, внизу, далеко-далеко, открывалось пространство меловых дюн и виднелось серое море.

Ее мир был серый, белый, в полутонах, сверкающий, без очертаний. Мир бестелесный и мир абстрактный. И она сама была белой, ее пенное платье, ее ноги, тонкие руки — все белое, как известковые холмы, разбегавшиеся по сторонам от моря. Но ее длинные волосы были красными, кроваво-красными, пурпурными, как извержение магмы из белого мрамора ее кожи. Она не смотрела на свои волосы; неосознанно она боялась их, хотя каждое утро и переплетала их в тугие косы.

Она ждала, и не так важно, почему она ждала, кого или зачем. Она не думала о будущем, не вспоминала о прошлом. У нее не было памяти, или это только так казалось. Она наблюдала за чайками, что кружили в воздушных потоках, издавая пронзительные крики. Каждый день, в положенное время, она выходила из башни и возвращалась туда в другое положенное время, как заведенные часы.

ШЛО ВРЕМЯ, НО время не имело для нее смысла. Это могло быть завтра или вчера, когда она увидела его.

Он приехал на побережье на рассвете верхом на золотистом коне, мужчина в золотых одеждах. Грива коня как зрелая пшеница, пурпурные поводья с золотыми колокольчиками. Он ослепил ее своим блеском. Это был рыцарь в доспехах.

Она почувствовала оживание, когда выглянула вниз с высоты белой башни. Этого ли человека она ждала? Он казался крошечным, пылающим термитом, въехавшим в арку. И проснулось эхо, потом его шаги заговорили по ступеням. Она представила, что он рассматривает некоторые вещи, он подходил к ней все ближе. Она обернулась к двери, в какую он сейчас войдет. Ее сердце билось. Бездумно она подняла руки и распустила волосы...

Он стоял в дверях, разглядывая ее. Ей захотелось, чтобы он улыбнулся, тогда как взгляд его был дерзким.

— Где Голбрант? — спросил он.

Она поднесла ладонь к губам и покачала головой.

— Он, который был здесь. Прошло уже тридцать дней, как он уехал верхом в Креннок-дол. Он, у которого за плечами мир и щрам крест-накрест на лбу...

Она продолжала качать головой, а ее сердце бешено билось.

— Голбрант, — повторил он. — Мой брат по клятве, не по крови. Это ему Сестры сказали: «Берегись белой женщины, ждущей смерть на берегу моря».

Он подошел к ней, схватил ее за волосы и намотал их на свою руку, пока боль не наполнила ее череп.

— Где Голбрант? — прошипел он.

Вот как это было для нее: его глаза показались ей летними садами. Ей захотелось вытянуть из них аллеи

янтарной прохлады и желтые стрелы солнца, она желала воплощения мечты, стремлений, увиденных в глазах, чтобы заполнить мрак и пустоту волей их света. Она была голодна и мучима жаждой его отраженной жизни, как рыба алчет воды, крылья птицы — воздуха. Ее глаза вдыхали и пили, как звери пьют из омута. Она тянула руки к его шее, к тяжелым доспехам, лнула к нему. Он осыпал ее проклятиями, пытаясь освободиться от ее рук и глаз, но не мог. Это было родом приятной смерти в объятиях, в пристальном взгляде. Она топила его в своих глазах и своем теле. Он плыл по течению ее плоти, поток уносил его прочь, и он затерялся в блаженстве, которое она давала ему. Ни одна женщина ни до, ни после этого не могла сравниться с ее сладострастием, предназначенным только для него. Это было потрясение, вмещающее в себя океаны и первоисточники; он силился достигнуть верховья и громко кричал, чтобы прикоснуться к нему.

Вскоре его тело сияло. Он тонко посмотрел на бледное существо, извивавшееся внизу, и понял, что жизнь его на исходе.

Усилием воли он отстранился, чтобы уберечься от страшного алчущего блеска глаз.

— Итак, то, что говорят о тебе, это правда, белая женщина, — пробормотал он в ледяном гневе. — Ты поглощаешь знания и разум взглядом и чревом. Да, я почувствовал, как они покидали меня: еще немного, и я стал бы пустым, как кость, попавшая в зубы волка. Ты также поступила с Голбрантом?

Мрачный, тусклый, погаснувший его взгляд блуждал. Она лежала на полу. Она не понимала. В темном уголке ее сознания теплилась память, слабая как сновиденье, о темноволосом мужчине на гнедом коне, с лирой за плечами, девичьим лицом и неровным крестом над

глазами. Она припоминала, что также ждала его, потом он пришел, минуя долгие комнаты, поднимаясь по лестнице башни. Но он не успел уклониться, и его свет и разум перешли к ней. Она посмотрела на мужчину, которым едва не овладела. Не было ни шока, ни паники, ни отвращения.

— Он умер. — Ее единственные слова.

Золотоволосый рыцарь обнажил меч, замахнулся, чтобы снести с плеч ненавистную голову, но не в обычаях воинов Креннок-дола было поднимать руку на женщину, каким бы сильным не являлся их гнев. Он остановился и, спустя мгновение, вложил меч в ножны.

— Живи, вампир, — сказал он. — Но никогда впредь не имей дела с мужчинами и не лишай их разума, иначе быть твоей голове на колу...

Для нее эта не имело смысла; она была не совсем, не вполне человеком, людские законы и ценности находились для нее по ту сторону мира. Она молча смотрела на него, она уже любила его, потому что он сумел вырваться и больше не нуждался в ней.

Он переходил из комнаты в комнату, разыскивая своего брата Голбранта, но Голбрант упал в море с высокой башни. Волны подхватили тело, как болотные склизкие псы, чайки и хищные рыбы терзали его так, что кроме золотой лиры, теперь зеленой в морской воде, ничего не осталось от него.

Пока воин искал, женщина неотступно следовала за ним. Она не могла сказать, куда делся Голбрант, потому как не могла вспомнить. Она смотрела ему в спину, заглядывала в лицо, когда он оборачивался. Ее любовь была всепоглощающей.

Но он оттолкнул ее и сбежал вниз по ступеням башни. Во дворе оседлал коня и уехал вдоль известковых дюн по морской дороге.

ТРИ ДНЯ ОНА бродила по башне. Она не прибирала своих длинных, дивных волос. Она не выходила по утрам на белесое взморье. Она перестала ждать. Голбрант и другие, которые затонули, словно корабли, в ее смертельных объятиях, потеряли волю и разум в ее чреве, в ее глазах, остались забытыми, а его, гневного воина на золотогривом коне, с узкими глазами, с льяняными волосами, с ненавистным его уходом, она помнила.

На четвертый день, спустившись по лестнице, она вышла из башни и двинулась по приморской дороге вслед за ним. Раньше не было желаний даже выйти на свет, теперь появилась нужда. Ветер разогнал серые тучи, солнце и ее развевающиеся волосы были двумя яркими пятнами пурпура в той бесцветной земле, которую она оставляла.

Несколько дней пути изменили краски местности. Взамен белого пришли черные. По темному небу катили грозовые тучи. Ее ноги покраснели, острые края камней впились в них, подобно змеям. Она была одной из тех, кто не нуждается в отдыхе и потому шла, не останавливаясь день и ночь. Она держалась следов, оставленных копытами коня; иногда они пропадали. То тут, то там она находила клочья его плаща, вырванные, должно быть, кустами ежевики, или подходила к остывшей золе костровища, погружала в нее пальцы и пробовала пепел кончиком языка. Над головой светила луна, казавшаяся почти прозрачной. У воды, над голубоватым костром хлопотала старая ведьма, помешивая варево в закопченном котле смерти. Она куталась во что-то черное, отчего были видны лишь точечки глаз и тощие костлявые руки. Заметив белую женщину, она закричала:

— В Креннок-дол ведет эта дорога!

Затем колдунья бросила свое варево, поднялась к ней на берег и ткнула руку в воду.

— Нет пути для тебя на ту сторону. Мост разрушен. Он знал, что ты пойдешь за ним. Он испуган. Я дала ему амулет, который не принесет добра. Взгляни на себя, алчущую! Это ли есть твоя любовь?! Разве не ты лишила жизни его сводного брата Голбранта? — старуха мрачно хихикнула.

Но белая женщина брела вдоль берега, отыскивая место для переправы. И оно там было, видное всякому, только не ей. Колдунья побежала за ней, подпрыгивая как горный козел, и черные рожки на ее голове недвусмысленно указывали на ее происхождение. Колдунья коснулась плеча белой женщины.

— Ты хотя бы знаешь его имя? Коли не боишься, ступай в воду, река вынесет. Долгие поиски у тебя впереди, но когда найдешь его, он будет твоим. Только помни о цене, которую он заплатит за это. Он лишится разума, хотя что тебе до того — ты ведь убережешь его от высоких скал и гибели. Словно младенец и мужчина в одном человеке, и так всегда, на веки вечные.

Она слушала. На краю обрыва колдунья прошептала:

— Если выпустишь его, станешь прахом. Помни! — и толкнула ее вниз к воде. Белая женщина не чувствовала страха. Волосы и платье держали ее на поверхности воды. Река несла всю ночь под голубым куполом звезд, река влекла ее между холмами серебряной нитью, а ближе к рассвету выбросила на берег.

Наутро шесть или семь рыбаков ее нашли. Они решили, что она самоубийца, и истово крестились, пока один из них бегал за священником; затем она очнулась и кинулась прочь от них...

ЗЕМЛИ КРЕННОКА — ЭТО земли живого оазиса между мертвыми пустошами севера, юга, запада и

востока. На вершине зеленого холма стоит дом короля. Двести мраморных колонн поддерживают кровлю в огромной королевской зале. Повсюду журчат фонтаны. Деревья ломаются от круглых плодов, зреющих под желтым небом. Это место называют Креннок-долом. В больших бронзовых воротах висит колокол величиной с доброго воина, а его язык размером с девочку лет десяти. Она не собиралась звонить в колокол, для этого был нужен высокий мужчина на рослом коне. Она стала бить руками и ногами по бронзовой обшивке двери.

В королевстве существовал закон, согласно какому путника, пришедшего в поисках милости, справедливости или с какой иной просьбой, король, по крайней мере, выслушивал его. Поэтому вышедший на стук привратник впустил ее и был удивлен мокрыми волосами и платьем, оставляющим за собой след черных речных водорослей.

Она поднялась по широкой лестнице в зал с колоннами. Король и его воины, недавно вернувшись с заутрени, закусывали и выпивали. Сам король восседал в высоком золоченом кресле, как сидел здесь и три дня назад, когда в зал вошел воин, примчавшийся со стороны моря. Король поднялся тогда, чтобы приветствовать его — он любил этого воина несколько больше остальных, хотя, возможно, теперь предпочел бы увидеть Голбранта вместо Алондора, кто стоял перед ним, и которую женщины за глаза называли Золотым.

Алондор отстранился от владыки.

— На мне лежит проклятие, — сказал он. — Не дай Бог, я передам его вам, как заразу.

Он рассказал королю о гибели Голбранта. Он напомнил о Сестрах, пяти темных ворожеях, за пять месяцев до гибели Голбранта явились в Креннок-дол поведать

пророчество о смерти пяти воинов. Когда он говорил о женщине в башне и о том, что с ней сделал, его лицо заливала краска стыда. Позже он исповедался у священника. Священник долго молился за Алондора.

...ОНА ЗА НИМ. Шла безжалостная зима, со своим холодным белым желанием. Окажись Алондор снова в ее объятиях, у него не достало бы сил бежать. Победенная, она заманит его в ловушку, лишит разума и жизни: такова мрачная магия сексуального вампиризма, древнейшего и наиболее ужасного из всех проявлений демонов в мире.

За день до ее прихода Алондор поспешно скрылся из Креннок-дола.

Она стояла в королевском зале, и искала его глазами, а ее сердце неистово билось. Она увидела, что его нет. Затем, забыв о боли, памятуя только о нем, она повернулась, чтобы выйти из королевского дома той же дорогой, что и вошла.

Король и трое подросевших воинов встали у нее на пути. Они подняли мечи, чтобы свершилось возмездие, но снова старый позор сковал их руки. Они никогда не убивали женщины. Она молча прошла мимо воинов и короля.

— Идите за ней! — воскликнул король. — Сделайте то, что должен был сделать Алондор. Помните, она не женщина!

Воины выбежали за ней из залы. На лестнице один из них заглянул ей в лицо и отпрянул в ужасе; ничего не смог сделать. Другой настиг ее на нижних ступенях, обошел, замахнулся мечом, но в последнее мгновение она показалась ему жалкой бедной умалишенной.

«Здесь какая-то ошибка!» — вскрикнул воин и пропустил женщину.

Третий кинулся к лошади и помчался за женщиной. Воину показалось, что он на охоте; он слышал призывный лай собак и видел мелькание белой лани, скачущей вниз с зеленого холма. Подъехав достаточно близко, воин поднял ее на коня и, держа одной рукой безвольное тело, повернул поводья к лесу. Там он опустил ее на землю и бросился поверх нее, сраженный внезапным исступлением похоти. Мечом, которым воин боролся с жертвой, был пенис, и вскоре она выскользнула из-под него, а днем позже королевские слуги нашли бесноватого сумасшедшего, зовущего охотничьих псов между деревьями...

ОНА ШЛА ОКОЛО года. Весь год Алондор бежал впереди нее. Он стал наемником, продающим свое боевое искусство королям, чьи войны казались ему справедливыми. Но он никогда не оставался долго на одном месте. Его преследовали сны, полные страха и вождедения, и в них был его брат Голбрант.

Сменялись времена года. Алые листья застревали в ее волосах, падали под ее покрытые рубцами, натруженные ноги, осыпали поля сражений, по которым он проезжал. Выпал и сошел снег, кончился период дождей и промозглых туманов. За землю Креннока, в серой безжизненной пустыне, с чахлыми ползущими деревцами — он бежал; она догоняла, ведомая чутьем и желанием, видя и слыша только его.

В бесплодных равнинах севера он достиг, наконец, владений отшельника короля, чье жилище было темным и мрачным, как скалы вокруг него. Он постучался в ворота, ослабший от ран, полученных в сражениях. Он по-прежнему имел ту же внешность мужчины, на которого смотрят, но в его золотых волосах уже заблистали серебри-

стые локоны, а взгляд обратился в глубину его души, как у слепого или человека, одержимого бесами. Таким было наказание за тот не нанесенный им в башне удар.

В зале, где плясали тени от факелов, Алондор разговаривал с хозяином замка, когда появился звенящий шум и вошел в его голову. Краем глаза воин увидел бледную тень, открывавшую двери. Узкое белое лицо на беленых плечах и кроваво-красная пелена, обрамлявшая шею. Он решил, что она нашла его. С ним случилось нечто вроде обморока, который есть последний приют перед смертью.

Но в дверях была не та женщина, о ком он думал. То заглядывала дочь хозяина Сандра, накинувшая поверх головы пурпурную шаль. Она была хороша, как икона. Кожа мраморно-белая, а алые губы и темные волосы, как у Голбранта, когда он с лирой за спиной возвращался в Креннок-дол. Сандра и вправду могла оказаться сестрою Голбранта, ибо имела с ним поразительное сходство, хотя ничего и не знала о воинах с поросших зеленью холмов. Она практиковала свой собственный способ ожидания. И когда Сандра увидела Алондора с кошмарами в глазах, она тоже почувствовала возбуждение. Если бы он надумал в то время завоевать ее любовь, он не нашел бы ничего лучшего, как рухнуть подкошенным в нескольких ярдах от ее ног.

Она взяла на себя роль заботиться о нем и до самого конца не находила свой труд утомительным. Открыв глаза и увидев ее, он ощутил, как жизнь возвращается к нему новой ненаписанной страницей.

Любовь между ними росла также быстро, как растет ребенок.

Наступила весна, и одна из ночей застала их вместе в его спальне. Сандра принесла с собой свежесть, но Алондор уже знал блаженство демонов, и его умиляло

то, что с Сандрой наслаждение не казалось столь нестерпимым...

Ближе к рассвету Алондор поцеловал Сандру и сказал:

— Завтра, Шани, я покину тебя, я должен уйти отсюда.

Ее глаза наполнились слезами.

— Нет, — с грустью улыбнулся он, — не поэтому. На мне проклятие. За мной гонятся. Если я останусь...

— Тогда я пойду с тобой.

— Нет! Что за дар любви от меня твоей сладости, Сандра, если я обреку тебя странствовать бездомной моими путями? — Лицо Алондора побледнело и он с трудом выдавил из себя: — Я пойду...

Да, Сандра была нежной, но это нисколько не мешало ей быть сильной, как и всякой девочке из северных земель. Она схватила Алондора за руку и потребовала от него всей правды, настаивая снова и снова, пока он не отторг ее и не рассказал всего...

— Пусть она приходит, — прошептала Сандра. Ее глаза загорелись.

Он слишком устал. Год отнял у него все силы. Он остался, ибо женская защита показалась ему надежней, чем любой меч или щит в далеком мире.

ШЛИ ДНИ. ЗИМУ сменила весна. Птицы вили гнезда на уступах скал и кровлях жилищ. Алондор поступил на службу к хозяину. Он сражался за него и вернулся с головами убитых. Пир в его честь затянулся до ночи, но несмотря на вино и мясо, он чувствовал в себе усиливавшийся озноб.

Алондор ходил из угла в угол запертой комнаты. Сандра спала. Луна цвета пожелтевшей кости явилась поздно. Он смотрел вдоль мощеной дороги и видел нечто белое, стоявшее там, с развевающимися за спиной пурпурными

волосами, с длинными тонкими руками. Она не изменила одежду; ее белое платье висело на ней клочьями савана, ноги были покрыты рубцами. Ее лицо было обращено вверх в звериной тоске; ее глаза, как омут, отражали один его образ. Ее любовь оставалась всепоглощающей. Она съела бы его, если бы смогла.

Алондор преклонил колени и начал шептать молитву, но вместо слов ему на ум шел только образ белой женщины. Она перешла дорогу. Алондор видел, как женщина ступает в ворота подобно белому дыму. Он слышал ее шаги по ступеням. Отворилась дверь...

Сандра проснулась и села на постели. Она посмотрела на Алондора, застывшего в молитве; слова к богу все тише и тише слетали с его губ.

Сандра ощутила ужас: преследовательница была здесь.

В это мгновение он поднялся на ноги. Молитва разом иссякла. Перед ней был человек, лишившийся всего — за исключением той единственной вещи, которая звала и притягивала его. Будто робот, Алондор повернулся, пересек комнату и вышел. Он шел бодро. Алчущий и заколдованный чарами белой женщины, Алондор бездумно шел к ней, ждущей его внизу лестницы.

Когда он шагнул на ступени, Сандра вскочила с постели. Если Алондор выглядел загоревшимся и оживленным, то она казалась его смертью. Сандра, схватила меч, оставленный им, и пошла, дрожа, крадучись, как кошка, вслед за ним.

Она, женщина из высокой башни на морском берегу, была в доме. Она ждала в коридоре, чувствуя, что сейчас он наконец придет к ней. Ее сердце колотилось. Она подняла руки, чтобы распустить волосы, но найдя их свободными, опустила руки. Ей казалось, что она в башне, хотя это не имело значения для нее. Ей чудилось, что она

слышит гул моря, несущего волны на взморье; возможно, это была пульсация ее собственной крови, страсть тела, выплеснувшаяся наружу. Вскрикнула чайка, но еще оставалась ступенька под его ногой. Он повернул за угол и открылся для нее. Тепло и радость наполнили ее, как пустой сосуд, которым она была. Она протянула руки, и он вновь пожелал войти в нее. Он забыл.

Но Сандра уже стояла позади него, держа в руках меч. Она также обладала знанием древнейших способов безотказной магии. И в тот миг, когда Алондор шагнул навстречу своей смерти, Сандра встала между ними. Она подняла тяжелый меч и взмахнула им, словно он был сухим стеблем травы. Она ничего не знала о воинах Креннок-дола, о рыцарстве мужчин, не причинявших зла существу, имеющему грудь и лоно, существу, которое они называли женщиной. За все, что она считала для себя дорогим и священным, она нанесла лишь страстный удар. То, что почувствовала женщина с берега моря, было долгой бесцветной болью, затем долгой пурпурной. Ее голова упала с плеч, но ее агония длилась многие века. По пришествии этой вечности она легла оглушенная, бессловесная, ослепленная, расчлененная... Она узнала, что значит быть сонмом разрозненных частиц, и в то же время оставаться целой.

Сандра в страхе отступила за спину Алондора, и он поддержал ее, пробуждаясь после транса. В эту минуту она стала для него Голбрантом, его клятвенным братом, который поднялся живым со дна моря, темноволосый, с золотой лирой за плечами, и нанес свой знаменитый удар, какой и не подумал применить в башне. Таким образом, Сандра окончательно завоевала его любовь.

Они держались вместе, а белая женщина чувствовала себя в стороне лепестками раскрывшейся розы. Она просыпалась на их лица, словно белая пудра. Она стала прахом, как обещал ей сам сатана в облике ведьмы в голубом

лунном свете. Пыль кружилась. Крупницы рассеивались на частицы, миллионы становились миллионами миллионов. Вскоре она уже была невидимой для глаз.

Однако она сознавала. В каждой клеточке, в каждом ничтожном атоме ее голод продолжался и упорствовал.

Теперь она была рассыпана в пространстве, бесконечное множество мест притягивало и отбрасывало ее. Она оказалась во всем, ее голод повсюду.

Много позже Алондор и Сандра станут прахом, но они не развеются, как она, по миру. У нее нет имени. Она в каждом движении, сновидении, мысли. Она всё и ничто. Она по-прежнему ждет и будет ждать вечность на каждой пяди земли.

Незнакомцы приходят, поднимаются и спускаются не-вредимые по ступеням белой башни. Чайки строят гнезда в развалинах. В один из дней каждый камень обрушится мелкими камешками на всем протяжении известковых дюн. Однажды также рухнут скалы. После них — земля. Море отступит и истощится, небо упадет, а звезды исчезнут. И в этом окончательном или промежуточном мраке она останется. По-прежнему ожидая.

Жаль ее.

ДЕТИ НОЧИ

Глава 1. Сон

ВОЛОСЫ У МАРСИНЫ были цвета красного янтаря, кожа — как сливки, и порой под ее окном распевали свои песни юные влюбленные поэты. Кроме того, ее отец был богат. Она одевалась в расшитые шелка и украшала шею, запястья и щиколотки золотыми обручами. Никто не

сомневался в том, что ее ждет счастливый брак. И вот в один прекрасный день в город прибыл чужеземец. Он был одет как придворный, и его сопровождала свита. Он подъехал к дому Марсины и передал ее отцу то, что было поручено передать. Оказалось, о его дочери прослышал могущественный князь Колхаш; взяв волшебное зеркало, он рассмотрел ее как следует и остался доволен. А посему он возьмет ее в жены, и дата свадьбы уже назначена — через три месяца, в канун новой луны.

— Но... — начал было отец Марсины.

— И никаких «но», — оборвал его роскошный посланец. — Никто не смеет перечить Колхашу. Разве ты не слышал о моем господине?

— Кажется, слышал... — пробормотал отец Марсины. — Но слухи часто обманчивы.

— Поскольку тебе ничего не остается, как принять мое предложение, — не желая выслушивать протесты, молвил гонец, — я сразу вручу дары, посланные моим господином в знак помолвки.

При этих словах вперед выступили слуги, разодетые как королевские придворные, и глазам отца Марсины предстали сундуки и шкатулки, переполненные такими прекрасными вещами, что он проглотил язык от изумления. И, поскольку он так и не проронил ни слова до тех пор, пока посланец не отбыл вместе со свитой, можно было заключить, что он согласился отдать дочь замуж.

— Тебе оказали великую честь, — произнесла через некоторое время мать Марсины в верхних покоях.

— Тебя ждет восхитительная партия, — добавила ее тетя.

Марсина зарделась, как персик. Она уже была влюблена в сына одного из состоятельных соседей своего богатого отца.

— С кем? — прошептала она. — С Дером?

— С Дером? — презрительно рассмеялись ее мать и тетя. И Марсина побледнела как лилия. — Нет, гораздо лучше! — воскликнули они. — Ты выйдешь за благородного Колхаша.

Марсина вскрикнула.

— Ну же, ну же, — заворковала мать. — Выброси всякие глупости из головы. Можешь не сомневаться, что Колхаш могущественный и щедрый князь. О лучшем женихе и мечтать нельзя.

— О, пощадите! — пролепетала Марсина.

— Слишком поздно, — безоговорочно заявила ее тетя.

Так кто же такой этот Колхаш? В тех краях сведения о нем ограничивались двумя-тремя предположениями и несколькими туманными историями. Его считали баснословно богатым, и по крайней мере это предположение было подтверждено дарами, которые он сделал отцу Марсины. Кроме того, хотя он и не был волшебником, зато явно владел кое-какими магическими вещами — разве посланец не заявил, что его господин увидел свою будущую невесту в волшебном зеркале? Колхаш титуловался князем, однако где лежали его владения, никто не знал. Одно было известно точно — он далеко не молод, так как слухи о нем ходили уже не одно десятилетие. Впрочем, эти слухи мало на что проливали свет и, в основном, были мрачными и неутешительными. Например, поговаривали, что в библиотеке Колхаша хранятся книги, переплетенные в кожу младенцев. Кроме того, рассказывали, что от Колхаша ничего нельзя скрыть, так как у него глаза на затылке, конечно, в переносном смысле. А когда вечернее солнце закрывало облако, с опаской шептали: «Это Колхаш выпустил свою душу на прогулку».

Впрочем, городские мудрецы считали все это ерундой. Что до отца Марсины, то, хотя в юные годы он и

играл в детскую игру «Берегись когтей Колхаша», сейчас он не сомневался в том, что Колхаш, одаривший его шкатулками и сундуками, не может быть тем источником зловещих слухов. А потому он не хотел становиться на пути такой пылкой и щедрой любви.

За приготовлениями к приезду жениха время летело незаметно.

Марсина беспомощной мушкой намертво завязла в липкой паутине. Не находя себе места от тревоги и горя, она, смирившись, готовилась к свадьбе, порой представляя себе, что бы она ощущала, если бы ее ждал союз с Дером. (Об этом молодом человеке в городе говорили только, что он хорош собой и любит развлечения — на одни шпоры потратил больше, чем расходует за полгода семья бедняка).

Сначала Марсина надеялась, что Дер пошлет ей весточку. Однако тот безмолвствовал — вероятно, тоже был убит горем. Он ничем не мог ей помочь, и сама она была бессильна. Воспитанная в послушании, Марсина никогда не перечила родителям и не знала ничего иного, кроме покорности. К тому же ее все время окружали домочадцы, горничные и служанки, а так же родственницы, которые приезжали поздравить ее. Короче, не было еще на свете пленницы, которую охраняли бы более ревностно.

Точно так же, как Марсина не могла послушаться родительской воли, не по силам было ей и представить себе будущую свадьбу с таинственным князем Колхашем, не говоря уже о последующей совместной жизни.

А потом наступила ночь, когда под окном расцвел благоухающий жасмин, и девушка, изможденная и осунувшаяся, рухнула на постель и забылась тяжелым сном. И ее посетило странное видение...

Будто наступил день свадьбы, и их обвенчали. И вот ее несут в занавешенном паланкине по неизвестной

дороге, и лишь смутные воспоминания о сверкающих сосудах, благовониях и пряностях, фейерверках и барабанном бое проплывают в ее голове. Будто с обеих сторон паланкина движутся многочисленные придворные и воины, а чуть впереди на угольно-черном скакуне восседает он, ее муж, Колхаш.

И во сне она вдруг понимает, что до сих пор не видела его лица. Каким-то образом в течение всей долгой церемонии он был скрыт от нее, как и ее саму поначалу с головы до пят скрывала от чужих глаз расшитая бисером фата. Она не понимает, как это могло произойти — должна же была она его увидеть, когда он поднимал фату, и, тем не менее, она ничего не может вспомнить, не может даже сказать, какого он роста, строен или согбен годами. На ум приходит лишь черная лошадь, да и то, словно ее кто-то предупреждал об этом скакуне.

И вот Марсина ощущает непреодолимое желание раздвинуть занавеси паланкина и взглянуть на Колхаша.

Вокруг стоит глубокая ночь, ведь свадьба началась через час после захода солнца, когда взошла новая луна. Процессия ее повелителя движется сквозь темный ночной мир, поблескивая, как бегущая вода, парчой и металлом, ибо свита несет многочисленные светильники на высоких шестах черного дерева. Розовые, как полная луна, они покачиваются над головами, и к ним то и дело устремляются ночные мотыльки, натапливаются и падают замертво. Но сколько Марсина не всматривается в безмолвную процессию, ей никак не удастся разглядеть мужа. Зато она замечает другое: они подошли к лесу, который с обеих сторон обступает дорогу. Лес этот настолько темен и отгорожен от всего мира, что Марсина, и без того напуганная долгими месяцами ожидания свадьбы, холодеет от ужаса. Осознавая свою полную беспомощность, она опускает занавес паланкина.

Через некоторое время паланкин останавливается. Марсина в отчаянии ломает руки. И вдруг некто призрачный раздвигает занавески, кланяется и произносит:

— Госпожа, князю Колхашу угодно, чтобы вы вышли. Остаток ночи мы проведем под покровом этого леса.

И придворный помогает ей выйти из паланкина, хотя ей хочется этого меньше всего. И вот она на лужайке, на лесной прогалине среди покачивающихся фонарей. Темной стеной вокруг — деревья. Она понимает, что выхода нет.

— А теперь, госпожа, — говорит призрачный придворный, — я провожу вас в шатер вашего господина.

И снова Марсине приходится депать то, чего она совсем не желает. На негнущихся ногах она шагает по траве и ощущает ее прикосновения словно наяву. Вдали, на противоположном берегу потока, омывающего плоский камень, высится огромный сверкающий шатер. Встав на камень, Марсина переходит поток, и новые призрачные тени откидывают перед ней полог шатра.

Ей кажется, что она очутилась в чреве перламутровой раковины. Ни единого шва, намекающего на возможность выхода, не видно на драпировках шатра. Он обставлен предметами роскоши, а на золотой жердочке сидит огненная птица, испускающая фонтаны пламени из хвоста и гребня. Глаза ее, однако, холодны, как у змеи. В глубине шатра Марсина видит позолоченное черное изваяние, которое она принимает за статую какого-то неведомого божества. Но тут золотые руки «изваяния» вздрагивают под черным покровом, расшитым золотым солнцами и звездами, и черная маска с золотой диадемой слегка поворачивается. «Изваяние» устремляет на Марсину такой же холодный, как у птицы, взгляд, но не удастся определить ни формы, ни цвета глаз.

— Теперь ты моя жена, — звучит из-под маски низкий, глубокий голос. — Станешь ли ты это отрицать?

Марсина вздрагивает.

— Нет, мой господин.

— Тогда садись. Ешь и пей.

Марсина дрожа опускается на подушки. Она берет приготовленный для нее бокал с черной жидкостью, но пригубить — выше ее сил. Она крошит медовые вафли на тончайшем блюде и серебряным ножичком взрезает незнакомый плод.

— Что же ты не ешь, жена моя? — произносит Колхаш из-под маски. — Или боишься меня, твоего мужа? Или тебя так пугает моя маска? Хочешь, я ее сниму?

При этих словах Марсину охватил ужас, какого она не испытывала еще никогда в жизни.

— Нет-нет, мой господин, — вскричала она. — Вам совершенно незачем открываться передо мной.

— О нет, возлюбленная жена, — промолвил Колхаш. — Да, возлюбленная, ибо я уже давно восхищаюсь твоими прелестями, хотя и замутненными дымкой волшебного зеркала. И теперь, в свою очередь, я окажу тебе любезность — явлю свой образ.

Марсина окаменела. «Изваяние» подняло руки, и оказалось, что пальцы позолоченных перчаток заканчиваются длинными, как когти, черными матовыми ногтями — неужто это настоящие ногти Колхаша? Черная маска вздрогнула и поползла вниз. Она отделилась от лица и упала на ковры. И вот перед Марсиной лицо ее мужа.

Она закричала и проснулась.

СЛУЧИЛОСЬ ТАК, ЧТО в эту ночь в передних покоях спала любимая горничная Марсины, прелестная девушка по имени Йезада. Обе были ровесницами и всю

жизнь провели под одной крышей. И хотя происхождением Йезада была гораздо ниже, чем ее подруга, она получила столь же утонченное воспитание и образование. И пока они росли, как сережка на ветке ольхи, то сидя за арфой и по очереди перебирая ее струны, то вышивая один и тот же цветок на шарфе, они не раз клялись друг другу никогда не расставаться. Но вот они выросли, и у каждой появились свои дела, хотя Йезада и оставалась самой близкой наперсницей Марсины. Теперь Йезада всей душой сочувствовала госпоже, видя, как ту пугает предстоящая свадьба. И хотя она не говорила ни слова, но все время размышляла, чем бы помочь подруге.

Поэтому, услышав крик госпожи, Йезада сей же миг вбежала в спальню.

То был последний час стареющей луны - вечер свадьбы неумолимо приближался. За окном лежал на спине тонкий и бледный серп - как лодка без парусов. А под ним рыдала еще более бледная и прекрасная Марсина.

— О, моя дорогая госпожа, — вскричала Йезада.

— Какой ужасный сон мне приснился! — откликнулась Марсина, — и я уверена, это не просто сон, но истинное пророчество о том, что меня ожидает.

— Прошу вас, расскажите.

И Марсина, рыдая, поведала ей все. Йезада сидела рядом и, не сводя с Марсины огромных от страха глаз, слушала рассказ о процессии, ночи, лесе, прогалине и освещенном шатре, об «изваянии» в маске, угощавшем свою невесту, а затем пожелавшем открыть свое лицо и явить облик Колхаша.

— И хотя я умоляла не делать этого, он поднял золоченые руки с огромными черными когтями и снял маску... и я увидела... я увидела...

— Что, моя дорогая госпожа?

— Что у него лицо зверя.

И Марсина закрыла руками собственное прелестное личико.

— Какого зверя? — помолчав, педантично осведомилась Йезада.

— О, я не знаю, не могу сказать, но оно было ужасным! Глаза горели, зубы сверкали, и я проснулась от своего крика. Но и здесь меня никто не спасет. Это начертано мне на роду.

Марсина упала на постель и разрыдалась.

Йезада сидела рядом, погрузившись в глубокие раздумья, и ее можно было принять за каменную статую, пока она не заговорила.

— Сестра, — промолвила она, — возможно, ты помнишь, что мою мать до ее ухода в мир иной многие считали ведьмой. И она действительно кое-что умела, делать, и ее секреты перешли по наследству ко мне, но я об этом помалкивала, ведь мы с тобой слишком хорошо знаем, что женщине лучше быть незаметной. И вот ты, которая всегда была добра и нежна ко мне, полюбила молодого человека и возмечтала выйти за него замуж. А у меня никого нет, и если нас с тобой разлучат, некому будет обо мне позаботиться. А потому давай я заменю тебя на свадьбе. Мы одного роста и похожи друг на друга, и, я думаю, мерзкий Колхаш, видевший тебя, по его собственному признанию, лишь в туманном волшебном зеркале, не узнает меня под свадебной фатой. А потом, надеюсь, материнское искусство поможет мне защититься. Если же не поможет, пусть на меня обрушатся несчастья, которые суждены тебе. А что до его лица, то все мужчины — звери и чудовища, независимо от того, как они выглядят. Я нисколько не боюсь его. А ты тем временем беги к своему возлюбленному, и мне будет этого довольно.

Марсина привыкла прислушиваться к советам под-

руги, которая из них двоих явно была смелее. К тому же теперь она оказалась в положении утопающего, готового схватиться за любую соломенку. А потому, хоть ей и была отвратительна мысль, что подруга детства и сводная сестра подвергнется такому ужасному испытанию, она не могла избавиться от уверенности, что храбрая и изобретательная Йезада справится с ним гораздо лучше нее самой. К тому же Марсина полагала, что обман раскроется еще до рокового ночного путешествия. Девушки в самом деле поразительно походили друг на друга (ничего удивительного — у них был один отец), но уж, конечно, Колхаш, который совершенно определенно остановил свой выбор на одной, сумел бы их различить. Так что, когда обман будет разоблачен, Йезаду, вероятно, отошлют восвояси, но Марсина будет уже в безопасности, в объятиях Дера.

Успокоив совесть подобными доводами, Марсина согласилась с планом Йезады, и остаток ночи они провели за обсуждением его деталей.

ЗАБРЕЗЖИЛ РОКОВОЙ РАССВЕТ, наступил полдень, затем вечер. И пока тянулся день накануне свадьбы, дозорные на городской стене оповещали о продвижении желтого столба пыли, что возник на горизонте еще на заре.

— То процессия жениха Марсины. Смотрите, как он спешит! И все же он еще далеко от города. Вряд ли достигнет ворот до захода солнца.— И дозорные прикасались к разнообразным амулетам, которые они надели поутру.

Чем ближе к закату клонилось солнце, тем ближе подступал султан пыли. Он белел, краснел и чернел на фоне розовеющего неба, пока на дороге перед городскими воротами не появилась толпа, и поднятая ею пыль не затмила заходящее солнце. Горожане высыпали на улицы, прильнули к окнам и повисли на садовых оградах,

чтобы увидеть счастливицу Колхаша. Однако удивительное дело - никто в его свите не играл, как это было принято, на музыкальных инструментах. И вот что казалось еще более странным — мимо проходили люди и кони с паланкинами и повозками, всеми гранями сверкали драгоценности, сияли фонари на деревянных шестах, и тем не менее никто бы не взялся точно описать процессию. Даже сказать, где что находилось, какого цвета одеяния и стяги. Никому не удалось увидеть и самого Колхаша. Пополз слух, что тот вовсе и не прибыл, а, как прежде, поручил кому-то исполнить свою роль. И вот, когда небо лишилось последних красок и на землю налетел свистящий ветер, процессия остановилась перед домом отца Марсины. В дверь трижды постучали.

— Отворяйте! — прогремело снаружи. — Князь Колхаш пришел за обещанной ему в жены.

Двери распахнулись, и толпа хлынула внутрь. В доме заиграли музыканты, слово радуясь приезду жениха. Во внутреннем дворе, где все было готово к бракосочетанию, жрецы возложили требы на домашние алтари богов, которые по своему обычаю ни на кого не обращали внимания. Увенчанные цветами девушки вышли вперед, чтобы приветствовать... кого? Высокое запеленутое существо с диадемой из чистого золота.

На востоке поднималась болезненно-бледная новая Луна.

Цветы, благовония, музыка — и вот вниз по лестнице спускается невеста, укутанная от янтарных волос до покрашенных ногтей ног блестящей паутиной фаты.

Воздух наполняется криками восторга, пожеланиями счастья и песнопениями жрецов, полыхают фейерверки, звучат тамбурины, арфы и колокола, птицы вылетают из клеток и вьется сизый дымок благовоний.

Это была прекрасная свадьба.

Глава 2. Первая ночь: встреча влюбленных

ГОНЕЦ ОСТАНОВИЛСЯ ПЕРЕД домом Дера. Хоть он и пришел пешком, но был изящно одет и на вид совсем мальчишка. Дворецкий бросил на него косой взгляд.

— Молодой господин отсутствует. Уехал сегодня утром.

Даже в сумерках стало видно, как побледнел гонец. Видно, его послал строгий господин, пригрозивший наказанием, если поручение не будет выполнено.

— Но он вернется не позже, чем через три дня. Он просто уехал на охоту.

— О, бессердечный! — воскликнул прелестный юноша, и на его лучащиеся глаза навернулись слезы.

— Твой господин так спешит? — осведомился дворецкий. — Да, у нас, у слуг, нелегкая жизнь.

— Мне остается только одно: или погибнуть, или срочно передать господину Деру весть, — прошептал гонец.

Волнение отразилось на лице дворецкого. Уж не влез ли Дер в долги, не прогневал ли ревнивого мужа какой-нибудь красотки? Может, гонец принес предостережение от его друга? Испытывая к Деру особую привязанность и не желая подвергать его опасности, а также напрасно тревожить его отца, дворецкий решил помочь юноше, тем паче, что тот, похоже, готов был его отблагодарить.

— Вот что, — промолвил дворецкий, — в конюшне стоит прекрасный верховой осел, которым мне дозволено пользоваться и который никому здесь пока не понадобится. Садись-ка на него и поезжай за Дером. Дорога несложная. Надо только выбраться за городские ворота, а они сегодня всю ночь будут отворены в честь свадьбы, как я слышал, престранной. Как покинешь город, езжай по дороге до самого леса, а в нем не отклоняйся в сторону. Господин Дер со спутниками остановился в

таверне «Горлица» у самой дороги. Ты доберешься туда за три-четыре часа, не больше.

Если дворецкий рассчитывал сразу получить награду, то его постигло сильное разочарование. Прелестный юноша бессильно приник к стойке ворот, потом неуклюже взобрался на выведенного дворецким осла, со страдальческим выражением распластался на его спине и едва слышно поблагодарил своего благодетеля, не пожаловав его ни монетой, ни поцелуем.

— Все они, молодые, таковы, — проворчал дворецкий и с некоторым опозданием подумал, доведется ли ему когда-нибудь увидеть этого осла, а если нет, то как объяснить его пропажу хозяину?

ПЕРЕОДЕТАЯ МАРСИНА ПЕРЕСЕКЛА город и вышла за ворота, чего никогда не делала прежде. Над горизонтом поднималась новая луна, и Марсина не сомневалась, что свадьба уже началась...

Днем, когда в верхних покоях собрались женщины, Йезада заявила, что сама оденет и уберет невесту. Она же облачила Марсину в костюм гонца. И вот интересное обстоятельство, свидетельствующее о том, насколько холодными были отношения в этом доме, — никто не заметил подмены и Марсина имела возможность беспрепятственно сбежать. Можно и не говорить о том, что обе заговорщицы прекрасно сыграли свои роли.

Однако, когда Марсина добралась до дома своего возлюбленного и узнала, что тот отправился на охоту, решимость покинула ее. Затем ей пришлось в голову, что он тоже сбежал, чтобы отвлечься и развеять сердечную боль. Конечно же, он не мог оставаться в городе, где его избраннице предстояло соединиться с другим. Обнадежив себя таким образом, Марсина устроилась на

осле, посланном ей судьбой в лице дворецкого. И хотя девушка впервые в жизни ехала верхом и испытывала крайнее неудобство, она, преодолевая боль, беспощадно погоняла добродушное животное. Что значили эти четыре часа для любящего сердца? Ничего, ибо по их истечении она должна была оказаться в надежных объятиях суженого.

Синела ночь и ярко блистали звезды. Однако трудная верховая езда и сменявшие друг друга опасения и надежда отвлекали Марсину, не давали задуматься о том, что она выехала из города по той самой дороге, которую видела во сне. И позднее, когда, изнемогая от усталости, она добралась до опушки, ей и в голову не пришло сравнить его с чащобой из ночного кошмара.

ОКОЛО ПОЛУНОЧИ ДЕР со своими друзьями пировал в верхних покоях таверны «Горлица». Охота в тот день выдалась неудачной, они встретили только какое-то таинственное существо в серебристых предрассветных сумерках, да и оно быстро исчезло из виду. Почти полдня молодые люди бродили под лиственными шатрами и вспоминали легенды о неведомых волшебных тварях, населяющих этот лес. Однако с ними не случилось ничего необычного, не попались им и звери, которые могли бы подарить охотникам азарт травли и пасть под ударами копий и кинжалов.

— Это печаль Дера отпугивает их,— заметил кто-то полущутя-полувсерьез.

ВПРОЧЕМ ДЕР НЕ выглядел ни печальным, ни огорченным. Он проклинал отсутствие дичи, а потом с аппетитом ел и пил в верхних покоях таверны, откинувшись на

подушки, не сводя глаз с танцовщицы и при этом играя заплетенными локонами арфистки.

— Спой нам песнь любви, — весело обратился Дер к певице.

— О, прекрасноликий господин, — ответила та, потупив очи, так что стали видны ее покрытые позолотой веки, — говорят, здесь не следует этого делать. Ибо в глубинах этого леса уже много лет обитают любовники, наделенными сверхъестественными силами. И поскольку страсть самого пылкого смертного не может соперничать с их страстью, мы должны воспевать только их любовь.

— Так спой про них, — молвил Дер. — Что же из себя представляют эти образцы совершенства?

— Они демоны, — прошептала арфистка и приникла лицом к плечу Дера.

— Он очень красив, — подходя и ложась на колени Дера, заметила танцовщица, — весь золотой как летняя заря, а вот она...

— Она черна и бела — ее кожа как белая роза, а волосы как ворох черных гиацинтов, — улыбнулась певица, но не приблизилась к Деру.

— Глаза у нее такие голубые, — пробормотала арфистка, — что, когда она плачет, из них падают сапфиры.

— Да пошлют мне боги такую жену! — вскричал один из юношей. — Я буду постоянно бить ее, чтобы в моем доме не переводились сапфиры.

— На ту, о которой говорим мы, даже вы, благородный господин, не осмелились бы поднять руку, — возразила танцовщица.

— Ну, ладно, пойте, — оборвал их Дер.

Но тут в покои вбежал мальчишка-половой.

— Господин Дер, вам нужно спуститься, — крикнул он. — Прибыл полуживой от усталости гонец и хочет говорить только с вами.

Встревоженный Дер вскочил и сбежал по лестнице.

Следует заметить, что Марсине казалось, будто она превосходно знает Дера. Дело в том, что он снился ей каждую ночь, а в дневное время разум ее был полон грез о нем. Она изучила его черты и интонации голоса не хуже, чем лица и голоса своих родителей. В действительности же они виделись не более шести раз, а со дня помолвки Марсины не встречались и вовсе.

Поэтому, несмотря на смертельную усталость и сумбур переживаний, Марсина подняла затуманенный взор и сразу узнала входящего в комнату Дера, и безумно забившееся сердце заставило ее вскочить на ноги. Зато Дер, не встречавшийся с Марсиной три месяца и увидевший перед собой измученного мальчика, совсем не узнал ее. К тому же Марсина любила его, а он не испытывал к ней никаких чувств.

— Говори! — вскричал Дер, гадая, не скончался ли отец или не рухнул ли дом, ибо что еще могло привести сюда гонца?

И несчастная Марсина, истолковав его испуганный взгляд и голос по-своему, решила, что он узнал ее, и бросилась к нему на грудь.

— Значит, ты спасешь меня? Без тебя я погибну! — воскликнула она.

— Ну же, ну же, — отстранился Дер, похлопывая ее по спине. — Возьми себя в руки и поведай, что случилось.

— Неужели ты не видишь? — простонала она.

— Нет. Говори же! — крикнул Дер, теряя терпение, и встряхнул за плечи докучливого юнца.

— Я сбежала, — дрожа, пролепетала Марсина. — Мне не оставалось ничего другого. Разве я могла такое вынести?

— Что вынести? — заорал Дер, выходя из себя.

— Отдать себя в рабство, стать его служанкой, когда я познала сладость дарованных тобою надежд...

Дер, подбоченившись, уставился на гонца.

— Да прекрати же скулить, глупец, и объясни, что стряслось, иначе я выбью из тебя то, что ты должен мне сообщить.

— Но я... — у Марсины сорвался голос, и она умолкла. В этот ужасный момент ей все наконец стало ясно. Она поняла, что возлюбленный принимает ее за престелного евнуха на посылках. Но не в этом беда. С пронизательностью любящего сердца она вдруг поняла, что совершенно безразлична Деру, и что его неумение распознать в гонце Марсину может быть объяснено лишь его равнодушием. Явись он перед ней в любом обличье, она бы тотчас его узнала. Он же этого не сделал, потому что никогда ее не любил. О, теперь ясно, почему он не слал ей записок и почему отправился на охоту в день ее свадьбы. Он просто ее забыл. И в это мгновение ее сердце раскололось, да с таким громким треском, что он пробудил Марсину от транса, и от грез, и от всего остального. Она поняла, что натворила и во что превратилась — в беглянку, приникающую к груди недружелюбного мира. Ее единственная подруга Йезада отдана ужасному врагу, а другой враг стоит перед самой Марсиной. Открытие было настолько неожиданным, что она окаменела, лишилась способности мыслить.

Дер ее не любит, но больше надеяться не на кого. Остается молить его о помощи на любых условиях.

Марсина упала на колени с мученическим воплем, в котором отразилась целая гамма чувств.

— Мой господин,— прорыдала она,— я — бедный мальчик, сбежавший от жестокого повелителя. Вы, верно, забыли, как однажды встретили меня на улице и обошлись со мной по-доброму. Молю, позвольте прислуживать вам. Простите мой обман. У меня нет для вас никаких известий. Но не откажите несчастному

страдальцу, позвольте служить у вас. Иначе мой бывший хозяин убьет меня.

У Дера, узнавшего, что с его близкими все в порядке, огромная гора свалилась с плеч, и он, вместо того чтобы разгневаться, разразился хохотом. (О как этот смех сотрясал осколки бедного сердца Марсины!)

— Негодник,— наконец промолвил Дер,— следовало бы наказать тебя за дерзость, ну, да ладно. Но как же зовут господина, от которого ты сбежал?

— Колхаш,— ответила Марсина по целому ряду причин, каждая из которых язвила ее душу.

— Колхаш? Я слышал это имя...

— Он прибыл в город, чтобы жениться на несчастной девушке, чью судьбу можно лишь оплакивать.

— Ах да, кажется, мне говорили об этой свадьбе. А невеста — дочь одного из моих соседей, долговязая худышка с носом как у цапли. (Марсина, о, Марсина!) Но брось, ты, верно, преувеличиваешь пороки Колхаша. Он богатый старик, а всем богатым старикам завидуют. А ты, мальш, недурен собой. Впрочем, я сегодня в прекрасном настроении. Так и быть, можешь прислуживать мне в лесу до конца охоты.

Марсина распростерлась на полу по примеру благодарных слуг ее отца. Дер переступил через нее и, смеясь, ушел наверх. Затем вернулся половой и прогнал ее на конюшню.

Всю ночь Марсина пролежала без сна, страдая от боли в натертых ногах и разбитом сердце. Сквозь щель в стене она видела высоко над головой горящее окно, за которым пил и веселился Дер со своими друзьями. Затем свет погасили и окно превратилось в темный шуршащий и колышавшийся цветок, из которого лишь раз донесся слабый вскрик, золотым колечком скатившийся на землю. Ближе к рассвету по лестнице спустились

три девушки — танцовщица, певица и арфистка — и все они тихо обсуждали Дера, как он щедр и хорош собой.

Марсина рыдала, прижавшись лицом к брюху осла, а тот, приняв ее слезы за росу, решил, что у него нет оснований для беспокойства.

Несмотря на разгульную ночь охотники собрались в путь еще до восхода солнца. Услышав их крики, Марсина, измученная горем и бессоницей, вышла из конюшни.

— А это еще кто? — осведомился Дер, заметив осла, спокойно возлежавшего на соломе. — Бьюсь об заклад, тот самый осел, на котором мой отец позволяет ездить дворецкому.

Марсина, не желая оплачивать дворецкому злом за добро, призналась, что украла осла.

— Ну ты и бестия! — воскликнул Дер и, рассмеявшись, с такой силой ударил Марсину по плечу, что та чуть не упала.

— Бледная какая-то бестия и хилая, — заметил его приятель, — что с него проку? Похож на увядшую лилию. Да и как он поедет с нами?

— На этом самом осле и поедет, — ответил Дер.

— О молю вас, не надо! — вскричала Марсина, у которой все так саднило, что она была готова расплакаться сызнова.

— А как же иначе? — осерчал Дер. — У тебя не хватит сил бежать рядом. Поезжай за нами и смотри, не потеряйся, я ведь не стану тебя разыскивать. И не шуми, дичь в этих лесах и так напугана.

И охотники, свежие как маргаритки, пустились в путь, закусывая и выпивая по дороге. Марсина с трудом проглотила корочку хлеба и залезла на осла, которому это понравилось не больше, чем ей.

— Не отставай, — покрикивал девушке Дер, — не то отправлю тебя к Колхашу.

Так они углублялись в лес, и Марсина тряслась в седле, а осел то и дело останавливался, чтобы пощипать свежей травки, и ей в перерыве между страдальческими стонами приходилось его погонять.

Деревья за дорогой, где стояла таверна, колыхались как волны. Светало, и было видно, сколь высоко уходят кроны деревьев; там их темно-зеленую сень пронизывали стрелы солнечных лучей, в которых резвились птицы.

С длинных, точно отлакированных, ветвей свисали ящерицы, взирали блестящими бусинками глаз. Порой приподнимала голову потревоженная шумом змея. Охотники беспечно ехали между деревьями, и несчастная девушка, вынужденная следовать за ними, старалась объезжать затянутые паутиной, поблескивающие утренней росой кусты. Даже днем лес выглядел призрачным и грозным. Куда ни посмотришь, все вокруг кажется одинаковым. И вскоре Марсина отстала, как отстает от судна упавший за борт моряк. Как она ни погоняла осла, охотники уезжали все дальше и дальше. Порой она и вовсе теряла их из виду, и до нее доносились лишь голоса. «Ну и что, если я разлучусь с Дером? — наконец пришло ей в голову. — Я и так уже лишилась его. Умереть можно и здесь, и пусть вороны и ящерицы обглодают мои кости. Меня никто не любит, и я не в праве ожидать избавления. Уж лучше бы я отдалась на милость Колхаша».

И она остановила осла, который и без того уже еле плелся, поцеловала его в морду и простила все мучения, которые он ей причинил. И побрела прочь, в чащу леса, по-прежнему не узнавая его.

А ЧТО ЖЕ за это время случилось с ее очаровательной сводной сестрой Йезадой, занявшей место невесты?

Через три часа после восхода луны свадьба завершилась, отгремели фейерверки, закончилось пиршество. Затем вперед выступил придворный Колхаша и объявил, что жених с невестой намерены отбыть.

Возражать ему никто не стал. Свадебные дары по своему количеству и ценности превосходили даже те, что были поднесены при помолвке. Невеста на протяжении всего пира не снимала фаты, и никто из ее домочадцев не требовал этого, опасаясь, что она окажется подурневшей от страха и слез. Колхаш в соответствии с обычаем приподнял фату перед алтарем и, вероятно, остался доволен. С себя же он не снял покровов, и часть лица, не закрытая пышным головным убором, пряталась под черной лакированной маской. Однако никто не счел такое начало медового месяца из ряда вон выходящим.

И вот супружеская чета двинулась в путь под звездным небом, в котором блекли последние розовые анемоны фейерверков.

Новобрачную несли в паланкине, ее супруг гарцевал впереди на черном жеребце... Впрочем, различить его среди огромной свиты было нелегко.

Процессия вышла за городские ворота и, освещаемая фонарями, двинулась по дороге в сторону леса.

Когда через час свадебный кортеж достиг леса, паланкин остановился. Призрачный слуга раздвинул занавеси и промолвил:

— Сударыня, вас хочет видеть господин Колхаш.

Невеста, все еще скромно таясь под фатой, спустилась на землю, ей помогли перебраться через струящийся поток, омывавший плоский камень, и она увидела перед собой блистающую перламутровую раковину шатра.

Его внутреннее убранство поражало своей роскошью, на серебряной жердочке восседала огненная птица с

высоким хохолком и длинным хвостом. Она взирала на Йезаду холодным бледным глазом. В глубине шатра застыло некто черный с позолотой — его Йезада могла бы принять за статую, если бы не видела своего жениха на свадьбе. Она уже знала, что это «изваяние» умеет двигаться, протягивать руки с длинными черными ногтями к фате и поворачивать голову с маской и тяжелой диадемой. И Йезада смело обратилась к нему, сбрасывая фату:

— Приветствую тебя, мой господин.

Голова слегка шевельнулась. За прорезями маски едва заметно блеснули зрачки.

— Приветствую тебя, моя жена, — ответил ей скрипучий голос. — Не хочешь ли сесть и подкрепиться вином и снедью?

— Вы очень добры, мой господин. Однако я не съем ни крошки и не выпью ни капли, пока вы не присоединитесь ко мне, — промолвила Йезада.

— Я уже ел, дорогая жена, — донесся до нее голос.

— Тогда и я не притронуся к пище, — сказала Йезада. — Ибо не смею утолять голод, когда муж мой настолько недоволен мною, что даже не показывает своего лица.

За этим последовала пауза.

Вдруг словно дрожь пробежала по «изваянию», и на сей раз его голос зазвучал резко:

— Неужто, возлюбленная жена, ты желаешь посмотреть на то, что я скрываю исключительно ради твоего блага?

— Дорогой муж, — ответила Йезада, — поскольку ты взял меня в жены и пригласил в свой шатер, я не сомневаюсь в том, что еще до рождения нового дня отдам вам невинность. Я предстану перед вами нагой, как Луна. И от вас я прошу лишь одного — чтобы вы открыли лицо. Неужели я не вправе просить об этом у своего господина и возлюбленного.

Последовала еще более длинная пауза.

— Дражайший супруг, — продолжала Йезада, — моя усопшая мать обладала даром предсказывать будущее. Она напророчила, что я получу богатство, но для этого придется выйти замуж за пришлого жениха. Я долго пыталась разгадать эту загадку, пока дочь моего отца и господина, с которой я схожа во всем, за исключением богатства и положения, не была помолвлена с пресловутым Колхашем, то есть с вами. И тогда, пользуясь унаследованными от матери чарами, я послала этой глупышке накануне свадьбы страшный сон и заставила ее бежать из дома. Я заняла ее место у брачного алтаря, и вот я здесь. Теперь вы видите, что я нисколько не боюсь вас и могу смело рассказать всю правду. Поэтому можете не сомневаться, что я не испугаюсь вашего обличья. Снимайте маску!

Истекла третья пауза, еще более длинная, чем две предшествующие.

Йезада, не получив ответа ни на свое признание, ни на просьбу, встала и решительно двинулась в глубь шатра. Огненная птица со смешком повернулась к ней спиной, однако фигура Колхаша не шелохнулась.

— Ну же! — Подойдя к «изваянию», Йезада подцепила край маски и сорвала ее с лица Колхаша.

Страшный крик сотряс шатер, и Йезада замерла с широко раскрытыми глазами.

На ковер скатилась голова Колхаша, ибо «изваяние» оказалось куклой, заводной игрушкой — в глазницах перекачивались стеклянные глаза, а из шеи торчали пучки искрящихся проводов.

И по мере того, как истекала странная энергия из сломанного механизма, свет в шатре тускнел, краснел и наконец вовсе погас с тихим вздохом.

Вокруг наступила крошечная тьма. Йезада обнаружила, что стоит на траве под деревьями, а вокруг ни

шатра, ни людей, ни лошадей, ни единого источника света. Одна среди ночного леса.

— Как ты наивна, Йезада, — раздался рядом отчетливый мелодичный голос.

Йезада резко обернулась и увидела, что она не одинока. Рядом на ветке восседала красновато-желтая, как далекая звезда, огненная птица.

— Что это значит? — воскликнула Йезада, стараясь держать себя в руках.

— Что Колхаш, который не является чародеем и все же владеет кое-какими волшебными способностями, не любит, когда его обводят вокруг пальца, — ответила птица и, раскинув крылья, вытянула шею в сторону Йезады. И в этом движении было что-то настолько грозное, что волна ужаса захлестнула девушку. Она скомкала в руке фату, развернулась и бросилась наутек, а отвратительный лес царапал и бил ее ветвями, цеплялся за ноги и валил навзничь; казалось, ночные джунгли ожили и терзают ее, и насмеваются над ней. Так она бежала до тех пор, пока земля не оборвалась под ногами. И она полетела вниз, в бездну, в ничто.

И, ударясь о твердь, уже не увидела восхода солнца, лучи которого вскоре окрасили небосвод, не увидела она и дня, прошедшего над лесом, и новых сумерек.

Йезада ничего не видела и не слышала, она лишилась способности чувствовать и думать, и даже видеть сны. Впрочем, возможно, ей снилось, что заросли, в которых она запуталась на дне бездны, тихо нашептывали: «Баю-бай, засыпай», а камень, о который она стукнулась головой, отвечал им: «Я прослежу за тем, чтобы она не просыпалась». А издали доносился еще один голос, он повторял: «Колхаш не любит, когда его обводят вокруг пальца».

А затем наступила новая ночь — она пришла в лес, к Йезаде и ко всем живущим на Плоской Земле.

Глава 3. Вторая ночь: влюбленные встречаются и вступают в брак

ПОКА ЙЕЗАДА ВЕСЬ день спала волшебным мертвым сном на дне ямы, изможденная Марсина дремала под деревом.

Она не чувствовала, как в разгар полуденной жары мимо нее прошла пятнистая рысь с детенышем, как они остановились и втянули ноздрями цветочный запах ее волос (Марсина уже сняла мужскую головную повязку). А потом, когда солнце клонилось к закату за резным листовным шатром и золото полдня сменилось мягкой бирюзой, из леса вышел старый олень, чьи рога напоминали раскидистые ветви. Постояв мгновение, он посмотрел на Марсину и вновь бесшумно широким шагом двинулся прочь.

Марсина крепко спала в объятиях своего горя. Лишь раз она всплакнула во сне, и бабочка, порхавшая, как клочок цветной бумаги, осушила ее слезы.

С приближением ночи в огромном лесу становилось все темнее и прохладнее. Проходы между высокими древесными колоннами подергивались сумраком.

Марсина пробудилась. Она продрогла, но какое это имело значение? Где-то по диким тропам леса в веселую таверну возвращался Дер, уже позабывший о мальчишке-беглеце. А в другом месте щипал траву осел, если еще не достался на ужин лесному хищнику. И Марсина снова залилась слезами, оплакивая забывчивость Дера и кончину осла. И вдруг ей послышался дивный звук, или она уловила необыкновенный аромат, а, может, что-то другое отвлекло ее... Как бы там ни было, больше она не плакала, а оглядывалась и прислушивалась.

В лесу стояла мертвая тишина, вокруг царил крошечная тьма, лишь призрачный звездный свет струился на вершины деревьев.

Марсина от страха не осмеливалась ни заговорить, ни шелохнуться.

Наконец тьма перед ней сгустилась и, отделившись от остального мрака, начала приближаться. Марсина от изумления и ужаса затаила дыхание.

Не далее чем в шаге от нее появилось странное бледное лицо. Не было никаких сомнений в том, что оно принадлежало юноше, но какому прекрасному! Лицо было обрамлено черными как смоль волосами, а уголки глаз, обращенные к Марсине, горели таким ярким огнем, что она не могла его вынести. Пронзительная истома заполнила ее. Она отшатнулась в сторону и уже готова была броситься наутек, но тут таинственное существо прикоснулось к ее руке. Длинные тонкие пальцы скользнули по щеке Марсины, и были они легче крыльев бабочки, и все же она всем телом ощутила его прикосновение. И это прикосновение словно исцелило ее от всех кошмаров человеческой жизни — от горя и разочарования, от страха и лицемерия. Оно сняло даже физическую боль. И поэтому, когда незнакомец протянул к ней руки, предлагая встать, она поднялась и замерла рядом с его стройной и сильной фигурой, сотканной, казалось, из теней, листьев и звезд. И он погладил ее волосы, и это было музыкой, словно виртуоз коснулся янтарных струн. А потом он вздохнул, и аромат его дыхания показался Марсине слаще всех благовоний мира. И, прильнув к нему, она промолвила:

— Ты, верно, бог леса, так ты прекрасен. Да, я понимаю, что говорю, и сама не верю своим ушам. Но мне больше не интересны люди. Мне больше никто не нужен. Никто, кроме тебя.

И лесной бог притронулся губами к закрытым глазам Марсины, а когда она размежила веки, показалось, что темный лес озарился ярким лунным сиянием. Ибо все

лучилось дивным первозданным мерцанием, которое еще и не было светом. Марсина могла различить каждую пластинку коры на стволах деревьев. Над головой бриллиантовым дождем сверкали листья. В траве тут и там блестели ночные цветы. Марсина подняла руки и почувствовала, что кожа у нее стала хрустальной.

— Пойдем со мной, — промолвил юноша, не открывая рта.

И Марсина пошла.

Они двигались сквозь чащу с легкостью ветерка. Просеки, залитые звездным светом, блестели как серебряные зеркала. Черно-белые барсуки крутились под ногами. Выскользнувшая из пруда змея струилась рядом и ласкала стопы.

И вот они на опушке, выстланной бархатистым ковром мха, где шиповник, раскрывший белые цветы, затопил ночь мускусным ароматом, и примулы растелились покрывалом под балдахинном виноградника, усеянного гроздьями ягод, мерцавших как агаты. И здесь она возлегла вместе с юношей, не венчанная жена, и наступила ее вторая брачная ночь, ставшая первой. Без сомнений и возражений она отдавалась тому, имени чьего не знала и чей голос не слышала. Познала радостное безумие любви...

НЕЗАДОЛГО ПЕРЕД РАССВЕТОМ он оставил ее. Она ощутила, как напрягся лес, перед тем как его пронзил первый луч света. Но он, отделяя свою плоть от ее плоти, не обратил на это внимания. Уходя, безмолвно пообещал вернуться. Оставил ее облаченной в лепестки роз, виноградные листья и тени. Она тоже молчала, обучившись его красноречивому безмолвию. Не хотелось кричать ему вслед: «О, как я тебя обожаю, любовь моя».

Ибо он подарил ей не земную любовь, но такую, на которой зиждился мир. Он ушел, но они не расстались. И Марсина не могла вспомнить ни как ее зовут, ни кто она такая. Лес стал ее домом и вошел в ее душу. Она беззвучно смеялась, видя, как юноша исчезает, словно лезвие в ножнах увядающей ночи. И, свернувшись калачиком, она задремала среди примул и папоротников.

ЙЕЗАДА, КАК И ее сестра Марсина, проснулась, когда день клонился к вечеру, однако ее переполняли совсем иные чувства. Вспомнились таинственный ужас перламутрового шатра и обезглавленная кукла Колхаша, и безумное бегство от огненной птицы с ледяными глазами... Она слишком хорошо понимала, что это ей не приснилось, — голова все еще болела от удара о камень.

Она угодила в тенета колдовских чар, и вот лежит, оплетенная паутиной растений, и смотрит на нависающую сверху ночь. Во что бы то ни стало надо выбраться отсюда. Цепляясь за каменистые стены ямы и растения, она полезла наверх и наконец, израненная и обесиленная, выбралась на поверхность.

После мрака ловчей ямы огромный лес показался светлым. Йезада подняла голову и принялась, как вышедшая из норы лисица, — постаралась уловить запах чар. Но ночной воздух был чист, или магические силы просто потеряли к ней интерес. На всякий случай Йезада пробормотала оберег, который тоже унаследовала от матери.

Колхаш оказался могущественным волшебником. Йезада подозревала, что он заколдовал ее с самого начала, чтобы жестоко посмеяться над ней. Уже то, что жизнь столь подробно воспроизвела все кошмарные видения Марсины (если не считать таких мелочей, как жердочка

у зловещей птицы, наяву оказавшаяся не золотой, а серебряной) заставляло Йезаду задуматься.

Где теперь это чудовище? Наверняка, Колхаш пустился на поиски Марсины. Но тут от Йезады уже ничего не зависит. Теперь она сама обездоленная изгнанница, пророчество матери обмануло ее, и любая другая на ее месте разрыдалась бы, но Йезада лишь топнула ногой и нахмурилась.

И в это самое время из глубины леса донесся странный звук. Он напоминал крик осла, и Йезада вспомнила легенды этого леса — будто бы его населяют призраки и неведомые твари... Но она уже пережила столько страха, что лишь повернулась к источнику замирающего звука спиной. Различив тихий лепет бегущей воды, она поняла, что умирает от жажды.

ЙЕЗАДА НЕ БЫЛА ведьмой, но ей достались от матери кое-какие способности вместе с несколькими заговорами, которые она запомнила, как попугай. Поэтому, не дойдя до воды, она вдруг резко остановилась и прижалась к дереву. А зачем Йезада это сделала, она и сама не смогла бы объяснить.

Перед ней лежала поляна, покрытая травой в рост семилетнего ребенка. И вдруг она увидела, что в траве мелькают огоньки бледно-лазурного и палевого цветов. Они плясали, сливались и снова разъединялись, а потом вдруг вспыхнули и погасли, и на их месте возникли прекрасные человекоподобные существа, которые продолжали двигаться в изящном мерцающем танце.

Их кожа была бела как звездный свет (если звездный свет может стать плотью), а длинные волосы черны как полуночные облака. Одеяния также были черными, но отливали серебром. Молодые, как сама юность и старые,

как время, мужчины и женщины возникали и исчезали. Горящие их глаза были подернуты таинственной поволокой грез. Это были те, кого люди иногда величают Детьми Ночи, опасаясь называть иначе. Они были демонами. Йезада сразу их узнала и вспомнила частые предостережения матери, которой в детстве не всегда верила. Да, это демоны, безмолвные странники, обитатели Нижнего Мира, Эшвы, что в переводе с их языка означает «сияющие порознь».

О, как они сверкали в неземном мраке! Йезада взирала на них, и сердце ее переполнялось невыразимой тоской, которую испытывали многие смертные при виде этих существ. И тут произошло нечто еще более страшное и удивительное.

В дальнем конце поляны бесшумно полыхнуло, и разверзлась земля. Из трещины вырвались три черных и блестящих коня с гривами и хвостами из голубых искр, а на их спинах восседали три господина, схожие, как единоутробные братья, и в то же время разные, как звезды. Они были бледны и черны, как остальные Эшвы, танцевавшие на поляне, только если те сияли, эти сверкали. И снова любой увидевший тут же узнал бы их, ибо это были князья Ваздру — высшей касты демонов, и теперь Йезаду обуял настоящий ужас.

Выбравшись на поверхность земли, они натянули поводья и окинули надменными взглядами Эшв, а те, как почтительные слуги, склонились перед ними. А потом один из всадников заговорил, и голос его был прекрасен и ужасен.

— Наш господин Азрарн отправился на охоту. Нашел ли он ее?

— Кажется да,— ответил второй, не менее блистательный и ужасный.

— Время истекло, и им пора расстаться,— промолвил третий.

Похоже, беседа не успокоила их, они раздраженно крутили перстни на пальцах и бранили изящество юной Луны.

Наконец первый проговорил:

— Со старой распрей пора покончить. Нет ровни нашему господину, князю князей.

— И все же,— заметил второй,— этот лес пропитан безумием.

— Хотя в нем больше ароматов, порожденных забавами демонов,— добавил третий.

Они развернули лошадей и помчались между деревьями, словно огненный ветер поднял их над землей. И Эшвы исчезли вместе с ними.

Йезада рухнула на колени. Она ничего не поняла из услышанного, зато узнала голос одного из всадников, так как слышала его накануне ночью. Именно этим жутким и мелодичным голосом разговаривала ледяно-окая птица, заставившая Йезаду бежать прочь сломя голову. А она-то возомнила, что ей противостоит всего лишь могущественный волшебник! При мысли о том, что ее враги — Ваздру, она вся обмерла.

— Матушка, на что же ты меня толкнула? — укоризненно прошептала она.

Йезада отыскала огромное дупло и в нем провела остаток ночи.

ВАЗДРУ ЖЕ ГОВОРИЛ о тех самых двух любовниках — Владыке Обмана Чузаре и дочери князя Демонов Азрине-Соваз, о которых шла речь в таверне «Горлица».

Азрарн искал их и нашел, чтобы наказать и разлучить навеки. И на протяжении всего описанного нами времени этот лес являлся ареной великих событий, о которых рассказано в иной летописи. И по мере того,

как близость этих двух сверхъестественных существ видоизменяла облик леса, он заполнялся чарами приходящих в него Эшв. Не упускали случая обрушить свой гнев на лес и Ваздру, которые прислуживали князю — впрочем, их колдовство было не более, чем шахматной партией скучающих перед битвой воинов. Лишь сила духа Азрарна мешала им свершить большее. Его гнев и непрерывные страдания мешали им проводить досуг по своему усмотрению, и ничего другого не оставалось, как огрызаться, смиряясь под ударами меча. И это означало, что им многое не удалось закончить здесь.

Однако все же кое-что успело произойти — свадьба Колхаша и соединение Марсины с Эшвой, обуреваемым пылкими ночными грезами и нашедшим с ней утление своей страсти. Грядущее было чревато и другими событиями.

Лишь рассвет мог спугнуть демонов, ибо дневной свет означал для них смерть. Но иногда они так увлекались своими потехами, что не замечали даже восхода солнца.

Глава 4. День второй

ДЕР ПОКАЧИВАЛСЯ НА волнах сна, полагая, что находится в уютной таверне. Но постель его за ночь поросла травой, бокал вина опрокинулся и разлился росой, а мягкие, изящные бедра певицы затвердели в камень.

Дер открыл глаза и уныло огляделся.

— Пусть боги учтут, что меня довела до этого моя доброта.

Однако боги и не подумали это сделать...

Юноша потянулся, достал фляжку с вином, сверток с хлебом и мясом и утолил голод. Его заливал зеленоватый

солнечный свет и пропитывал цветочный аромат. Неподалеку в фиалках резвилось и завтракало целое племя кроликов, не обращая на него никакого внимания. Дер с детства охотился в этом лесу и ни разу еще не плутал и не боялся. Повстречайся ему свирепый волк или рысь, у него всегда при себе лук, копье и нож. А что до предрассудков, он никогда не верил ни в духов, ни в вурдалаков, ни в эльфов, ни в демонов. На его взгляд, все они — вымысел поэтов.

Однако с первого дня этой день охоты его тревожили мысли о городе. Он размышлял о странной свадьбе соседской девушки с таинственным чужаком. А вечером того неудачного дня к нему явился глупый мальчишка, сбежавший от Колхаша. Дер посмеялся над ним и разрешил прислуживать на охоте, но мальчик вместе с ослом, принадлежавшим отцу Дера, потерялся, и более того — охота снова не удалась. Они не встретили ни единого зверя, если не считать молодой оленихи, которая медленно перешла им дорогу со своим детенышем, словно зная, что благородные юноши не станут ее преследовать.

На склоне дня они повернули к таверне, и Дер, знавший все тропинки не хуже, чем улицы родного города, отстал, чтобы поискать заплутавшего мальчишку с ослом. Не желая не портить веселья спутникам, он отослал их в «Горлицу», наказав выпить по лишнему бокалу вина и наградить девушек лишним поцелуем от его имени, если он задержится.

По дороге он удивился, с чего это ему вдруг взбрело в голову беспокоиться о мальчишке, который наверняка просто сбежал. И почему он прикидывался перед сопляком, что едва припоминает Колхаша и его matrimониальные планы?

Чувствуя себя в лесу уверенно, Дер ощутил лишь досаду, когда наступили сумерки. Раз ему посылались

крик осла, но ни поиски, ни призывы ни к чему не привели — Дер загрустил, однако то была сладкая грусть. Он устроился между деревьями, разжег костер и поужинал, а его стреноженная лошадь убрела щипать свежую траву. Мысли Дера легко перенеслись к полузабытой девушке благородного происхождения, которая когда-то очаровала его, но которой он уделил слишком мало внимания и даже забыл, как ее звали. Естественно, ее отец был богат, так как она носила платье из расшитого шелка и золотые браслеты на запястьях. А волосы ее источали тепло...

И, слагая гимн безымянной красавице, Дер погрузился в сон.

Ему приснилось, будто он лежит под деревом рядом с догорающими углями костра, а из-под арок ветвей к нему подъезжают три князя на черных скакунах. Это были именно князья, ибо никто другой не мог носить такие одежды и гарцевать на таких лошадях.

И хотя Дер спал, он все видел сквозь закрытые веки. Видел, как князья остановились и посмотрели на него.

— Этот лес кишмя кишит смертными,— заметил один из них.

— Они повсюду, — ответил другой. — Заполонили мир. Но мы сами научили их любить, и это была наша ошибка.

Все трое рассмеялись, и третий, приблизившись к Деру, заглянул ему в лицо.

— Тебе повезло, что ты так красив, — молвил он. — Если б ты мне не понравился, я бы прикончил тебя на месте. — И, склонившись с необычайной, не свойственной людям грацией, этот князь, сам писанный красавец, поцеловал Дера в лоб. И поцелуй этот обжигал — как пламя, как лед, как кислота. Дер хотел вскочить, но непосильная тяжесть сковала его, — ни проснуться, ни

пошевелиться. Как будто его опоили волшебным зельем, и он во сне провалился в сон.

Он слышал, как князья уехали прочь, и поступь лошадей казалась шуршанием парчи по траве, и бубенцы едва звучали. Потом конь Дера заржал и, разорвав путы, бросился вслед за князьями. А Дер, обездвиженный поцелуем, не мог даже послать ему вслед проклятие.

— Но это ведь был всего лишь сон, — произнес он утром, тщетно оглядываясь в поисках лошади. И тогда Дер исторг ругательство, да так громко, что кролики наострили уши и уставились на него из зарослей фиалок.

— Как сон мог похитить у меня лошадь? — воскликнул Дер.

НИКТО ЕМУ НЕ ответил, хотя весь лес должен был это знать. И Дер пришел к выводу, что лошадь убежала сама.

— Проклятый мальчишка, если найду, отправлю обратно к Колхашу, — пообещал Дер кроликам. — Он уже стоил мне приятного вечера в таверне, отцовского осла и лошади.

Но Дер недолго гневался — он был не из злопамятных, как, впрочем, и не из сообразительных.

Он встал со своего ложа и пошел прочь, как он полагал, в сторону таверны.

ПРИБЛИЗИТЕЛЬНО В ЭТО же время взлохмаченная, с застрявшими в волосах грибами Йезада выбиралась из дупла. Вид ее был плачевен после всех злоключений.

Она не представляла, куда идти, но надо было по меньшей мере выбраться из леса. В этом деле можно было полагаться лишь на удачу, которая последнее время не слишком ей благоволила. К тому же ее мучила жажда. Вновь услышав журчание воды, она поспешила к ручью.

Вскоре она достигла края прогалины с камнем посередине. Его обтекал ручей, а на том берегу виднелась лачуга из прутьев и мха. Что-то насторожило Йезаду, но жажда пересилила опасения, к тому же лачуга выглядела слишком обветшалой, нежилой, поэтому она поспешила к ручью, легла на берег и приникла губами к воде.

Она еще не успела утолить жажду, как вдруг почувствовала движение рядом, а в следующее мгновение ее кто-то грубо схватил. Йезада закричала.

— Похоже, это человек, — промолвил тот, кто держал ее за правую руку.

— Я даже днем не доверяю этому лесу, — откликнулся тот, кто держал ее за левую.

Оба дружно встряхнули Йезаду, и она вскрикнула.

— Великодушные господа, я всего лишь...

— Умолкни, дерзкая девчонка! Наш господин разберется, кто ты такая.

— А кто ваш господин? — с тревогой осведомилась Йезада.

— Вот он, — промолвил тот, что справа.

Йезада глянула на другой берег ручья. У входа в лачугу возвышался человек в черном одеянии, расшитом золотыми солнцами и звездами. На голове сияла золотая диадема, лицо закрывала черная лакированная маска.

— Это господин Колхаш, — произнес тот, кто держал Йезаду за левую руку.

И девушка лишилась чувств.

ПОЛДЕНЬ РЫСКАЛ ПО лесу, метал яркие стрелы. Дер стоял, оглядываясь по сторонам и подозревая, что заблудился. Эта часть леса казалась незнакомой, но ничем не отличалась от других.

Оставалось ориентироваться по солнцу. Однако полуденный лес, как хрустальный кубок темно-зеленого вина, был пронизан этим солнцем со всех сторон. Казалось, все перепуталось, и все тропинки походили друг на дружку.

И тут Дер снова услышал крик осла.

— Ах ты, безобразник! — радостно ухмыльнулся охотник и поспешил на звук.

Через некоторое время он заметил между деревьями светлую шкуру. Несомненно, перед ним был осел. И Дер бросился за ним, все больше углубляясь в лес.

ЙЕЗАДА ОЧНУЛАСЬ. ОНА все помнила и понимала, что погибла. Ее мать ошиблась дважды, предсказав ее свадьбу и уверив, что при свете солнца демоны не ходят по земле.

Ибо перед ней восседала черная позолоченная кукла, изготовленная демонами. Отсутствовала лишь огненная птица, образ которой принял Ваздру.

Отсутствовало и все остальное, виденное ею накануне. Вся прежняя роскошь исчезла, и кукла Колхаш теперь восседала на поваленном дереве. Приспешники, стоявшие за его спиной, были облачены в лохмотья, как и сама Йезада, от свадебного платья которой остались одни воспоминания.

— Но это всего лишь бедная девушка, пустившаяся в путь, как и мы, — промолвил Колхаш. — Не бойся, голубушка, и поведай мне о своих бедах.

Но Йезада не могла вымолвить ни слова.

— Лишилась от страха дара речи, — заметил Колхаш. — Неужто ее так пугает моя маска? Дитя мое, хочешь, я ее сниму?

— Нет! — воскликнула Йезада.

— Ах, вот оно что! Всему виной страшные слухи обо мне! — простонал Колхаш. И, схватившись за голову золотыми руками, потянул ее с плеч.

Йезада вновь потеряла сознание.

ОСЕЛ ДВОРЕЦКОГО, УВЛЕКАЕМЫЙ смутно знакомым сиянием в глубине леса, как свет упавшей Луны, брел все дальше и дальше, лишь изредка останавливаясь, чтобы сорвать лист папоротника или испытать восхитительной лесной влаги. Еще никогда в жизни ему не доводилось наслаждаться такой свободой. Сначала на нем ездил толстяк-дворецкий, а затем легкая, но неумелая девочка-мальчик. Поэтому, обретя свободу, осел не преминул ею воспользоваться. Однажды он уловил запах рыси, и пришлось уносить ноги, но он быстро позабыл об этом приключении. Лес казался безопасной чашей изобилия. Раза два до него божественной музыкой доносились крики сородичей: «Иа! Иа!»

Даже когда осел обнаружил, что его кто-то преследует с руганью и бормотанием, он понял по запаху и звукам, что это всего лишь человек, — то есть, бояться следует только новой подневольной службы. Впрочем, и покоряться легко осел не желал. Он продирался сквозь колючие заросли, вынуждая страдать и своего преследователя, спускался с каменистых уступов, перебирался через ручьи, заросшие дикими лилиями, из чьих чашечек поднимались целые тучи пчел.

Солнце давно миновало зенит и клонилось к закату, и деревья отбрасывали призрачные тени. Тогда-то осел достиг своей цели — берега широкого озера. Над головой опрокинутой золотой чашей виднелось небо, окаймленное вершинами деревьев, а чашу озера точно так же окаймляли подступившие к самой воде заросли.

И небо отражалось в озере, и оба полушария так чисты и неподвижны, что их можно было перепутать и принять настоящие деревья за отражения водорослей.

Эти красота и благодать заставили Дера остановиться, и он позабыл, что искусан пчелами и стер ноги в кровь. Он затаил дыхание, наслаждаясь представшим ему видом, но через мгновение увидел осла, который стоял на берегу озера (или неба) и пил воду.

Однако, что намеревался сделать Дер, так и осталось тайной. Внезапно он заметил за стволами деревьев слабое мерцание, как будто звезды небесные спустились на землю.

Дер обмер, затем беззвучно отступил в кусты.

По берегу в теплом сиянии двигалась прекрасная девушка. Кожа ее была бела как лучшая слоновая кость, волосы отливали янтарем, и облачена она была лишь в цветы и ветки плауща.

— Это же она, та, которую я вспоминал,— пробормотал Дер.— Но та была не столь прекрасна, как эта, ибо она была смертной. Эта же настоящая лесная сильфида, в чье существование я не верил.

Сильфида вошла в воду и принялась беззвучно плескаться в воде и потоках света, и движения ее были как танец. Заметив осла, она приблизилась к нему и поцеловала в морду, и тот с радостью принял ласку.

«Еще бы, — ухмыльнулся Дер, прислоняясь к дереву. — Недостойная тварь. Будь у богов сострадание, они предоставили бы мне возможность поменяться местами с этим животным. Тогда бы она обнимала и целовала меня».

Но Дер был слишком благоразумен, чтобы приблизиться к видению. Если легенды о сильфидах правдивы, стоит ей увидеть смертного, и она убежит или растворится в воздухе.

Поэтому пришлось сказать себе, что такова, видать, его судьба — безответно влюбиться в эфемерное существо.

Наконец купальщица, чуть не сведя с ума согляда-тая, вышла из воды. Прелестная дева двинулась к деревьям, и осел поспешил следом. Зачарованному Деру ничего не оставалось, как пойти за ними.

И так все трое, один за другим, снова углубился в темную чашу.

ЙЕЗАДА ЗАМЕРТВО ПРОЛЕЖАЛА несколько часов в шалаше, не открывая глаз, хотя чувства ее продолжали бодрствовать. Она произнесла заклинание, чтобы тело стало неподвижным, как камень, и то ли сила чар, то ли вера в них возымели действие. Через некоторое время она услышала голос Колхаша.

— Будь я хоть наполовину таким магом, за какого себя выдаю, я бы ее оживил. Воистину, нам всем пора убираться отсюда.

И оба приспешника энергично поддержали его. Предложив поискать какой-нибудь еды, они вышли из шалаша.

Тогда Йезада прочитала другое заклинание, чуть приоткрыла глаза и увидела, что Колхаш по-прежнему сидит на колоде. У его ног покоилась голова с черной маской на лице и диадемой. Однако теперь это зрелище не показалось ей столь ужасным, так как на плечах Колхаша она увидела совсем другую голову — седовласую, с горестным выражением на старческом лице.

Йезада села, и старческое лицо Колхаша с изумлением обратилось к ней, в то время как другая голова с черной лакированной маской осталась неподвижной.

— Слава богам, дева ожила!

— И всё благодаря вам, — отрезала Йезада.

— Ты права, я был достойно наказан за свою гордыню и глупость. Не хочешь ли узнать, кто я таков?

— Я бы гораздо охотнее наелась и напилась, — ответила Йезада. — По вашей вине у меня уже два дня во рту ни крошки.

Колхаш потупился.

— Мои люди набрали диких плодов, да есть еще корзина со сладостями, предназначавшимися для свадьбы. Не знаю, каким образом твой двухдневный пост связан со мной, но ничего другого предложить не могу.

Йезада набросилась на еду, а Колхаш, больше не интересуясь ее желаниями, повел рассказ:

— Обладая несметными богатствами, в том числе несколькими бесценными редкостями, я распустил слух, будто умею насылать злые чары. Так я защитился от воров и доносчиков, и смог наслаждаться безопасностью и покоем.

Чтобы поддерживать свою дурную славу, время от времени Колхаш выезжал за пределы своих владений в том виде, в каком его впервые увидела Йезада — с позолоченными когтистыми руками и с лицом, закрытым маской и диадемой. По слухам, он владел книгами, переплетенными в человеческую кожу, имел глаза на затылке и насылал на недругов свою душу в форме черного облака. На самом же деле он вел безупречную жизнь и даже в тайне занимался благотворительностью. Лишь немногие из его слуг знали правду, но, храня верность господину, не выдавали ее. Но однажды вечером спокойной жизни пришел конец. К нему в кабинет в сумерках явился дух.

— Здравствуй, Колхаш, — промолвил дух в образе изящно одетой дамы.

— Госпожа, — перебил Колхаш, — я не волшебник, поэтому вы напрасно потратите слова.

— Мне известно, кто ты,— ответило привидение,— и все же тебе придется выслушать. Уже много лет я в смятении и не могу двинуться дальше по своему эфирному пути. При жизни у меня была дочь, и я оставила ей предсказание, сутью которого не стану тебя обременять. Довольно и того, что оно касалось ее будущего. Я ошиблась и ввела ее в заблуждение, и с помощью естественного хода событий мне не исправить ошибку. А потому я хочу изменить его и восстановить свой авторитет пророчицы в ее глазах, и в этом мне поможешь ты. — И дух назвал Колхашу имя и место жительства человека, к которому тот немедленно должен был послать гонца. — Ты передашь, что видел его дочь в волшебном зеркале и хочешь жениться на ней, а в залог своей любви пошлешь ему такие щедрые дары, что жадность не позволит ему отказать, ибо он корыстолюбив, в чем я имела возможность убедиться при жизни.

— Госпожа... — снова перебил Колхаш.

— Более того,— изрекло привидение.— Ты придашь своему предложению зловещий вид, чтобы все встревожились, и оживишь слухи о своем недобром нраве,— пускай будущая невеста потеряет рассудок от страха. Мое же дитя, — добавило видение, — сумеет воспользоваться случаем. Я избрала тебя за ложную дурную славу и подлинные добродетель и богатство, которые вполне удовлетворяют моим требованиям, — закончил призрак.

— А если я откажусь? — вполне обоснованно спросил Колхаш, несколько выведенный из себя. — Я не гожусь в женихи. Я предпочитаю книги.

— Если откажешься,— с мрачной решимостью ответил дух,— я буду каждую ночь выть и стенать в твоём доме, наполняя сердца всех его обитателей тоской и ужасом. Не владея магическими способностями, ты не сможешь изгнать меня; если же обратишься за помощью

к настоящему магу, твоя репутация будет погублена навеки. И так, и так ты пострадаешь».

Затем привидение, которое, как вы уже поняли, было духом усопшей матери Йезады, продемонстрировало свои способности в области завываний и стенаний. И вскоре Колхаш был вынужден принять ее условия и тут же послал гонца к отцу Марсины, самым зловещим образом прося ее руки.

К этому моменту Йезада уже онемела от восхищения. Впрочем никакой необходимости тянуть Колхаша за язык не было, он, как это свойственно горемыкам, обрадовался возможности отвести душу.

— Когда все было устроено и у меня не осталось выбора, я смирился со своей участью, печалюсь лишь о несчастной судьбе девушки. Собрав, по настоянию призрака, большую свиту и дорогие подарки, я отправился в путь. Все шло хорошо, пока мы не добрались до этого леса.

Начало смеркаться, и кортеж расположился лагерем среди деревьев. Для Колхаша поставили роскошный шатер, но стоило войти, как он обнаружил, что не один.

Перед ним на подушках возлежал молодой темноволосый человек поразительной красоты. Он был бледен и одет в черное. Колхаш, которому уже доводилось встречаться с надменными юнцами, решил воспользоваться своей грозной репутацией. Он расправил плечи и спросил:

— Глупец, известно ли тебе, кто я такой?

В ответ юноша мелодично рассмеялся, и от его смеха весь интерьер шатра — от шелковых кистей до фарфоровых чаш — словно растаял.

— Из всех дураков самые глупые смертные.

От этих слов Колхаша, который отнюдь не был глуп, охватили дурные предчувствия.

— Значит, меня почтило визитом высшее существо, — промолвил он.

— Воистину, — откликнулся юноша. — Ты хоть и не маг, но зато ученый. Поэтому, возможно, ты слышал о Ваздру.

И тут с глаз Колхаша словно спала пелена. Он увидел перед собой существо, сотканное из плоти, огня и тьмы. А потому он тотчас снял со своих плеч накладную голову и, трепеща, низко поклонился.

Ваздру небезразличны к лести, и этот не был исключением. Он улыбнулся и промолвил:

— Колхаш Не-Маг, твой глупый здравый смысл сегодня избавил тебя от многих неприятностей. Но хочу предостеречь: князь князей Азарн Прекрасный готовится обрушить свой гнев на этот лес. Никаких свадеб, никаких нежностей между смертными он не потерпит. Впрочем, можешь считать, что я из прихоти так истолковываю ссору моего господина с двумя другими Владыками.

— Бесполезно идти против воли князей демонов, — промолвил Колхаш.

— Воистину. А потому откажись от своих намерений.

При этих словах Колхашу захотелось лечь на пол. Не успел он это сделать, как все осветило яркое пламя и смерч налетел на лес. Колхаш прильнул к земле, словно боялся, что его унесет вихрь. Все вокруг заполнилось криками и ржанием коней, на голову Колхашу падали ветки, камни, седла и шесты с фонарями.

Когда светопреставление закончилось, Колхаш обнаружил, что находится в лощине лишь с двумя своими слугами, да и те пребывали в полном изумлении и рассказывали, что своими глазами видели, как люди и лошади уносились над макушками самых высоких деревьев, и потом они так и не нашли несчастных. А из тех, кто остался и ушел на поиски, никто не вернулся.

Остаток ночи они провели втроем на голой земле. А поутру Колхаш разрешил двум своим телохранителям

осмотреть окрестности, но предупредил, чтобы они оставляли на деревьях метки, если хотят найти дорогу обратно.

Один из них вернулся в полдень и рассказал, что слышал в лесу ожесточенную ругань и крики людей, но обнаружить их не смог. То ли они заблудились в непроходимых зарослях, то ли действительно лес был заколдован.

Второй воротился на заходе солнца и поведал странные вещи.

— Мой господин, вы можете не поверить, но клянусь, около полудня я вышел на прогалину и увидел, что вдоль подножия холма движется кортеж. То была ваша свита, то есть половина ее — с некоторыми из этих людей я знаком три года, а то и дольше. В середине несли паланкин для невесты и ехали повозки со свадебными дарами. И во главе этой процессии не было никого, она двигалась сама по себе, словно замороженная. А когда я окликнул путников, ни один даже не оглянулся. И хотя вокруг все было залито солнечным светом, казалось, что они движутся в кромешной тьме.

— С тех пор мы прячемся в лесу, чтобы не беспокоить демонов, — закончил Колхаш. — Мои люди построили этот шалаш, и на вторую ночь мне в нем приснился сон. Думается, то был пророческий сон, то ли в насмешку, то ли в издевку посланный мне князем Ваздру. Ибо я видел, как мой кортеж вошел в город и там состоялась свадебная церемония. И дева с лицом, закрытым фатой, была обвенчана с существом, облик которого полностью соответствовал моему. Я ученый и знаю, что демоны Нижнего Мира умеют делать замечательных заводных кукол, которые выглядят как живые. Эти демоны низших каст, называемые Дринами, научились даже выплавлять золото, а это занятие демоны высших каст глубоко презирают. Так что, видно, кукла Колхаш

обвенчалась с прекрасной девой, предназначавшейся мне. Только богам известно, что с ней стало и куда делась моя свита, в которой, несомненно, отпала всякая нужда, когда совершилось злодеяние. И что будет теперь со мной? Я не выполнил поручение призрака, и вряд ли он поверит моим оправданиям. Он сочтет меня виновным и будет мучить завываниями вплоть до моего смертного часа.

Йезада потупила очи.

— Мой господин, — проговорила она, — теперь я поведаю, что произошло с вашей законной невестой.

Глава 5. Третья ночь

НЕБО ОКРАСИЛО ЕЕ щеки румянцем и залило лес малиновым светом. Затем небесный лик потемнел и уподобился лицу прекрасной темнокожей дамы, не нуждающейся в румянах и украшающей себя лишь нитками звезд, да Луной. Лес укутался в соболиные меха и наполнился шепотом бегущих вод, скрипичными трелями кузнечиков, шуршаньем листьев и беззвучной поступью невидимых тварей.

И Дер, преследовавший свою сильфиду и старавшийся ступать как можно тише, в конце концов потерял ее в темноте. Он замер, упиваясь сладким дыханием леса, и внезапно понял, что он не один.

Может, оттого, что Дер уверился в существовании сверхъестественного, он сразу ощутил чье-то присутствие. Или аура того, другого, была столь сильна, что не заметить ее было невозможно.

Если не считать сна, Деру не приходилось встречаться с блистательными демонами, и вот один из них предстал наяву. Он походил на князей, являвшихся Деру во

сне, этот ночной путник, и хотя выглядел более скромно, он явно превосходил всех смертных.

Дер замер в молчании.

И пока он так стоял, Эшва огляделся и украдкой улыбнулся, словно подавая ему тайный знак. И черные как ночь глаза Эшвы, этого блуждающего сына тьмы, прочли душу Дера, как книгу, простенький сюжет которой можно передать в едином биении сердца. И Эшва увидел, что вся эта человеческая жизнь состоит из освещенных солнцем пустыков, и, что еще хуже, — из пустыков, освещенных луной. Он увидел всю любовь этого смертного к прекрасной деве, принятой им за привидение, к деве, которая, к тому же, была возлюбленной демона. И другое увидел Эшва, ибо оно ясно предстало его взору. На лбу этого смертного серебряной розой горел невидимый поцелуй Ваздру. И именно он заставил Эшву улыбнуться с завистью и презрением, предвидя шелковую ласку расплаты... Лишь мгновением раньше он повстречался с ослом; тот покорно распростерся у его ног и был увит гирляндами плюща. Теперь Эшва прочитал в сознании Дера о непроизвольном желании: «О если бы я мог поменяться местами с этой тварью. Тогда бы она обнимала меня, и ее губы...»

«Я исполню то, что ты сам пожелал», — беззвучно промолвил Эшва.

Дер отпрянул, чувствуя, что его голову объяли дивные жар и холод. Лишь его тело откликнулось на происходящее, ибо сознание отказывалось повиноваться инстинкту.

Эшва злорадно рассмеялся одними глазами, вспыхнул и исчез.

Дер, почувствовав внезапный прилив ярости, окликнул его, и из его уст вырвался крик, который он уже неоднократно слышал, но впервые издавал сам.

— Иа! Иа! — прокричал Дер, и лес зазвенел от этого рева.

— Иа! Иа!

НИКОГДА ЕЩЕ МАРСИНА, позабывшая о том, что ее зовут Марсиной, не ощущала такого счастья. Оно было превыше всех радостей и наслаждений. Оно не могло длиться вечно, ибо человеческая плоть ни тогда, ни ныне не способна была бесконечно выносить чувства такого накала. Лишь душе это под силу, и то она переживает их иначе. И Марсина смутно понимала это сердцем. Она уже предвидела конец своего счастья, но надеялась в глубине души, что возлюбленный демон избавит ее от горечи разлуки. Словно в какой-то миг он пообещал ей в безмолвном танце любви даровать забвение.

Но в третью ночь, проведенную в лесу, и во вторую, когда исполнилась вся мера ее желаний, она ощущала лишь восторг.

Ибо любовь изобретена демонами. И это говорит само за себя.

В предрассветный час, или в тот момент, когда время вообще остановилось, возлюбленный Марсины на языке жестов, мыслей и взглядов поведал ей, что где-то в глубине леса наконец прекращена какая-то древняя вражда, и по распоряжению князя, которому Эшва служил и перед которым преклонялся, разлучены двое влюбленных. Поэтому и им предстоит расстаться. Марсина зарыдала, и Эшва заплакал, охваченный бездонной и бессердечной грустью, присущей его роду.

А затем он вытащил Марсину из бездны отчаяния, и она двинулась по лесу такими же легкими шагами, как и он. И перед ними предстали два сгорбленных ухмыляющихся карлика, и вид их был настолько отвратителен,

что Марсина старалась на них не смотреть. И они по повелению Эшвы преподнесли ей платье.

Эти карлики были кузнецами и искусниками Нижнего Мира, наряду с куклами они мастерили вещи неземной красоты. Они разложили перед девой наряд, который был соткан тысячью паучих — питомиц Дринов. И ткань этого платья была как серебряная паутина, как звездная пыль, и оно было расшито драгоценностями — темными нефритами и желто-зеленой яшмой, встречающейся на берегах подземных озер, голубым жемчугом и переливающимися всеми цветами опалами, выловленными из морских глубин. И поверх всего Дрины наложили заклятие, чтобы дневной свет не погубил их работу. Вся ткань была пронизана нитками ярчайшего золота. Эшва отвел взгляд, ибо это был прощальный дар его любви.

Он отпустил пугавших Марсину Дринов, обнял ее и попросил надеть платье. Она восторженно повиновалась и застегнула на узкой талии ремешок из морских драгоценностей. Ее ослепил этот блеск; мелькавшие тут и там золотые нити заставили Эшву отпрянуть.

— Ляг, — промолвил он. — Ляг на бархатный мох среди роз. — И она послушалась. — Закрой глаза, — добавил он. — И больше не смотри на меня».

И это приказание она выполнила, и слезы потекли по щекам. И он склонился над ней и умастил ее лоб и веки благовонием Нижнего Мира. И она провалилась в сон, а во сне его образ навсегда стерся в ее памяти, как он и обещал. Она возлежала в зарослях плюща и шиповника, прекрасная как сама красота, но рядом с ней уже не было возлюбленного. Зато поблизости находились два существа: одно мирно паслось и лишь удивлялось невесть откуда взявшемуся неудобству, другое же металось от ужаса, время от времени хрипло взывая к небесам и отказываясь признать этот голос своим.

Земля источала последние ночные испарения, струившиеся между деревьями, когда по тропинкам леса в поисках раннего завтрака двинулась рыжая рысь. Ее манил острый запах.

И вот перед ней замаячил домашний осел, мирно щипавший травку.

— Какая удача! — сказала себе рысь на рысьем языке и двинулась в обход осла, не спуская с него оливковых глаз.

Но, когда она, урча и мурлыча под нос, стала приближаться к ослу, тот поднял голову. И рысь застыла, распластавшись на земле, прижав к голове уши, и усы её встопорщились, как иглы дикобраза, хвост нервно задергался из стороны в сторону, зашуршали под его ударами папоротники. Ибо на рысь глупо взирало лицо прелестного юноши с набитым травой ртом. И, хотя ума в его голове было столько же, сколько у верхового осла, на лице читалось бесстрашие человека, который не раз встречал рысей и умел охотиться на них. Его рот знай себе пережевывал траву, а в глазах застыло удивление от того, что это занятие оказалось таким трудным, но весь его облик источал угрозу и словно кричал: «Стрела! Копье! Прочь, или я понесу твою тушу на плечах!»

И рысь вспомнила, что ее ждут дома неотложные дела и, поджав хвост, с воем бросилась наутек.

Глава 6. Ослиная мудрость

С ПЕРВЫМИ ЛУЧАМИ солнца в лес ринулись охотники. Пышно одетые и превосходно экипированные юноши свистели, кричали и улюлюкали, на разные лады повторяя одно и то же имя:

— Дер! Дер!

— Куда он мог запропасться? Поистине, не следовало оставлять его одного в лесу после захода солнца. Я-то решил, что у него свидание с какой-нибудь селянкой, или ему приглянулся тот мальчишка-гонимый.

— Видно, правду говорят об этом лесу. Наш друг знает его с детства, как он мог потеряться?

— Его отец лишится от горя рассудка.

— А мать умрет от отчаяния.

— И мы окажемся виноватыми.

— Дер! Дер! Дер!

И они поскакали дальше, даже не подозревая о том, что тот, кого они искали, скрывался в это время в дупле, с невероятным трудом втиснувшись туда и закрыв глаза, чтобы ничего не видеть, кроме тьмы.

ДЕНЬ РАСКРЫВАЛ СВОЙ веер. Трепеща зелеными и алыми крыльями, в кронах порхали птицы, меховыми мешками с ветвей свисали спящие ленивцы. Дер выбрался из своего укрытия. Грациозные древесные крысы, восседавшие вдоль тропинки, проводили его взглядами, да олень при виде него метнулся в кусты. Дикие пчелы, вившиеся над колодой с медом, с жужжанием опустились, чтобы взглянуть на Дера, и снова взмыли.

Дер ничего не замечал. Черный ужас слепил глаза, заполонил душу и сердце.

Он не понимал, что с ним произошло, но знал: это нечто непостижимое, невозможное. И тем не менее оно случилось. Теперь оставалось только бежать и прятаться, прятаться и бежать. И в человеческом разуме, заключенном в череп зверя, роились мысли только о смерти. Он пытался выразить их словами, но каждый раз изо рта вылетали лишь дикие, хриплые вопли. Временами ему казалось, что

он сошел с ума, что он уже умер, и тогда он бежал не разбирая дороги, и падал от изнеможения, и молил неведомо кого, чтобы его избавили от него самого.

До сих пор все встречавшиеся ему трудности были легки и преодолимы. Он не был готов противостоять такой громадной беде. Сверху ему улыбалось солнце, но жилы леденила зима. Рассудок был готов вот-вот предательски покинуть его.

В глубине леса он наткнулся на фату. Она была помята и испачкана, но бисер не осыпался. Дер поднял ее и обмотал ею свою страшную морду, чтобы даже птицы и белки, ленивцы и пчелы не видели. Из-за фаты Дер и сам хуже видел, но ему было все равно.

Кружа на одном месте, как это происходило здесь со всеми путниками, он вышел на прогалину, заросшую мхом и усеянную цветами. И снова почувствовал запах дикого меда, похищенного Эшвой у пчел, и аромат ага-тового винограда и роз.

На холме возлежала дева, ее янтарные волосы были увенчаны лозами, и одета она была, как королева. При виде нее Дер непроизвольно издал ненавистный ему звук. Дева вздрогнула, подняла глаза и увидела его. Он не успел броситься прочь — она остановила его радостным возгласом:

— Дер! Мой господин!

И тогда он окаменел и изумленно уставился на нее. То была сильфида его вчерашних грез. И более того, она жила в его городе. По соседству. И звали ее Марсиной... Разве она не отдана другому? Дер задрожал от волнения, из ослиной пасти вырвался душераздирающий рев. Он позабыл обо всем на свете. Он просто стоял, наслаждаясь красотой и сожалея лишь о том, что не покончил с собой часом раньше. Марсина же вся сияла.

Она проснулась, забыв о своем любовнике, но ее не покинули восторг и блаженство. Увидев на себе серебристую

ткань и драгоценности, она, ничуть не смущенная, счастливо рассмеялась. Она чувствовала, что многому научилась, но все стерлось из памяти... Поэтому она сплела себе венок, размышляя о волшебных снах, которые не могла вспомнить, и принялась за мед и виноград, разложенные рядом. А потом она подняла глаза и увидела Дера, свою истинную любовь, за которой она последовала в лес, чтобы избежать брака с другим человеком. Она узнала Дера по одежде и атлетическому изяществу телосложения, по его рукам и перстням на пальцах. Она видела выражение его лица, хотя оно и было закрыто, видела, ибо ей удалось познать и приобрести нечеловеческие свойства. Ей больше не надо было спрашивать «Зачем ты скрываешь свое лицо?» или «Что случилось?» Она просто ощутила прилив жалости к нему, так как поняла, что с ним произошло нечто ужасное. И, снова проникшись любовью к нему, она пожалела его еще больше за обрушившиеся на него беды, за то, как он беспомощно и нелепо стоял перед ней.

— Мой дорогой господин, ты голоден? — спросила Марсина.— Не хочешь ли утолить жажду? Этот мед прекрасен, а виноград укрепляет как вино.

Но, стоило ей шагнуть к нему, как Дер отскочил в сторону. Лишь фата, мешавшая видеть, не позволила ему тут же обратиться в бегство.

А в следующее мгновение Марсина взяла его за рукав.

— Не гони меня,— промолвила она, вглядываясь сквозь фату в его глаза.— Я помогу тебе, если позволишь. Если же не хочешь, то разреши просто быть рядом. Ведь я заблудилась в этом лесу...— и она снова рассмеялась, потому что это уже не казалось ей большим несчастьем,— и тебе придется защищать меня.

И тогда Дер заревел от отчаяния.

«Как я могу тебя защитить? — звучало в этом крике. — Я раздавлен. От меня осталась лишь скорлупа. Дай

мне уйти и спокойно умереть где-нибудь, я и так почти мертв от стыда и ужаса».

И казалось, Марсина поняла. Она взяла его за руку и повела к холму, поросшему цветами и мхом, и у него не было ни сил, ни воли воспротивиться.

Они сели рядом, и Дер повесил голову, которая больше ему не принадлежала.

— Если ты голоден и хочешь подкрепиться фруктами и медом, но стесняешься моего присутствия, я отойду,— предложила Марсина.— А потом ты меня позовешь.

Дер страдальчески застонал. Звук получился сиплый и смешной.

— Мой господин,— продолжала Марсина,— я люблю тебя всем сердцем, и прости, если это звучит нескромно. Что бы с тобой ни случилось, я с радостью и готовностью разделю твою горе.

И тогда в Дере разыгралась великая ярость — гнев одинокого страдальца, чье горе нельзя разделить ни с кем. И он сорвал с себя фату, и раздирал ее на клочки, пока она не разлетелась на нитки по ковру папоротников. И перед Марсиной предстало лицо ее возлюбленного.

Марсина вперила в него взор и взяла Дера за руки.

— Страшный груз свалился тебе на плечи,— проговорила она.— Но, поверь, я вижу тебя в глазах этой бедной твари, я знаю, что ты — Дер, мой возлюбленный, скрывающийся за личиной осла. Я люблю тебя, а потому люблю и эту вытянутую морду, и круглые глаза, и длинные уши. И этот голос, хоть он и не твой, я тоже люблю ради любви к тебе.

И она сняла со своей головы венок и повесила на шею Деру, и поцеловала его в лоб и в мохнатую морду. И Дер хотел ответить ей: «Ты — лучшая из женщин. Я был слеп и глуп, потеряв тебя, и теперь по заслугам вознагражден этой тупой ослиной головой. Если бы я

был умнее, я бы ценил тебя с самого начала. Если бы мне снова удалось стать человеком, я бы любил тебя». Но он произнес лишь:

— Иа! Иа!

И слезы выкатились у него из глаз, из глаз Дера, слезы стыда и отчаяния. Что оставалось делать этим молодым людям? Ни тот, ни другая не владели магией. Демоны, исполнив волю своего господина Азрарна, покинули утренний лес. Даже Колхаш, ласкавшийся в это время в своем шалаше с Йезадой, ничем не мог помочь.

И тень опустилаcь на лес. И то была не тень позора Дера. И ее сопровождали грохот и смятение, и слышались крики разлетающихся птиц и разбегающихся зверей. Дер и Марсина оглянулись, на мгновение позабыв о своих бедах. Студеный и в то же время обжигающий ветер дохнул на прогалину, принес с собой что-то ужасное.

Дер вытащил охотничий нож. Он готов был встать на защиту девушки и сделать все, что в его силах. Он хотел посоветовать, чтобы она забралась на дерево, но слова были ему неподвластны. Поэтому он просто встал перед ней, вглядываясь одним глазом в то, что приближалось к ним. Лес заволокла тишина. Но из ее глубин уже поднимался гигантский вал, и вот он обрушился на прогалину, ломая ветви и срывая листья, заполняя все грохотом и криками перепуганных птиц. И снова наступило безмолвие, и все, что всколыхнулось, начало оседать на свои места, как соль на дно кувшина. И перед ними возник человек. Да, всего лишь человек. Бедный безумец или лесной затворник, изъязвленный и одетый в лохмотья. Однако его голову золотым нимбом обрамляли волосы, а на подвижном как восклицание блестили золотые глаза.

Он внимательно рассматривал смертную деву, которая во сне была возлюбленной демона, и смертного юношу,

который кознями демона был превращен в осла. И его золотые глаза то вспыхивали, то угасали, как язычок пламени в лампаде.

Легенда рассказывала о двух сверхъестественных существах, любивших друг друга в глубинах этого леса. О юноше, светлом и золотом, как летний день, и о девушке, белолицей и темноволосой, как белая роза и черный ночной гиацинт... Они, согласно воле Ваздру, должны были быть разлучены...

Этого безумца можно было даже счесть красивым. За бессмысленными, аморфными чертами ощущалось бесцельное стремление, которое привело его сюда и точно так же должно было увести отсюда. Призрачным ореолом клубилась красно-синяя мантия, а в руках он держал челюсти. Внезапно они со стуком раскрылись и глупо изрекли: «Любовь — это любовь».

И тогда Дер ощутил боль в шее, словно ему кто-то пытался отвинтить голову, вынуть ее, как пробку из бутылки. Затем ему как будто вылили на темя ушат холодной воды, затем опалили огнем. Потом он почувствовал, что рот набит травой, и отплевывался, и вытирал губы, — человеческий рот с человеческими зубами. И, ощупывая свое лицо, он понял, что оно возвращено ему. Лицо Дера: скулы и кожа, плоть и глаза, нос и подбородок, щеки и лоб.

На его счастье в лесу остался один волшебник. И звали его когда-то князь Чузар, Владыка Безумия. Однако теперь ему предстояли другие дела.

А Дер даже не заметил, как отбыл его спаситель. Он самозабвенно гляделся в зеркало, которым служило для него лицо Марсины.

И вот наконец он промолвил:

— Твоя любовь спасла меня.

И в этом прозвучала самонадеянность, хотя и недалекая от правды.

Он заключил Марсину в объятия и прижал к сердцу, и вскоре — после велеречивых обещаний, неискренних похвал и завистливых взглядов на прекрасное драгоценное платье — она стала его женой.

И, стоило им обняться, как весь лес успокоился и все встало на свои места.

Бродившие как в тумане люди из свиты Колхаша нашли друг друга и узнали себя. Им казалось, что они присутствуют на свадьбе и прислуживают при первой брачной ночи, и это отчасти соответствовало действительности. Ибо они увидели, что их господин, старик или злобный деспот, зависящий от их умения держать язык за зубами, стоит у ручья рядом с пышнотелой девицей, странный беспорядок в одежде которой был быстро устранен с помощью вещей, вынутых из свадебных сундуков.

Около полудня кортеж двинулся сквозь лес (жених на угольно-черном скакуне, невеста — в паланкине), и вскоре повстречался с охотниками, преследовавшими странное животное, которое они называли «дером». Посетовав на то, что им не доводилось встречать такого зверя, люди Колхаша двинулись дальше по направлению к замку Колхаша, которому предстояло узнать власть новой хозяйки. Она казалась ведьмой и пророчицей под стать своей матери, чьим искусством постоянно похвалялась.

Ее муж, вначале утративший интерес к книгам, вскоре к ним вернулся и предоставил супруге заниматься чем ей угодно. Йезада оказалась требовательной женой. И по прошествии времени поползли странные слухи о ней. Говорили, что материю для своего плаща она соткала из волос погибших юношей, что зубы растут у нее не только во рту, но и в другом месте, о котором упоминать не принято. Когда же в деревнях шел дождь, люди ворчали:

— Это Йезада льет на нас свои помои.

Никто не знает, нравились ли ей эти слухи и была ли она счастлива со своим кротким супругом. Как неизвестно и то, хорошо ли жилось вдвоем Деру и Марсине.

Только осел остался в выигрыше после этих трех дней и ночей, проведенных в лесу. Каким-то образом в его ослиной голове осталось что-то от охотника Дера. Следует заметить, что сам Дер не приобрел ничего нового.

Осел же, резвясь на лесных лужайках, заметил, что рыси и волки, встречая его взгляд, бросаются наутек. А потому он дожил до преклонного возраста, не страдая от гнета человека, наслаждаясь изобилием пищи и неизбывном счастьем вольноотпущенника. Время от времени он даже оглашал окрестности философскими откровениями:

— Иа! Иа!

И птицы при этих звуках разлетались в разные стороны, и ворчали потревоженные ленивцы, и рыси приседали на задние лапы, а случайные путники бормотали под нос: «Что за отвратительный крик!»

Осел же ухмылялся и думал: «Может, даже боги прислушиваются к моей мудрой песне». Хотя, конечно, богам было не до него.

А СОВАЗ, РАЗЛУЧЕННАЯ с Чузаром, отправилась горестно бродить по земле.

СОДЕРЖАНИЕ

Медра	5
Синий флакон с душами	24
Небесный тигр	51
Предательский янтарь	61
...Алые, как кровь	76
Смертоносный голубь	91
Дочь ночи — любовница дня	112
Королевство воздуха	139
Блудный сын	188
Почему свет?	231
Женщина-демон	256
Дети ночи	296

ТАНИТ

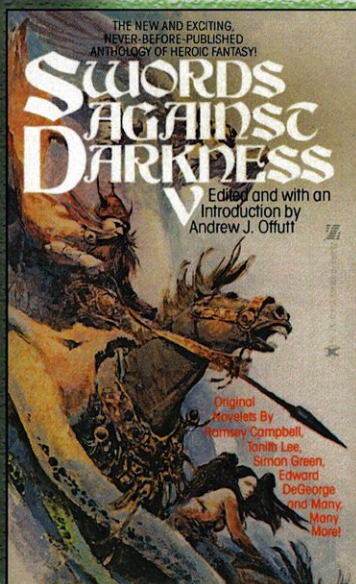
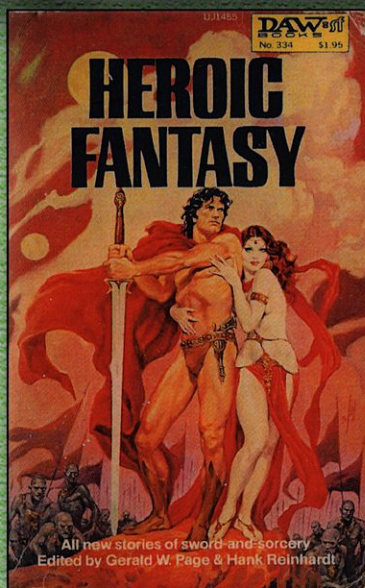
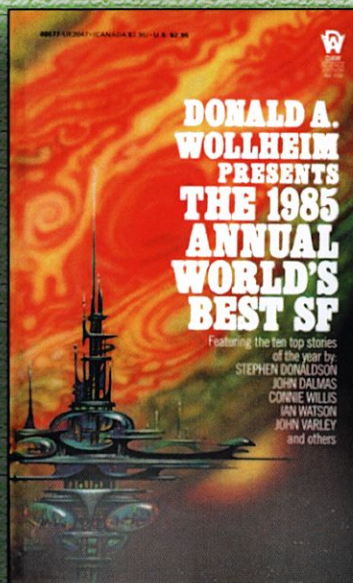
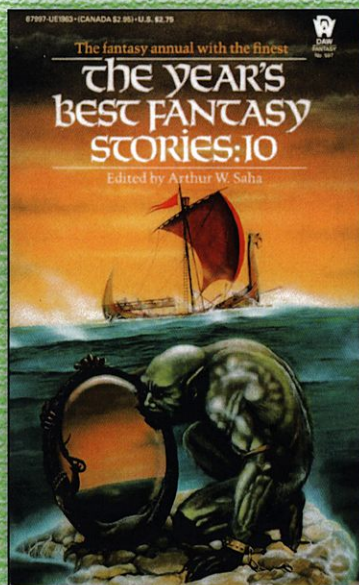
ЛН

**ЗЛОВЕЩИЕ
ИСТОРИИ**

+16

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ

Составитель серии *А. Лидин*
Отвественная за выпуск *Я. Забелина*
Главный художник *Л. Соловьева*
Верстка *В. Кудрешов*
Корректор *А. Филимонова*

ISBN 978-5-93835-075-5

9 785938 350755

•Северо-Занэг•